(Годъ шестнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 3.

Пров. 50

СОДЕРЖАНІЕ

1. Турецкая война при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Записка неизвѣстнаго участника оной, съ предисловіемъ **С. В. Сафонова** 255
2. Московская старина. Археологическая прогулка по Московскимъ улицамъ **А. А. Мартынова**. III. Тверская улица. 274
3. Письмо **графа Ѳ. В. Ростопчина** о состояніи Россіи въ концѣ Екатерининскаго царствованія (1794), съ предисловіемъ и примѣчаніями. 292
4. Изъ Записокъ **Маріи Сергѣевны Мухановой** (Служба Сергѣя Ильича Муханова.—Опала и милости Павла Петровича.—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Придворная жизнь.—1812 г.—14 Декабря 1825. — Путешествія на Кавказъ) 299
5. Родословная Мухановыхъ 326
6. Изъ Воспоминаній **принца Евгенія Виртембергскаго.** (Поѣздка въ Петербургъ въ 1825 году. Междуцарствіе. 14 Декабря.—Графъ Дибичъ). 330
7. Графъ Остерманъ-Толстой по преданіямъ жителей Женевы. 360
8. Письмо Московскаго митрополита **Филарета** къ А. Н. Озерову въ Аѳины (о Греко-Болгарскомъ несогласіи). . 364
9. Россія и Сербія въ концѣ Николаевскаго царствованія (1853). Письмо неизвѣстнаго Серба въ Петербургъ изъ Парижа. 366
10. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1870 года, **Д. И. Иловайскаго** 368
11. Графъ В. А. Перовскій (Очеркъ его жизни, посланіе въ стихахъ и письмо къ нему **В. А. Жуковскаго.** — Письмо графа В. А. Перовскаго къ Ю. Ѳ. Самарину въ 1849 году). 371

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1877 годовъ Р-

(Въ 1874 году Русскій Архивъ сос
ги, а въ 1875, 1876 и 1877

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—50 писемъ **А. С. Пушкина** къ кн. П. А. Вяземскому съ новыми его стихами.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи.—Письма **лорда Мальмсбюри.**—Записки **князя Ѳ. Н. Голицына.**—Записки **Хршонщевскаго.** — Записки **И. Ѳ. Тимковскаго.** — Воспоминанія **гр. А. Д. Блудовой.**—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго.** Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **имп. Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **гр. Н. И. Панина** о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра I-го.—Два письма изъ Лондона отъ **гр. С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ имп. Александру. — Записки **Н. И. Лорера.**— Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго** — Ѳ. И. Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова.** Цѣна 4 руб.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке.**—Воспоминанія **гр. Блудовой.**—Старая Записная Книжка.—Письма **имп. Александра I-го** къ кн. Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля.** Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича.**—Бумаги **князя Васильчикова.**—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова.** Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова.**—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова.** Цѣна 3 рубля.

*

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова.** Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина.** 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго.** Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова.** Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова.** Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова.** Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина.** 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья **князя П. А. Вяземскаго.** Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года). Сборникъ неизданныхъ стихотвореній **Пушкина.** Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева.** Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

*

1877 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки **Г. С. Винскаго.** Взятіе Карса въ 1828 (изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева**). Бумаги контръ-адмирала **Истомина.** Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.** Старая Записная Книжка. Записки **графа А. И. Рибопьера.** Цѣна 3 рубля.

(См. на внутренней сторонѣ задней обертки).

Турецкая война при императрицѣ Аннѣ.

Современная рукопись.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Писанное въ 1836-мъ году.

Въ библіотекѣ графа М. С. Воронцова находится значительное собраніе разнаго рода рукописей, доставшихся ему частію отъ родственниковъ, занимавшихъ, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, важныя государственныя должности, а частію имъ самимъ собранныхъ. Въ числѣ этихъ рукописей есть одна подъ заглавіемъ: *Записка о томъ, сколько я памятую о Крымскихъ и Турецкихъ походахъ*. Сочинитель сей записки былъ, какъ видно изъ самой рукописи, въ походѣ 1736 года, адъютантомъ генералъ-маіора Бирона; а въ походахъ 1737, 1738 и 1739 годовъ, адъютантомъ генералъ-маіора Левендаля. Я не могъ узнать имени и фамиліи сочинителя ни изъ самой рукописи, ни изъ Записокъ Манштейна, участвовавшаго въ сихъ походахъ.

Въ этой рукописи описаны походы 1736, 1737, 1738 и 1739 годовъ, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха. Она показалась мнѣ такъ любопытною и занимательною, что я, пользуясь благосклоннымъ вниманіемъ графа Михаила Семеновича, представляю ее читателямъ [1]). Болѣе всего завлекательна въ ней простота разсказа. Это памятная записка человѣка, не писавшаго для потомства, не имѣвшаго въ виду занять мѣсто между современными историками, но желавшаго сохранить на бумагѣ память о совершенныхъ имъ походахъ и, вѣроятно, на закатѣ своей жизни, разсказывавшаго въ тиши кабинета дѣянія давно минувшихъ лѣтъ. Записки этого рода неоцѣненны, какъ матеріалы для отечественной исторіи. Слогъ рукописи сохраненъ со всею точностію. Желая сдѣлать ее для читателей, сколько возможно понятнѣе, не излишнимъ считаю бросить краткій историческій взглядъ на описываемыя въ оной эпохи.

---

[1]) Мы обязаны искреннею благодарностію особѣ, доставившей намъ эту любопытную статью. Записка эта живо напоминаетъ намъ прежнее время Новороссійскаго края, то время, когда могучій орелъ Россійскій только трепетомъ крылъ своихъ покрывалъ еще широкія наши степи, нынѣ такъ быстро населяющіяся и богатѣющія подъ благодѣтельнымъ скипетромъ самодержавія. Примѣч. Редакт. Одесскаго Вѣстника (1837), гдѣ первоначально появилась эта рукопись.

Безпрестанные набѣги Крымскихъ Татаръ и Нагайцевъ на Россійскія владѣнія и оставленіе Оттоманскою Портою безъ вниманія жалобъ и представленій, дѣланныхъ Россійскимъ дворомъ, были одною изъ главныхъ причинъ войны 1736 и послѣдующихъ годовъ. Крымскимъ ханомъ былъ въ то время *Каплань-Гирей*, принявшій въ третій разъ бразды правленія. Въ 1735 году генералъ-поручикъ Леонтьевъ получилъ приказаніе разорить земли Нагайскихъ Татаръ, обитавшихъ въ степяхъ между Крымомъ и Украйною и предать тамъ все огню и мечу. Онъ не могъ выступить въ походъ ранѣе Октября мѣсяца. Позднее время года, недостатокъ въ съѣстныхъ запасахъ и подножномъ кормѣ, и наконецъ умноженіе болѣзней, принудили прекратить въ скоромъ времени этотъ походъ, окончившійся только опустошеніемъ нѣсколькихъ Нагайскихъ ордъ. Войско вступило обратно въ Украйну въ концѣ Ноября, въ самомъ дурномъ положеніи, потерявъ болѣе 9.000 человѣкъ.

Этотъ неудачный походъ генерала Леонтьева не остановилъ дальнѣйшихъ намѣреній Россійскаго двора; а потому, не смотря на возраженія государственнаго канцлера графа Остермана, не взирая на посредничество иностранныхъ державъ и даже на желаніе самой Порты доставить требуемое удовлетвореніе, фельдмаршалъ графъ Минихъ получилъ повелѣніе императрицы Анны Іоанновны выступить въ походъ и, вслѣдствіе того, этотъ дѣятельный военачальникъ открылъ войну 1736 года.

Она началась взятіемъ Азова. Въ концѣ Апрѣля все войско двинулось къ Перекопу. Война была ведена блистательнымъ образомъ; но походъ былъ кровавый. Разворенные города, дымящіяся деревни и груды камней означили быстрый походъ Миниха, получившаго названія: *Столпа Россійской имперіи* и *Сокола*. Перекопская линія взята была приступомъ. Козловъ (Евпаторія) былъ сожженъ отчасти Татарами, а отчасти Русскими. Бакчисарай, столица Крымскихъ хановъ, разграбленъ, и какъ дворецъ, такъ и городъ обращены въ пепелъ. Таже участь постигла Акмечеть (Симферополь). Графъ Минихъ располагалъ идти далѣе къ Кафѣ (Ѳеодосіи), гдѣ скрылись Турки; но сильные жары, породившіе множество опасныхъ болѣзней, заставили его возвратиться къ Перекопу. Ожесточенные жители-Татары, удаляясь въ горы, выжигали сами деревни и истребляли все, даже воду, чтобы лишить Русскихъ возможности достать себѣ что-либо на возвратномъ пути. Это была какая-то жажда истребленія съ обѣихъ сторонъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ войска вступили въ Украйну на зимнія квартиры.

Такъ кончился славный походъ въ Крымъ, сдѣлавшій много шуму въ иностранныхъ государствахъ, покрывшій славою главнаго военачальника, но не доставившій Россіи никакой существенной выгоды. Опасенія графа Остермана исполнились и, если справедливо, что самыя блестящія войны суть великія бѣдствія въ сущности, то истина эта сильно подтвердилась настоящимъ походомъ. Россія потеряла половину своихъ войскъ, и притомъ не отъ битвъ, а отъ болѣзней и разнаго рода недостатковъ; и въ слѣдующемъ же году Татары, раздраженные понесеннымъ ими опустошеніемъ, опять начали свои набѣги.

Въ 1737 году дѣйствовали противъ Турокъ уже двѣ отдѣльныя арміи; главная, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха, обратилась къ Очакову и Днѣстру; а вторая армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Лассія, дѣйствовала противъ Крыма. Сочинитель «Записки», бывшій въ первой арміи,

описываетъ ея дѣйствія. Самое достопримѣчательное происшествіе войны 1737 года было взятіе Очакова. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ войско, состоявшее изъ 70.000 человѣкъ, выступило въ походъ. Въ концѣ Іюня оно прибыло къ рѣкѣ Бугу, а въ половинѣ Іюля расположилось лагеремъ у Очакова. Несмотря на неудачный приступъ къ городу, въ которомъ Русскіе потеряли много убитыми и ранеными, Очаковъ былъ взятъ. Счастіе и здѣсь не оставило своего любимца.

Фельдмаршалъ Минихъ, потерявъ въ сраженіяхъ и отъ болѣзней нѣсколько тысячъ человѣкъ, возвратился въ Августѣ мѣсяцѣ въ Украйну, оставивъ въ Очаковѣ гарнизонъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Стефельна. Въ теченіе осени Турки осадили Очаковъ; но, потерявъ въ разныхъ вылазкахъ и сраженіяхъ до 20.000 человѣкъ, принуждены были оставить свое намѣреніе.

Походъ 1738 года кончился ничѣмъ. Фельдмаршалъ Минихъ выступилъ въ началѣ Мая и, послѣ разныхъ незначительныхъ сшибокъ, дошелъ до Днѣстра. Простоявши нѣсколько времени въ виду непріятельской арміи, расположенной на той сторонѣ рѣки, онъ возвратился, въ началѣ Сентября, въ Украйну, на зимнія квартиры. Войско много потерпѣло, въ особенности отъ недостатка фуража и подножнаго корма, который былъ выжигаемъ Татарами.

Послѣдній походъ 1739 года былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ. Фельдмаршалъ Минихъ, переправившись чрезъ Днѣстръ, разбилъ Турокъ при д. Ставушанахъ, взялъ безъ сопротивленія Хотинъ, овладѣлъ Молдавіею и занялъ Яссы. Онъ располагалъ взять Бендеры, а потомъ перейти Дунай и проникнуть далѣе въ Турецкія владѣнія; но миръ, заключенный въ Бѣлградѣ, положилъ предѣлъ его намѣреніямъ и окончилъ пятилѣтнюю войну, стоившую Россіи до 100.000 человѣкъ и многочисленныхъ издержекъ и не доставившую ей никакой существенной пользы.

С. С. [1]).

*

ЗАПИСКА О ТОМЪ, СКОЛЬКО Я ПАМЯТУЮ О КРЫМСКИХЪ И ТУРЕЦКИХЪ ПОХОДАХЪ.

Въ 1736 году, армія, собравшись при Царицынѣ, выступила оттуда въ походъ съ запаснымъ, на шесть недѣль, провіантомъ, который при полкахъ состоялъ въ толченыхъ сухаряхъ; при чемъ, какъ офицеры, такъ и солдаты должны были, сколько возможно было, уменьшить число артельныхъ своихъ телѣгъ. Все сіе чинено было въ томъ намѣреніи, чтобы меньше имѣть багажу, и чтобы оный можно было везти въ замкнутомъ кареѣ. Бывшій потомъ фельдмаршаломъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой оставленъ былъ въ Украйнѣ для закупки провіанта и для отправленія онаго въ армію; а дабы оный тѣмъ надежнѣе препроводить, то на походѣ арміи, въ извѣстныхъ разстояніяхъ отъ границы до Перекопа, построены были редуты и фельдшанцы, въ коихъ оставлены небольшіе гарнизоны изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, для прикрытія подвозимаго провіанта и проѣзжающихъ курьеровъ. На каждый полкъ взято было по нѣскольку бочекъ пива для ободренія, временемъ, утомленныхъ солдатъ, кои во весь походъ иной пищи не имѣли, кромѣ своего провіанта и воды; да и та по большей части была негодная, а

[1]) Подъ этими буквами вѣроятно скрыто имя Степана Васильевича Сафонова, бывшаго секретаремъ графа (впослѣдствіи князя) М. С. Воронцова. П. Б.

иногда и совсѣмъ оной достать было не можно. Порожнія бочки употреблялись послѣ для воженія съ собою, въ нужномъ случаѣ, воды.

Послѣ всѣхъ сихъ пріуготовленій и распоряженій, армія, вступая въ походъ, строила отъ разстоянія до разстоянія редуты и дошла до Черной Долины, не будучи много обезпокоивана непріятелемъ, который только по временамъ показывался разными партіями, но тотчасъ назадъ отступалъ.

У Черной Долины полковникъ Виттенъ съ 1.500 драгунъ и нѣсколькими казаками, коихъ числа не упомню, командированъ былъ для присматриванія за непріятелемъ, близко ли онъ находится и въ какомъ числѣ. Отошедъ около 12 верстъ отъ арміи, нашелъ онъ непріятеля, который былъ по крайней мѣрѣ въ 60.000, тотчасъ началъ его окружать и стрѣлами по немъ стрѣлять. Но прежде нежели непріятель совершенно его окружилъ, отправилъ онъ офицера къ фельдмаршалу и требовалъ сикурсу. Генералъ-маіоръ Шпигель, взявъ съ собою 200 человѣкъ гренадеровъ, поспѣшилъ къ нему на сикурсъ, а за нимъ слѣдовалъ самъ фельдмаршалъ съ двумя эскадронами конницы и нѣкоторымъ числомъ казаковъ. Фельдмаршалъ настигъ генерала Шпигеля въ 4 верстахъ отъ полковника Виттена; но, усмотря большую непріятельскую силу и опасаясь, дабы отрѣзаннымъ не быть и арміи безъ командира не оставить, а притомъ отправить сильнѣйшій сикурсъ, поспѣшалъ назадъ къ арміи и гонимъ былъ Татарами, которые одного изъ его адъютантовъ ранили. Оные Татары, прошедъ между генераломъ Шпигелемъ и полковникомъ Виттеномъ, не дали имъ соединиться, а притомъ со всѣхъ сторонъ ихъ окружили. Нападенія ихъ продолжались даже до захожденія солнца, однако съ весьма малымъ съ нашей стороны урономъ. Между ранеными находились генералъ Шпигель съ двумя раненными жъ его гренадерами и двумя мертвыми; а изъ драгунъ и казаковъ убито и ранено было около 40 человѣкъ.

Фельдмаршалъ, прибывъ по захожденіи солнца въ лагерь, командировалъ тотчасъ на сикурсъ генерала Леонтьева съ 4 пѣхотными полками. Онъ выступилъ въ 11 часу вечера и прибылъ около 2 часовъ по полуночи къ генералу Шпигелю. Татары принуждены были назадъ отступить, и оба соединились съ полковникомъ Виттеномъ. Главная армія выступила въ 4 часа поутру и пришла къ нимъ въ 7 часу на то мѣсто, гдѣ стоялъ и атакованъ былъ полковникъ Виттенъ. Непріятель находился въ двухъ верстахъ отъ нихъ, но скоро назадъ отступилъ и, перестрѣливаясь съ нашими легкими войсками, раздѣлился потомъ вокругъ всего карея и, продолжая симъ образомъ насъ обезпокоивать, старался всячески изнурить армію и походъ ея остановить, въ чемъ ему и удалось: потому что за потеряніе всей арміи почитали, если бы сдѣлалася хотя малая прорѣха, въ которую бы онъ въ карей ворваться могъ. По сей причинѣ маршировали мы весьма медленно: иногда въ обозѣ что нибудь изломается, или въ упряжкѣ хотя малое что повредится, то вся армія до исправленія починкою должна была остановиться; слѣдственно, не можно было и 500 шаговъ перейдти, чтобы паки не стоять полчаса и болѣе. Такимъ образомъ и при самыхъ малыхъ маршахъ невозможно было прежде 4 или 5 часовъ вечера въ лагерь прибыть; солдатъ, между тѣмъ, солнечнымъ зноемъ и худою пищею весьма изнуряемъ былъ, а скотъ, будучи во весь день въ упряжкѣ, не меньше страдалъ и истощевалъ, потому что все онаго число ночью, и то только въ

кареѣ, травою, сколько оной тамъ было, питаться и часто цѣлые сутки и болѣе безъ воды быть принуждено было. Если кто, противу даннаго приказу, утомленную свою лошадь за рогатки выпуститъ, то уже та лошадь вѣрно непріятелемъ либо взята, либо ранена и къ употребленію негодною сдѣлана была. Я долженъ здѣсь напомянуть, что въ маршированіи кареемъ особливой нужды не было для войска, и что гораздо бы выгоднѣе было для войска, если бы полки обенфасовъ [2]) колонною маршировали, въ которомъ случаѣ могли бы они всегда столь скоро, какъ того нужда бы востребовала, формироваться для прикрытія обозу. Можно легко себѣ представить, что такой великій фрунтъ, будучи стѣсняемъ примкнувшимся къ нему багажемъ, въ прямой линіи всегда маршировать не можетъ; но оная иногда выгибалась, а иногда и перерывалась; а дабы до сего не допустить, то во время маршу должно было безпрестанно выравниваться, то къ правому, то къ лѣвому флангу, и такимъ образомъ солдатъ, дѣлая почти двойной маршъ, еще болѣе утомляемъ былъ. Со всею сею предосторожностію, однажды нѣсколько Татаръ, между Перекопомъ и Козловымъ, при переходѣ чрезъ неглубокую воду, сдѣлали въ линіи прорѣху. Я не думаю, чтобъ Татары, при маршированіи колоннами, на то отважились; не могли они никакого вреда сдѣлать, потому что невозможно было имъ сквозь стѣсненный обозъ далѣе 30 или 40 шаговъ пробиться. Къ тому же всѣ фурлейты или извощики и офицерскіе слуги, находящіеся при обозѣ, снабжены были ружьями, копьями и саблями; послѣдніе оба рода оружія могли въ семъ случаѣ имѣть нѣкоторую пользу, а первый только при фуражированіи, но не въ кареѣ. И самый сей случай былъ тому доказательствомъ: ибо, какъ скоро только голосъ до передняго фасу дошелъ, что непріятель назади въ обозъ ворвался, то всякій, въ переднемъ фасѣ, за должность свою признавалъ назадъ стрѣлять, и такимъ образомъ стрѣляли по своимъ собственнымъ людямъ. Непріятель давно уже выгнанъ былъ, а стрѣльбы сей пресѣчь было невозможно, и удивительно, что отъ сего безпорядка бо́льшаго вреда людямъ не приключилось. Рогатки, и по моему мнѣнію, необходимо нужны для безопасности лагеря и для доставленія въ немъ солдатамъ покоя, особливо въ такой землѣ, гдѣ вездѣ гладкое и ровное поле, и гдѣ ни фрунтъ, ни фланги, ниже затылокъ лагеря ничѣмъ прикрыть не можно, и гдѣ такой легкій и нерегулярный непріятель однимъ только всегдашнимъ тревоженьемъ старается утомить своего непріятеля, а отъ сраженія и баталій вовсе убѣгаетъ и ничѣмъ къ тому понуждаемъ быть не можетъ. Иное дѣло съ Турками и въ такой землѣ, гдѣ есть горы, лощины, рѣки, переправы, болота и прочее. Можно было противъ сего возразить, что и непріятель самъ чрезъ то утомляется и наконецъ сей образъ воеванія оставить долженъ; но надо разсудить, что онъ къ сему тревоженію употребить можетъ только третью часть своего войска, отступая назадъ съ остальнымъ на нѣсколько верстъ отъ арміи, гдѣ кормитъ своихъ лошадей, самъ отдыхаетъ и имѣетъ свой покой другихъ смѣнить, а притомъ служитъ на конѣ, не печется нимало ни о своемъ провіантѣ, ни о подвозѣ онаго, находитъ пропитаніе свое въ оставленныхъ нами лагеряхъ, отъ падшихъ и за

---

[2]) Непонятное намъ слово. *П. Б.*

негодностію къ употребленію брошенныхъ лошадей и прочаго скота; знаетъ всѣ мѣста своей степи и потому въ водѣ никогда или весьма рѣдко нужду терпитъ, и въ такомъ случаѣ оной нуждѣ помогаетъ кобыльимъ молокомъ. Напротивъ того, солдатъ идетъ пѣшкомъ, несетъ на себѣ немалую тягость и часто, когда лошади совсѣмъ изъ силы выбьются, часто самъ тащить долженъ телѣгу и свой провіантъ, кромѣ хлѣба и воды иной пищи не знаетъ, по недостатку въ дровахъ весьма рѣдко кашу себѣ сварить можетъ, въ лагерѣ безпрестаннымъ отъ непріятеля тревоженьемъ лишенъ сна и нужнаго покоя; а наконецъ, всякими болѣзнями, яко лихорадками, горячками и кровавыми поносами и прочими одержимъ будучи, здоровыхъ заражаетъ, и такимъ образомъ цѣлую армію приводитъ въ несостояніе исполнять повелѣнія монаршія. Что̀ касается до пикъ, которыя мы съ собою возили и на рогатки накладывали; то я въ нихъ никакой пользы не признавалъ, и оныя никогда употреблены не были.

При такомъ трудномъ маршѣ и безпрестанномъ тревоженьи, армія пришла къ Перекопу, а непріятель перебрался за линію свою въ Крымъ. Фельдмаршалъ, постоявъ дня съ два или три предъ крѣпостью и сдѣлавъ между тѣмъ два редута и нѣсколько батарей для стрѣлянья по крѣпости, командировалъ генерала-квартирмейстера Штофельна, чтобъ, осмотря линію, сыскать такое мѣсто, гдѣ бы оная была не починена и можно бы ее атаковать приступомъ. По рапорту оказалось, что невозможно учинить приступа, развѣ съ превеликимъ урономъ арміи, ежели непріятель столь храбро оную оборонять будетъ, какъ число находящагося позади оной его войска велико. Но какъ фельдмаршалъ твердо намѣренъ былъ идти на приступъ, то онъ, утаивъ сей рапортъ, отдалъ приказъ, чтобы большая часть арміи, по захожденіи солнца, выступила ордеромъ баталіи въ двѣ линіи, чтобы ночью приступить къ лѣвому флангу Перекопской линіи и на разсвѣтѣ идти къ ней приступомъ; достальная часть арміи должна была около полуночи дѣлать фальшивую атаку къ крѣпости и къ линіи, простирающейся къ Гнилому морю. Все сіе исполнено было порядочно, и фальшивая атака причинила, что вся Татарская сила перешла на правый ея флангъ, чтобы на той сторонѣ крѣпость и линію прикрыть и оборонить. Какъ же наши на разсвѣтѣ начали приступать къ находящейся по лѣвую сторону отъ Перекопа части линіи, то мы инаго сопротивленія не нашли, какъ отъ башень; но оныя намъ нимало вредить не могли, потому что мы тотчасъ подобрались подъ ихъ пушки, и они болѣе 10-ти выстрѣловъ по насъ учинить не могли.

Три шеренги арміи спустились въ ровъ, а четвертая, которая несла рогатки, остановилась на краю онаго. Ровъ глубиною былъ, по крайней мѣрѣ, въ три сажени, и приступныхъ лѣстницъ съ нами ни единой не было; почему для солдатъ иного не оставалось, кромѣ того, что одинъ солдатъ другому на плеча становился, штыки въ землю втыкалъ, и такимъ образомъ на верхъ взойти домогался. Черезъ полчаса всѣ три шеренги взошли на верхъ и вступили въ Крымъ. Коль скоро вскрываніемъ вала засыпано было нѣсколько сажень во рву, то и четвертая шеренга съ рогатками и съ полковою нашею артилеріею туда же перешла, такъ что около 10-го часа всѣ стояли уже въ ордерѣ баталіи. Башни были взяты, и, по принятіи въ полонъ гарнизоновъ, нами заняты, а армія до 4-хъ часовъ по полудни отдыхъ имѣла. Непріятель отступилъ внутрь Крыма и оставилъ

только гарнизонъ въ Перекопской крѣпости. Въ 5-мъ часу по полудни, фельдмаршалъ маршировалъ двумя колоннами мимо крѣпости и почти подъ пушками оной. Сіе дѣлалъ онъ нарочно для того, чтобъ увидѣть, какъ она обороняться будетъ; а какъ изъ оной учинено было только нѣсколько выстрѣловъ, безъ всякаго намъ вреда, то онъ тотчасъ велѣлъ требовать сдачи и, по нѣсколькимъ съ ихъ стороны учиненнымъ трудностямъ, выслали они еще тогожъ вечера аманатовъ въ лагерь; а съ нашей стороны посланъ былъ къ нимъ генералъ-маіоръ Бирономъ, при которомъ я тогда былъ адъютантомъ, и еще въ туже ночь заключена была капитуляція, а на другой день поутру заняли мы крѣпость.

Фельдмаршалъ надѣялся найдти въ семъ мѣстѣ многочисленный магазинъ; но, вмѣсто того, оказалось, что оный весьма невеликъ: едва онаго стать можетъ на 4 мѣсяца двумъ полкамъ, оставленнымъ подъ командою господина полковника Девица для содержанія гарнизона въ сей крѣпости; почему долженъ бы онъ былъ оставить свой маршъ далѣе въ Крымъ, если бы его не увѣрили, что въ деревняхъ по Козловской дорогѣ нѣсколько, а въ самомъ Козловѣ весьма довольно хлѣба находится. Сіе побудило его продолжать свой маршъ и въ тоже самое время отправить генерала Леонтьева съ корпусомъ къ Кинбурну для взятія онаго, подтверждая притомъ князю Трубецкому объ отправленіи въ Перекопъ запаснаго провіанта.

Какъ скоро армія къ Козлову въ маршъ вступила, начали опять показываться Татары, яко обитателя сего острова и слѣдовали за нами со всѣхъ сторонъ; ночлеги ихъ были всегда въ семи или восьми верстахъ отъ насъ, что̀ они до тѣхъ поръ продолжали, какъ генералъ-фельдмаршалъ, въ одну ночь, генералу-маіору Геину приказалъ на нихъ учинить нечаянное нападеніе, при которомъ случаѣ они весьма много потеряли, и хотя наши Донскіе казаки недосмотрѣніемъ вышеупомянутаго генерала-маіора также нѣкоторый уронъ претерпѣли, однако Татары съ того времени всегда подъ вечеръ больше отъ насъ удалялись, а при восхожденіи солнца, хотя и не всѣ, а по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ опять къ намъ возвращалась.

Армія начинала уже имѣть недостатокъ въ провіантѣ, чего ради, при выступленіи изъ лагеря, отъ каждаго полку отправляемы были всегда по двѣ порожнихъ телѣги, подъ прикрытіемъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, кои по обѣимъ флангамъ арміи внѣ карея маршировали и, если гдѣ верстахъ въ двухъ или трехъ въ сторонѣ увидятъ деревню, должны были туда слѣдовать для искания хлѣба, коего нѣсколько и находили въ землѣ зарытаго, такъ что на иной полкъ доставалось по три и по четыре четверти. Оный хлѣбъ въ ручныхъ мельницахъ, кои каждая рота при себѣ имѣла, ночью мололи;но къ печенію не доставало ни дровъ, ни печи, ниже потребнаго къ тому времени; почему они должны были муку варить на подобіе киселя; а гдѣ случались дрова, тамъ, сдѣлавъ лепешки, жарили оныя на огнѣ. Многіе и немолотый хлѣбъ жарили и такъ его ѣли; а иные ѣли и совсѣмъ сырой: ибо, по претерпѣніи дневнаго труда и солнечнаго зноя, казалось имъ несносною тягостью оный ночью молоть, отчего послѣдовалъ у многихъ поносъ, и число больныхъ весьма умножилось. Многіе померли, и нѣкоторые полки, при возвратномъ къ Перекопу пути, не имѣли и 200 человѣкъ здоровыхъ въ шеренгахъ и рядахъ; а для прикрытія обоза и артилеріи, которые также знатно уменьшились, маршировали полки въ двѣ шеренги, и то

весьма въ немаломъ разстояніи человѣкъ отъ человѣка. Отъ уменьшенія офицерскаго багажа и артельной повозки, офицеры и солдаты претерпѣвали во всемъ потребномъ нужду. Каждый офицеръ радъ былъ, когда изъ привезеннаго хлѣба ему съ шляпу для людей его дадутъ. Я самъ за одинъ маркитантскій хлѣбъ и за худой окорокъ, при возвращеніи къ Перекопу, шесть рублевъ заплатилъ; а скота во весь нашъ маршъ одинъ только разъ казаки между Перекопомъ и Козловымъ съ 4.000 овецъ достали, изъ котораго числа нѣсколько и по полкамъ роздано было, потому что весь скотъ отогнанъ былъ въ горы. Какъ артилерійскія, такъ подъемныя и драгунскія лошади весьма ослабѣли, и большая часть драгунъ шли наконецъ пѣшіе, ибо лошадей ихъ въ артилерійскую упряжку употребить должно было.

Артилерійскіе фурманы велики и по положенію въ штатѣ, въ разсужденіи припрягаемыхъ лошадей, весьма тяжелы, и на сто лошадей дано было только 4 запасныхъ. Послѣ четырехнедѣльнаго марша арміи вся артилерійская припряжная сбруя испорчена была, что̀ не мало останавливало весь маршъ; да и малое число свѣжихъ лошадей, кои вмѣсто измученныхъ во всѣ стороны употреблялись, также скоро изъ силъ вышли, которую нужду не прежде какъ въ походѣ 1739 года поправили, когда, по представленію генерала Левендаля, новое въ томъ распоряженіе сдѣлано было; ибо тогда, при выступленіи арміи отъ сборнаго мѣста въ запряжку, къ каждому орудію и къ амуціоннымъ и понтоннымъ фурамъ прибавлено было по нѣскольку лошадей, и, сколько мнѣ помнится, по 20 запасныхъ на каждыя сто, и только въ сей кампаніи армія съ артилеріею и понтонами порядочно маршировать въ состояніи была. Въ походахъ 37, 38, 39 годовъ, будучи адъютантомъ при генералѣ Левендалѣ, который сверхъ своей дивизіи и артилеріею командовалъ, узналъ я нужду, какую артилерійскіе офицеры претерпѣвали и которая на всю армію простиралась. Да иначе и быть не могло, если разсудить, сколь долго скотъ терпѣть можетъ, будучи четыре или пять мѣсяцевъ, каждый съ утра до ночи, обремененъ и запряженъ, а при томъ не получая во все то время ни зерна овса и питаясь въ ночное время въ замкнутомъ карее одною травою, которой и найдти не можетъ столько, чтобы хотя половину досыта наѣсться. Иногда же одни и двое сутокъ безъ воды быть долженъ, при чемъ еще нетерпѣливость утомленнаго погонщика безъ всякой пощады его мучитъ и погоняетъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ мы возвратно чрезъ Крымъ къ границамъ своимъ маршировали.

На дорогѣ къ Козлову великій былъ въ водѣ недостатокъ, а особливо въ послѣдніе три дни. Хотя солдатамъ, въ каждый изъ сихъ дней, давали по чаркѣ вина и велѣно имъ было свинцовую пулю во рту держать, а при аріергардѣ всегда было по бочкѣ вина для ободренія тѣхъ, кои отъ жару, жажды и безсилія изнемогали; однакожъ всѣ сіи способы были тщетны, и еслибъ всемилосердый Господь Богъ намъ въ послѣдній день, за двѣ мили отъ Козлова, не даровалъ толь сильнаго дождя, что солдаты выше башмаковъ въ водѣ стояли, то бы того дня нѣсколько тысячъ людей злосчастно и безъ всякой помощи погибли. Въ семъ-то случаѣ, я, смотря на фельдмаршала, видѣть могъ, сколько командиръ страждетъ, который, повелѣнія своего Государя исполняя и по благополучномъ успѣхѣ лаская себя пріобрѣтеніемъ вѣчной славы, по человѣчеству чувствуетъ нужду ближняго своего, уже при вратахъ смерти состоящаго и который, ко

всему сему употребляемъ будучи, еще сверхъ того съ стихіями бороться долженъ и, отъ солнечнаго зноя истаевая, ни одной капли воды не имѣетъ, коею бы самъ могъ жажду свою утолить.

Наконецъ пришли мы къ Козлову и нашли, что сіе мѣсто какъ гарнизономъ, такъ и жителями оставлено и ни одного человѣка въ ономъ не находится: ибо они, выбравши оттуда все, что̀ только возможно было, увезли. Со всѣмъ тѣмъ нашли мы тамъ еще довольное число пшеницы и ячменя. Въ семъ-то мѣстѣ полки паки запаслись хлѣбомъ, да и лошадямъ даванъ былъ въ немногіе тѣ дни, какъ тамъ стояли, настоящій кормъ. Однакожъ нѣкоторые, не имѣя о лошадиномъ кормѣ надлежащаго понятія и не зная мѣры, сыпали имъ сухой пшеницы и ячменя столько, сколько ѣсть хотѣли, надѣясь ихъ чрезъ то въ прежнее состояніе привести; но голодный скотъ столько сего сухаго хлѣба жралъ, что какъ ихъ послѣ поить водили, то оный сухой хлѣбъ, послѣ воды, разбухъ, и много сотъ лошадей отъ того околѣло. Доколѣ мы здѣсь стояли, солдаты мололи и пекли хлѣбъ, и армія взяла съ собою на восемь дней печеныхъ хлѣбовъ, а на три недѣли—зерномъ, чтобъ впередъ было что молоть. Но въ первые два марша должно было неотмѣнно третью часть онаго бросить, потому что лошади весьма пристали и не могли онаго везти. Мы маршировали къ Бахчисараю и, возвращаясь къ Перекопу, находили въ деревняхъ довольно хлѣба, но по большей части должны были оный оставлять: ибо лошади весьма ослабѣли, и не проходило почти ни одного дня, чтобы человѣкъ до ста въ каждомъ полку не употреблены были для возки на себѣ полковаго обоза; а въ водѣ мы не столько имѣли недостатка, какъ идучи къ Козлову, хотя оная и рѣдко хороша. Генералъ Леонтьевъ въ Кинбурнѣ и въ тамошнихъ мѣстахъ нѣсколько тысячъ овецъ и нѣкоторое число рогатаго скота въ добычу получилъ, изъ котораго нѣсколько прислано было въ армію, по прибытіи къ Перекопу.

Во время нашихъ въ Крыму маршей, полковникъ Девицъ долженъ былъ стараться въ лежащихъ около Перекопа Татарскихъ деревняхъ искать для насъ запаснаго хлѣба. Онъ, какъ въ тѣхъ деревняхъ, такъ и въ предмѣстьи Перекопскомъ, нѣсколько онаго въ землѣ зарытаго нашелъ, и армія запаслась онымъ почти на недѣлю; а между тѣмъ изъ Украйны еще ничего привезено не было. Фельдмаршалъ заключилъ возвратный маршъ, а предъ тѣмъ отправилъ моего генерала назадъ въ Украйну для понужденія скорѣйшаго транспорта идущаго къ арміи провіанта и для напоминанія князю Трубецкому, чтобъ онаго изъ Украйны еще столько, сколько потребно, отправить. Но онъ на всей дорогѣ никого не нашелъ и пріѣхалъ въ Украйну къ князю Трубецкому, который еще только намѣрялся первый транспортъ отпустить, что̀ и исполнилъ. И такъ солдатъ, на своемъ возвратномъ маршѣ, хотя голоду не терпѣлъ, но должно было порціи имъ уменьшить. Генералъ-маіоръ Шпигель съ своимъ корпусомъ болѣе всѣхъ претерпѣлъ. Фельдмаршалъ командировалъ его впередъ къ Молочнымъ Водамъ, съ бо̀льшею частію кавалеріи и съ нѣкоторымъ числомъ казаковъ, за три или за четыре дня до вступленія арміи въ маршъ изъ Перекопа, для того, чтобы Татаръ по сей дорогѣ изъ Крыма не выпустить. О семъ проходѣ онъ въ то время впервыя прослышалъ, а прежде того объ ономъ вовсе не зналъ. Фельдмаршалъ Ласси пользовался онымъ. Въ будущемъ году онъ намѣренъ былъ онымъ овладѣть; но большая часть Татаръ еще до прибытія ге-

перала Шпигеля прошла, и онъ нашелъ себя такъ скоро, какъ только туда пришелъ, ими окруженнымъ, и они его весьма безпокоили. Онъ ожидалъ фельдмаршальскаго повелѣнія о томъ, когда и куда маршировать долженъ; но фельдмаршалъ о себѣ не могъ чрезъ курьера увѣдомить его, ибо Татары ихъ не пропускали. Правда, что фельдмаршалъ, по вступленіи своемъ въ маршъ изъ Перекопа, послалъ къ нему курьера съ повелѣніемъ, что̀ ему дѣлать; но оный Татарами былъ перенятъ, а какъ онъ втораго отправилъ, то и тотъ Татарами назадъ гонимъ возвратился, не видавъ генерала Шпигеля команды. Фельдмаршалъ простоялъ дня съ два и думалъ, что по утреннимъ и вечернимъ выстрѣламъ генералъ Шпигель узнаетъ, гдѣ фельдмаршалъ находится, и слѣдовательно не премпнетъ въ ту сторону маршировать. Но Шпигель, который сего слышать не могъ, стоялъ въ своемъ мѣстѣ неподвижно; а фельдмаршалъ долженъ былъ, для того, чтобъ стоя не потратить напрасно своего провіанту, въ маршъ вступить. Шпигель, который не болѣе какъ дня на три или на четыре провіанту имѣлъ и о фельдмаршалѣ ничего не зналъ (а хотя бы и зналъ, однако вѣдалъ, что у него запаснаго провіанту быть не можетъ) принялъ намѣреніе силою открыть себѣ дорогу въ Бахмутъ сквозь Татаръ, что̀ онъ съ такимъ успѣхомъ исполнилъ, что непріятель его удержать не могъ, и онъ счастливо въ Бахмутъ пришелъ, хотя и принужденъ былъ позволить своей командѣ, которая нужду терпѣла, лошадей рѣзать и въ пищу употреблять. Какъ сей, такъ и слѣдующіе въ другіе годы походы кончились тѣмъ, что мы принуждены были взятыя мѣста паки оставить и на границы почти съ раззоренною арміею возвратиться, хотя непріятель чрезъ раззореніе трехъ своихъ городовъ и многихъ выжженныхъ деревень, также немало претерпѣлъ.

Генерально нахожу я, что маршъ чрезъ Крымъ много затрудненій имѣетъ, и ежели солдатъ и офицеръ нужды терпѣть не должны, то надлежитъ имъ дозволить слѣдующее:

1) Офицеру имѣть при себѣ такой обозъ, какой его обстоятельства ему дозволяютъ, а солдатамъ столько артельныхъ телѣгъ, сколько они содержать могутъ; со всѣмъ тѣмъ у нихъ ничего лишняго не будетъ. Фельдмаршалъ, извѣдавъ сіе опытомъ, въ слѣдующей кампаніи намъ въ томъ позволилъ, и по сей причинѣ мы никогда уже до такой крайности не доходили.

2) Чтобы провіантъ подвозимъ былъ порядочно и чтобы оный въ Перекопѣ складывать, дабы армія послѣ того, какъ нѣсколько недѣль въ Крыму кругомъ походитъ, опять къ своимъ магазинамъ приблизиться и отдохнуть могла.

3) Взять Крымъ и оный за собою удержать, кажется мнѣ, до тѣхъ поръ невозможнымъ, пока не будетъ въ Азовскомъ морѣ флота, который Туркамъ показаться и съ ними сразиться можетъ.

4) Взятіе Кафы, кажется мнѣ, также безъ флота великимъ трудностямъ подверженнымъ. Къ томужъ должно чрезъ великія горы переходить, куда транспорты провіанта требуютъ конвоя, отъ чего не только идущая впередъ армія слабѣе становится, но и опасаться должно, чтобы непріятель тѣхъ транспортовъ не разбилъ или перехватилъ; а безъ довольнаго провіанту рѣдко можно взять городъ, никогда же онаго за собою удержать не можно, особливо когда, по причинѣ отдаленности, порядочной комуникаціи съ своими границами имѣть нельзя. Напротивъ чего, непріятель можетъ оную ко-

муникацію всегда чрезъ флоты свои, находящіеся въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, имѣть и сохранить.

5) Весьма бъ отважно было полагать надежду свою на продукты земли, особливо ежели разсудить, что Татары своихъ лошадей и свой скотъ зимою и лѣтомъ въ степь пускаютъ и сѣна не болѣе запасаютъ, какъ только чтобы недѣли три или четыре прокормить лошадей, съ которыми намѣрены они въ сосѣдской землѣ сдѣлать нападеніе. О нашихъ лошадяхъ не уповаю, чтобы онѣ въ состояніи были тоже выдержать, а еще меньше, чтобы ихъ при такомъ кормѣ употреблять было можно къ перевозкѣ провіанта; а о имѣніи въ Крымскихъ крѣпостяхъ запасныхъ магазиновъ не столько Татары, сколько Турки стараніе имѣютъ.

6) При семъ корпусѣ должно быть довольному числу маркитантовъ, кои бъ все для солдата потребное съ собою взяли. Въ семъ походѣ было оныхъ весьма мало; а въ послѣдующихъ больше, потому что по именнымъ указамъ туда почти командированы были.

7) Положенныхъ по штату полковыхъ лошадей для сихъ походовъ недовольно, а должно ихъ больше быть, иначе налагаемаго на нихъ труда не снесутъ.

8) Артилерійскія, амунпчныя и понтонныя фуры, какъ я уже выше упомянулъ, такъ тяжелы, что ихъ лошади такого долгаго марша никоимъ образомъ выдержать не могутъ. Учрежденіе ихъ штата въ такихъ походахъ никоимъ образомъ служить не можетъ; а должно въ упряжку имѣть болѣе, нежели штатомъ положено, также и запасныхъ на то больше, нежели штатомъ назначено: ибо во всѣхъ такихъ походахъ артилерія много къ разоренію арміи способствовала.

9) Понтоны, а особливо мостовыя доски, кои должно бросать на болотныя мѣста, нужны, и должно оныя везти съ собою: ибо случается проходить такими мѣстами, гдѣ вовсе лѣсу нѣтъ, а безъ онаго ничѣмъ себѣ помочь не можно.

10) Вино и сбитень корпуса имѣть должны. Сего послѣдняго армія въ 1737 годѣ не имѣла, и отъ того происходили жестокіе поносы, а въ послѣдующихъ походахъ весьма старались о имѣніи онаго.

11) Ежели я смѣю сказать свое мнѣніе о завоеваніи Крыма, то я сіе не почитаю за такое дѣло, которое бы въ одну кампанію совершить было возможно. Когда впервыя удастся взять Кинбурнъ и Перекопъ, то Татары заперты будутъ, особливо ежели построится при Молочныхъ Водахъ ретраншементъ для пресѣченія имъ сей дороги. Такимъ образомъ Украйна съ сей стороны будетъ совершенно безопасна. Покуда сіе въ первую кампанію исполняться будетъ, надлежитъ, по учрежденной въ послѣднемъ мирѣ границѣ (коя составляетъ отъ Днѣпра до Азовскаго моря около 150 верстъ и по двумъ рѣкамъ, Конскія Воды и Берды, простирается) редуты и ретраншементы построить, кои бъ провіантомъ, фуражемъ и всѣми потребностями для солдатъ снабжены были, дабы въ случаѣ, когда армія или корпусъ къ осени принуждены будутъ возвратиться, то бы тамъ имѣть могли свои виптеръ или кантониръ-квартиры; тогда-то можно будетъ Перекопъ и Кинбурнъ удержать за собою, и нужды не будетъ оные покидать, чтобъ на будущій годъ паки брать. Къ томужъ гарнизоны обоихъ сихъ мѣстъ чрезъ подкрѣпленія прикрыты быть могутъ; да и зимою, когда всѣ рѣки замерзнутъ, Татары не осмѣлятся на Украйну напасть: ибо они попались бы между двухъ огней, одинъ—сего корпуса, а другой—того, который въ Украйнѣ находится, а съ обѣихъ

сторонъ Донскими казаками и Запорожцами во фланги атакованы быть могли бы. Но самое важнѣйшее есть то, что тѣ, кои въ степи за старою линіею поселились, чрезъ то прикрыты бы были. Въ слѣдующемъ году корпусъ съ весны былъ бы уже въ Крыму и могъ бы дѣйствовать, не вредя своей упряжкѣ прежде употребительными маршами. Во время зимы можно бы имѣть магазинъ въ Перекопѣ и на будущій годъ изъ сихъ мѣстъ наполнить. Ежели года съ два такимъ образомъ противъ Крымцовъ подѣйствовать и, крѣпко тамъ засѣвши, лѣтомъ ихъ города и деревни раззорять, а ихъ самихъ въ ихъ полуостровѣ запереть: то я думаю, что они бы Россійскому скипетру скоро покорились и о принятіи ихъ подъ защищеніе Россійское сами просить будутъ; тогдажъ можно бы увѣрену быть, что гарнизоны или корпусъ, который должно будетъ тамъ содержать, себѣ пропитаніе найдутъ.

*

ПРИМѢЧАНІЕ О КАМПАНІИ 1737 ГОДА ПРОТИВЪ ОЧАКОВА.

Въ семъ году планъ учиненъ былъ дѣйствовать съ двумя арміями, а именно: главною, подъ командою генералъ-фельдмаршала Миниха, по той сторонѣ Днѣпра, противъ Очакова и до Днѣстра, а второю, подъ командою фельдмаршала Лассія, по прежнему, въ Крыму.

Недостатки случившіеся во время прежней кампаніи научили шефовъ не токмо офицерамъ, но и солдатамъ дозволять столько телѣгъ, сколько каждаго состояніе допускало, имѣть, чтобъ всѣмъ потребнымъ запастись. А для солдатъ везено было при арміи хлѣба и крупъ на пять мѣсяцевъ, почему опасность къ недостаткамъ и не предвидѣлась; при чемъ еще, когда провіантъ съ телѣгъ издержанъ бывалъ, скотъ солдатамъ для закланія розданъ. Однако сіе арміи немалое въ маршѣ препятствіе возбудило, ибо множество лошадей и скота требовало по пропорціи многаго корму; а хотя маршъ продолжался не инако, какъ по степямъ травянымъ, однако весьма трудно было болѣе двухъ дней въ одномъ лагерѣ корму достать. Наипаче нужда оказывалась въ упряжкѣ, когда по ту сторону Буга находились, гдѣ непріятель всю траву выжегъ; а хотя-жъ мѣстами нѣсколько корму сыскивалось, но для толь великаго множества все сіе было недостаточно.

Армія переправилась чрезъ Днѣпръ въ трехъ мѣстахъ, при Мишурномъ Рогѣ, въ Ласовкѣ и Орликѣ, и всѣ три дивизіи соединились въ сборномъ мѣстѣ при рѣкѣ Омельникѣ. Первые марши были весьма невелики, потому что полки всѣмъ потребнымъ и тѣмъ, чего въ поршедшемъ году лишились, еще совершенно снабжены быть не могли.

Еще часть рекрутъ не прибыла, кавалерія ожидала лошадей, и большая половина находилась безъ-конная; артилерія терпѣла нужду въ амуниціи и въ лошадяхъ; провіантный на пять мѣсяцевъ запасъ равномѣрно еще не весь бывалъ, и все сіе въ первыхъ двухъ недѣляхъ во время марша ожидать надлежало, что̀ потомъ по малу и прибыло; токмо рекруты не всѣ еще приведены были, чего ради фельдмаршалъ, взявъ отъ трехъ полковъ мушкетеровъ, раздѣлилъ ихъ въ полки некомплектные, а штабъ-офицеровъ тѣхъ полковъ оставилъ съ унтеръ-штабомъ и гренадерскими ротами позади, повелѣвъ имъ идти въ Самару, гдѣ долженствовали, ожидая рекрутъ и ремонтныхъ лошадей, укомплектоваться. Прибывъ ремонтныя драгун-

скія лошади изъ отдаленныхъ провинцій весьма въ худомъ состояніи къ арміи (что̀ равномѣрно съ упряжкою и въ артилеріи происходило), стала оказываться малая надежда къ хорошему успѣху сей кампаніи. Но весьма малые марши, продолжившіеся до Ингула, гдѣ всюду хорошій кормъ найденъ, и что Татары во время марша препятствія не оказывали, привели въ такое исправное состояніе лошадей, что опять надежно было большой успѣхъ имѣть; но когда прошли мы Бугъ, гдѣ принуждены были по выженнымъ степямъ маршъ продолжать, тогда вся упряжка такъ пострадала, что почти на голову разорилась. Я оставляю маршъ къ Очакову, а упомяну только объ осадѣ.

Признаюсь я, когда мы къ Очакову прибыли, продолжая маршъ три дни чрезъ выженныя степи и найдя около онаго безкормицу, тогда едва-ли кто уповалъ сіе мѣсто занять, въ чемъ чаятельно самъ фельдмаршалъ сомнѣвался; ибо мѣстоположеніе и нужда въ кормахъ болѣе осьми дней тамо пробыть не дозволяли, и то еще въ такомъ случаѣ, когда непріятельская армія къ сикурсу не прійдетъ, въ каковомъ краткомъ времени довольно укрѣпленную крѣпость, какова Очаковъ была (будучи притомъ достаточною воинскою и съѣстною провизіею и къ оборонѣ почти тридцатью тысячами гарнизона снабжена) не легко взять можно. Мнѣ мнилось тогда, что фельдмаршалъ осаду сію только для одного виду предпріялъ, которую скоро и оставитъ.

Въ третій день по прибытіи нашемъ, послалъ фельдмаршалъ пять тысячъ человѣкъ работниковъ подъ прикрытіемъ къ отверстію апрошовъ, раздѣляя команду сію въ три части, изъ которыхъ каждая въ предстоящую ночь долженствовала по редуту накинуть, и бывшему потомъ генералъ-поручику Брадке досталось работу произвести со стороны Лимана, куда всякъ, спустя часъ по захожденіи солнца, къ назначенному для работы мѣсту и пошелъ.

Послѣ полуночи фельдмаршалъ съ прочимъ генералитетомъ, сѣвъ для осмотру работъ верхомъ, нашелъ первые два редута гораздо въ успѣшномъ состояніи; но Брадке, работа его и команда нигдѣ не найдены и разосланными болѣе двадцати человѣкъ офицерами въ цѣлый часъ не сысканъ. Напослѣдокъ я такъ счастливъ былъ онаго на гласисѣ крѣпости отыскать. Турки имѣли на сей сторонѣ и почти по всей крѣпости свои сады, изъ которыхъ каждый вмѣсто частоколу рвомъ и валомъ обнесенъ былъ, что̀ чаятельно фельдмаршалъ не зналъ, а уповалъ, что сіи такія линіи, позади которыхъ непріятель, пока въ городъ не войдетъ, обороняться станетъ.

Брадке, не сыскавъ ночью назначенное свое мѣсто, находясь съ своею двухтысячною командою въ заблужденіи, попавъ во рвы, старался изъ оныхъ, какъ ни есть, выходить; но, еще болѣе заблудясь, вышелъ къ самому гласису крѣпости. Непріятель нѣчто примѣчалъ о семъ въ крѣпости и на валахъ востревожился; а Брадке, убоясь, (если въ тишину не вдаться) вылазки, приказалъ всей командѣ лечь, пока въ крѣпости усмирилось, въ которомъ самомъ положеніи я его и нашелъ и, въ томъ оставя, фельдмаршалу рапортовалъ, котораго и самого туда отвелъ. Хотя фельдмаршалъ за неосторожность Брадке весьма огорченъ, однако симъ новымъ изобрѣтеніемъ лучшимъ образомъ пользовался. Брадке и другія команды должны были тогожъ часу къ фронту лагеря возвратиться и въ упованіи, что непріятель съ разсвѣтомъ сдѣлаетъ вылазку, приказано было противъ непрія-

теля йдти; а сихъ командированныхъ, всѣми пикетами арміи, а оныхъ отъ всей же арміи гренадерскими ротами, а сихъ отъ каждаго полку однимъ баталіономъ подкрѣпить и, сбивъ непріятеля, всѣмъ вдругъ въ послѣднихъ близь гласиса находящихся рвахъ мѣсто занимать; туда же немедленно при баталіонахъ и полевой артилеріи слѣдовать, что̀ совершась счастливо окончено, такъ что подъ непріятельскія пушки подошли, и артилерія наша того часа по крѣпости дѣйствовать начала. Продолжаясь сіе около осьмнадцати часовъ, въ крѣпости сдѣлался жестокій пожаръ, котораго потушить уже средства не осталось. Безсчастіе Турковъ было сіе, что деревянные ихъ домы весьма другъ подлѣ дружки и подъ самымъ валомъ крѣпости близко построены были, чего ради и спастись не могли. Усмотря фельдмаршалъ, что Турки отъ валовъ крѣпости чаятельно для того отошли, дабы имѣющійся въ городѣ пожаръ утушить, и для того приказалъ генеральный штурмъ начать, что̀ самымъ дѣйствіемъ и произведено, при которомъ нашихъ убитыми и раненными считалось около двухъ тысячъ человѣкъ; а между раненными были изъ генералитета Кейтъ, Левендаль и другіе; однако войска чрезъ ровъ не могли перейдтп. Между тѣмъ фельдмаршалъ желаніе свое совершилъ тѣмъ, что непріятеля съ пожара къ валамъ крѣпости обратилъ, чрезъ что пожаръ умножась до пороховыхъ погребовъ дошелъ, и когда оные подорвались, то уже безсчастіе осажденныхъ въ высшую степень обратилось, и непріятель въ нѣсколько часовъ отъ огня и подорванія пороховыхъ погребовъ болѣе двадцати тысячь человѣкъ потерялъ; а остальные въ самомъ краткомъ времени тогожъ себѣ ожидали, чего ради требовали капитуляціи, которая имъ не инако, какъ со взятіемъ въ плѣнъ и обѣщана, на что и согласились. Между симъ временемъ нѣкоторые изъ непріятелей искали на имѣющихся съ морской стороны судахъ спасеніе свое; однако почти всѣ побиты въ тотъ же самый часъ. Наши же войска ворвались въ крѣпость, и тѣмъ она за нами и осталась. Сколько упамятовать могу, плѣнныхъ не гораздо свыше трехъ тысячъ и самый малый остатокъ отъ тридцати тысячъ человѣкъ было, а прочіе всѣ чрезъ осьмнадцать часовъ погибли. Сей счастливый случай произвелъ въ седьмой день по прибытіи нашемъ, что съ арміею отмаршировать и свѣжую траву искать могли, оставя всю тяжелую артилерію и большое число всего полку въ Очаковѣ, который, за упадкомъ и худобою лошадей, никакъ съ собою взять невозможно было.

Предпріятое фельдмаршаломъ съ арміею дѣйствіе, что, идя внизъ по Бугу, чрезъ оный перешелъ, а потомъ простираясь опять по оному вверхъ, устремляя почти противъ Очакова походъ свой, оказывало (въ случаѣ, когда армія должна къ своимъ границамъ возвратиться) усмотрѣніе знатнаго полководца: ибо тѣмъ оставленному въ камень и пепелъ обращенному бугрѣ гарнизону вспомоществовалъ поправиться, а сверхъ того въ состояніи былъ тотъ гарнизонъ и крѣпость помалу всѣмъ нужнымъ и потребнымъ удовольствовать; а притомъ непріятелю, который, чаятельно безъ продолженія времени, не только бы гарнизонъ обезпокоивать отважился, но и въ блокадѣ до тѣхъ поръ содержать, пока формальную осаду предпріять могъ, до того не допускалъ и оный гарнизонъ до будущаго года въ безопасное состояніе привелъ. Все сіе онъ фельдмаршалъ совершить ни какъ въ состояніи не былъ, еслибъ во время марша отъ сборнаго мѣста на всю кампанію провіанту съ собою не бралъ: ибо три или че-

тыре дня, коихъ требуетъ привозъ провіанта къ арміи отъ ста тысячъ или болѣе человѣкъ могутъ такую перемѣну сдѣлать, которую потомъ никакъ поправить не можно. Малая такъ именуемая флотилія, которая къ концу кампаніи внизъ по Днѣпру пришла, такожде наибольшую пользу навлекала; ибо безъ нея многія непреодолимыя препятствія произошли гарнизонъ потребнымъ удовольствовать.

Возвратный съ арміею маршъ напослѣдокъ былъ надобенъ, и армія, хотя пострадавъ, однако въ лучшемъ въ людяхъ состояніи возвратилась по прошлогоднему къ нашимъ границамъ, при чемъ упряжка великій уронъ терпѣла, такъ что въ слѣдующій потомъ годъ оною вновь запастись долженствовало. Я уповаю, что взятіе Очакова Турковъ къ будущимъ временамъ такъ научило, что никогда уже во время опасности отъ осады садовые валы безъ снесенія не оставятъ, и тогда такое мѣсто ни въ шесть недѣль взято быть не можетъ.

Для насъ счастливо было то, что непріятель лучшихъ своихъ войскъ и командировъ въ тогдашнее время противъ Римско-императорской арміи употребить принужденъ былъ, а противу насъ только оборъ служилъ. Еслибъ въ Очаковѣ въ воинскихъ дѣйствіяхъ искусный паша комендантомъ находился, то, при толь великомъ гарнизонѣ, каждый шагъ земли занятіемъ въ вышеписанныхъ садахъ мѣста много крови стоплъ бы: ибо самымъ дѣломъ оные сады представляли пятидесятиричный ретраншементъ, въ которомъ одинъ отъ другаго всегда фланкированъ и прикрытъ быть могъ.

Я уже выше упомянулъ, что едва чаю, чтобъ фельдмаршалъ подумать могъ сію крѣпость взять, которое мое мнѣніе тѣмъ болѣе утвержденно нахожу, когда вздумаю, что онъ со всею арміею (окромѣ того прикрытія, котораго у Александровскаго редута при провіантскомъ магазинѣ оставилъ) туда велъ при себѣ всѣхъ лошадей, а нашелъ кормъ потравленъ и выженъ.

Если позволено малое мое о сей кампаніи разсужденіе объявить, то признаюсь, что плана не понимаю: ибо положено было непріятеля въ своихъ границахъ атаковать, все что только возможно у него отнять и его къ приличному миру принудить. Армія состояла болѣе чѣмъ во сто тысячь человѣкъ, а все то, что̀ къ осадѣ требовалось, можнобъ 40.000 исправить. Для того думаю, еслибъ тогда къ осадѣ 40.000 употребились, провіантскій магазинъ подъ прикрытіемъ 10.000 при Бугѣ бы на половинѣ между Очаковымъ и Польской границею остался, а достальными бъ впередъ къ Бендерамъ слѣдовано было, то бъ непріятель нами въ крайнюю нужду привелся, Очаковъ былъ бы взятъ, вторая бы армія близъ Днѣпра и Польскихъ границъ чрезъ все лѣто непріятеля обезпокоивать могла, а потомъ осенью со второю соединиться, и когда бъ резолюція взята была въ сей части Польши кантониръ-квартиры между Бендерами и Хотинымъ занять, тобъ никогда непріятель и вздумать не могъ Очаковъ обезпокоивать, кольми паче осадить. Мы бъ посреди зимы, когда Турки неохотно или вовсе не дѣйствуютъ, могли съ однимъ корпусомъ, перебравшись безопасно чрезъ Днѣстръ, въ Молдавію войдти, оставя магазины наши и все къ сохраненію слѣдуемое позади себя въ Польшѣ, яко въ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ бъ и собственный нашъ ретирадъ въ прикрытіи былъ. Съ начала самой зимы моглибъ все то совершить, что̀ не прежде 1739 года исполнить въ состояніи были, и можетъ статься еще въ 1738 году берега Дунайскіе видѣлибъ. Но какъ во всемъ томъ пре-

пятствуетъ сіе, что права не имѣли въ Польскія границы вступить, то потому болѣе о семъ и упоминать не могу, кромѣ что въ 1739 году сдѣлано, то можно было въ 1738 въ преимущественную пользу сдѣлать то есть въ Польшу вступить.

*

ПРИМѢЧАНІЕ О КАМПАНІИ 1738-ГО ГОДА.

Въ прошедшемъ году возвратились мы со всею арміею къ Украйнѣ, откуда съ оною, когда рекрутами и лошадьми укомплектовались и на пять мѣсяцевъ провіанту завели, весною опять долженствовали выступить въ походъ къ Днѣстру, каковымъ расположеніемъ арміи въ зимнія квартиры по Украйнѣ непріятель выигрывалъ время намъ къ встрѣчѣ пріуготовиться и къ тому армію собрать, которая переправу чрезъ Днѣстръ запретить могла. Напротивъ чего непріятель намъ, въ прошедшемъ году, ни въ чемъ препятствія въ состояніи оказывать не былъ, и мы чрезъ всѣ рѣки безъ всякаго препятствія перешли, еще менѣе вздумать могъ Очаковъ отъ осады и взятія онаго освободить. А все, что намъ непріятель противное приключалъ, состояло только въ томъ, что онъ у насъ малыми Татарскими партіями траву выжегъ и тѣмъ упряжкѣ вредилъ. Какую бы армія во сто тысячъ и болѣе человѣкъ пользу произвела, когдабъ она на два или на три корпуса раздѣлена была, то легко разсудить можно. Но какъ сіе не произведено, то потому и значится, что отъ Украйны къ Днѣстру должно было, прежде начатія предписанныхъ операцій, въ маршъ вступить, почему и происходило, что, прежде времени прибывъ къ Днѣстру, упряжка наша повреждалась. А хотя счастливо чрезъ рѣку переправилися, однако уже въ состояніи не были дальное иное предпріятіе начать, развѣ только еще какую крѣпость взять, всадя въ оную гарнизонъ и предоставляя оный опредѣленію и храбрости его, можетъ ли противъ непріятеля устоять или нѣтъ, или же непріятелемъ взятъ будетъ; а самимъ съ арміею потомъ къ границамъ нашимъ возвратиться. Я не инаго мнѣнія: ибо армія, какъ вышеупомянуто, имѣя болѣе ста тысячъ человѣкъ, многаго требуетъ, чтобы всѣмъ довольствоваться. Выступая въ походъ, она беретъ провіанту съ собою на пять мѣсяцевъ, и впередъ уже заключается, что она будетъ счастлива и крѣпостьми и землями овладѣетъ; но при томъ ни малѣйшее пріуготовленіе не предпріемлется, чтобъ хорошими успѣхами пользоваться. Когда все происходитъ счастливо почти четыре мѣсяца, считая со дня выступленія отъ границъ въ маршъ, то совершеніе сего похода требуетъ переходъ чрезъ рѣку въ лицѣ непріятельскомъ понудить, его разбить, крѣпость осадить и взять. Когдабъ всего съ окончаніемъ у арміи только на одинъ мѣсяцъ еще хлѣба осталось, что она тогда должна сдѣлать? Утвердиться ли ей въ непріятельской землѣ? Въ такомъ случаѣ она должна увѣрена быть, что сія земля ее при хорошихъ распоряженіяхъ пропитать можетъ, или, что она позади себя приготовленнаго хлѣба или надежду въ приготовленье имѣетъ. А если всего того нѣтъ, такъ что малаго, кольми паче достаточнаго, магазина не имѣетъ, тогда уже принуждена, чтобъ гладъ и нужду не претерпѣвать, мѣсячнымъ своимъ провіантомъ возвратиться домой и на будущій годъ своими маршами и контрамаршами самое себя раззорить.

Когда мы пришли, какъ и выше уже упомянуто, къ Днѣстру, то непріятель траву выжечь у насъ нѣсколько разъ покушался. Поелику лѣто сіе было не такъ сухо какъ прежнія, то онъ успѣть въ этомъ не могъ; однако дождями разсырѣвшаяся земля намъ произвела весьма трудный маршъ и повредила почти всѣхъ нашихъ лошадей. Мы остались при Днѣстрѣ только три дня, гдѣ одну только ночь острѣливали весьма шанцами утвержденный непріятельскій лагерь; но, не бывъ въ состояніи оному сдѣлать поврежденіе, предпріяли отступный маршъ, а за день предъ прибытіемъ нашимъ къ Днѣстру имѣли съ Татарами и легкими Турецкими войсками сраженіе, которому подобное происходило на возвратномъ нашемъ маршѣ, въ четвертый или пятый день. Когда мы отступили, какъ выше упомянуто, отъ Днѣстра, тогда не умедля Турки на сю сторону отъ своего караула послали часть войска, которая, соединясь съ Татарами, безпрестанно на нашу аріергардію наступала. Лошади наши были такъ худы, что до нѣсколько сотъ телѣгъ съ провіантомъ и офицерскимъ багажемъ въ аріергардѣ сожжено. Многія артилерійскія амуниціи въ землю закопаны, чтобъ непріятелю въ добычу не достались, такъ что оный нашъ возвратный маршъ въ первыя три недѣли подобенъ былъ ретирадѣ побитой арміи. Въ первые три дни аріергардіею командовалъ генералъ-поручикъ Карлъ Бирон, который, по нетерпѣнію своему, все то что̀ увезено быть не могло, пожегъ, почему фельдмаршаломъ пожигальщикомъ названъ, и потомъ онаго смѣнилъ генералъ-поручикъ Левендаль съ своею дивизіею, гдѣ до тѣхъ поръ и оставленъ былъ, пока насъ непріятель провожалъ. А хотя онъ столько и не пожегъ, ибо двѣ трети своей дивизіи въ упряжку къ остающему багажу употребилъ, однако не могъ же оставить, чтобъ равномѣрно части оной не сожечь. Легко можно разсудить, какой то̀ трудъ былъ, что дивизія аріергардіи въ двѣ недѣли ни одну ночь въ лагерѣ быть не могла, а еще тогда къ лагерю приближалась, когда главная армія изъ онаго выступать стала, хотя одинъ день и растагъ имѣла; а если онаго не имѣла, тогда по семи верстъ и болѣе отъ лагеря находилась. Напослѣдокъ возвратились мы, не соверша ничего, съ вовсе раззореннымъ багажемъ и упряжкою, къ нашимъ границамъ, гдѣ опять старались все то завести, дабы на будущее лѣто такой же маршъ предпринять.

*

ПРИМѢЧАНІЕ О ПОХОДѢ 1739 ГОДА.

По наступленіи весны, армія собралась около Кіева; ибо наконецъ увидѣли, что необходимо маршировать должно чрезъ Польшу, дабы въ четвертые съ раззоренною арміею по осени не возвратиться къ своимъ границамъ. Она запасена была опять всѣми потребностями, также и провіантомъ на 5-ть мѣсяцевъ, хотя въ томъ и нужды бы не было, потому что шли мы все жилыми и весьма плодородными мѣстами, гдѣ довольно хлѣба достать было можно. А хотя бы поставка онаго казнѣ и нѣсколько дороже обошлась, однако сей убытокъ должно бы считать весьма невеликимъ въ сравненіи того, чего стоили подъемныя лошади для возки магазина и нужные при томъ люди, не упоминая о томъ, коликую остановку сія тягость въ походѣ арміи причиняла, сколь трудно было при переправахъ и переходахъ чрезъ рѣки оную прикрывать и какое затрудненіе все сіе дѣлало солдату. Не взирая на то, ничего впередъ запасено не было; да и

послѣ, когда армія перешла уже чрезъ Днѣстръ, разбила непріятеля, взяла Хотинъ и маршъ свой въ Молдавію продолжала, нимало о томъ помышляемо не было. Сіе, кажется мнѣ, довольно доказываетъ, что, и при самыхъ счастливыхъ дѣйствіяхъ и предпріятомъ чрезъ Польшу походѣ, намѣреніе было къ осени опять перейдти сто миль и болѣе, а гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ оставить на волю Божію.

Такимъ образомъ выступили мы отъ Кіева тремя колоннами, изъ которыхъ одна отъ другой слѣдовали стороною въ разстояніи отъ трехъ до четырехъ мпль; провіантскій магазинъ составлялъ четвертую колонну и шелъ позади средней. Къ такому распоряженію марша понудили насъ жилыя мѣста, гдѣ должно было держаться настоящихъ дорогъ, дабы не потоптать и не потравить посѣяннаго на поляхъ хлѣба; но при занпманіи лагеря сихъ предосторожностей наблюдать было невозможно, и мы по большей части становились на посѣянныхъ, а наконецъ и на такихъ поляхъ, гдѣ хлѣбъ почти уже созрѣвалъ. Поляки сильно жаловались на причиненные имъ чрезъ то убытки и раззоренія; но обѣщанное имъ возвращеніе ихъ убытковъ, которое они и получили, паки ихъ успокоило.

Въ такомъ порядкѣ пришли мы на разстояніе 10-ти или 12-ти миль отъ Днѣстра и Хотина, гдѣ армія опять соединилась, и тогда съ сею тяжелою махиною подвинулись еще на 5 и на 6 миль впередъ. Тутъ фельдмаршалъ имѣлъ нѣсколько дней отдохновенія; а между тѣмъ приказалъ на нѣсколько миль выше Хотина осмотрѣть берега рѣки Днѣстра и получилъ рапортъ, что въ 6 или 7 миляхъ отъ Хотина можно предпріять переправу чрезъ рѣку. Непріятель, думая, что мы склоняемъ походъ свой прямо къ Хотину или на одну милю выше къ Жваницу, собралъ тамъ всю свою силу и намѣренъ былъ, такъ какъ въ прошломъ году, не допустить насъ до переправы чрезъ рѣку. Но фельдмаршалъ употребилъ такую воинскую хитрость, что, оставя тутъ одну дивизію со всѣмъ магазиномъ, артилерійскимъ паркомъ и тяжелымъ обозомъ арміи подъ командою генералъ-аншефа Румянцова, съ достальною арміею, взявъ съ собою на 10 дней провіанта, пошелъ по правую сторону, чрезъ горы, лѣса и дефилеи, и тремя принужденными маршами прибылъ къ Днѣстру; при чемъ генералъ Румянцовъ, остановившись одинъ день, долженъ былъ на другой день также слѣдовать къ главной арміи.

Мы пришли къ Днѣстру и перешли чрезъ сію рѣку, прежде нежели непріятель о томъ свѣдалъ. Спустя уже цѣлыя сутки послѣ того, какъ армія переправилась и поджидала къ себѣ генерала Румянцова, показался непріятельскій корпусъ въ 20.000 человѣкъ и напалъ на нашихъ фуражировъ; однако командированнымъ къ нимъ прикрытіемъ и подоспѣвшимъ изъ лагеря сикурсомъ прогнанъ былъ назадъ, не причинивъ намъ ни малаго вреда, кромѣ самаго малаго числа при перестрѣливаніи убитыхъ.

По приходѣ нашемъ къ Днѣстру, рѣка отъ бывшей засухи сдѣлалась такъ мелководною, что драгуны и казаки въ бродъ чрезъ оную перешли; при чемъ на казенныхъ лошадяхъ перевезено было также нѣсколько ротъ гренадеровъ, кои, занявъ тотчасъ плотъ, сдѣлали мостовые шанцы и, по наведеніи трехъ мостовъ, вся армія на другой день чрезъ рѣку перешла.

Рѣка въ томъ мѣстѣ шириною была около 60 сажень, она же притомъ чрезвычайно быстра; почему, три дни спустя, послѣ продолжившагося нѣсколько часовъ сильнаго дождя, прибылою оттого въ

рѣкѣ водою всѣ мосты въ одну ночь разорвало, такъ что съ великимъ трудомъ оные опять собрать и для перехода генерала Румянцова поправить было можно.

При собраніи паки въ одно мѣсто арміи, фельдмаршалъ, снявъ лагерь, маршировалъ прямо къ непріятелю и Хотину. Должны мы были на семъ маршѣ нѣсколько проходить горами, лѣсами и низкими болотистыми мѣстами, что причинило намъ немалое затрудненіе, потому что непріятель вездѣ показывался и у каждой переправы старался насъ остановить, почему надлежало намъ напередъ его сбить, а потомъ уже далѣе маршировать могли. Оставя притомъ всѣ бывшія обстоятельства, упомяну я только, что мы наконецъ при Шавартанѣ *) застали Турковъ, которые на горѣ поперекъ Хотинской дороги пятью или шестью ретраншементами окопались; а между тѣмъ Татары, въ 100.000 и болѣе, насъ окружили и всѣ горы заняли. Около двухъ часовъ по полудни, фельдмаршалъ, обозрѣвъ все положеніе непріятельское, нашелъ, что если его во фрунтъ атаковать, то безъ превеликаго урону людей ретраншемента его почти взять невозможно. Напротивъ того, гораздо надежнѣе будетъ, если предпрпнять атаку на лѣвомъ его флангѣ; но дабы непріятель не возымѣлъ о томъ какого подозрѣнія, то онъ не только остановился прямо противъ непріятеля и казакамъ накрѣпко подтвердилъ, чтобъ въ ту сторону не подвигаться, но и въ слѣдующую ночь генералъ Левендаль долженъ былъ съ полевою артилеріею, подъ прикрытіемъ 4 полковъ, занять пригорокъ противъ непріятельскаго лагеря и по оному какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мортиръ стрѣлять, продолжая оную стрѣльбу до самаго полудня, хотя и ни единая бомба, ниже пушечное ядро при самой большой элеваціи до непріятельскаго ретраншемента не доставали. Около полудня фельдмаршалъ, со всѣмъ кареемъ (который внутри обозомъ, провіантомъ и артилеріею такъ стѣсненъ и набитъ былъ, что едва яблоко на землю пасть могло) вступилъ въ маршъ къ лѣвому непріятельскому флангу, и въ тоже время генералу Левендалю приказано было отступить назадъ и примкнуться къ лѣвому флангу карея. Какъ непріятель сіе примѣтилъ, то хотѣлъ онъ и къ той сторонѣ сдѣлать противъ насъ батареи, но уже поздно было. Фельдмаршалъ долженъ былъ переправляться чрезъ небольшую болотистую рѣку, чрезъ которую, въ четверть часа, изъ привезенныхъ съ собою досокъ сдѣланы были 22 моста, по которымъ изъ передняго фаса перешли во первыхъ 4 полка съ полевою артилеріею. По другую сторону рѣчки была, хотя не высокая, но весьма крутая гора; однако сіе не мѣшало солдатамъ съ веселымъ крикомъ встащить на оную пушки, которыя того же часа дѣйствовать начали, не давая непріятелю заводимую имъ противъ насъ батарею въ состояніе привесть. Между тѣмъ весь каре съ запертымъ въ немъ обозомъ приближался помалу къ непріятелю, который, наконецъ, съ 3.000 Янычаровъ учинилъ изъ ретраншемента вылазку на передніе наши полки; но какъ оные съ урономъ ста человѣкъ и болѣе назадъ прогнаны были, то зажегъ свой лагерь и обратился въ бѣгство, а Татары остались еще на горахъ около насъ, и не прежде, какъ въ слѣдующую ночь отступили.

О сей, такъ названной баталіи, произведшей столь важныя по себѣ слѣдствія, долженъ я кратко объявить свое мнѣніе. Не пони-

*) Ставушанахъ?

маю я по сей часъ, для чего фельдмаршалъ весь магазинъ, артилерійскій паркъ и тяжелый обозъ въ карећ съ собою везъ и для чего онъ всего сего въ укрѣпленномъ ретраншементѣ, по сю сторону Днѣстра, до тѣхъ поръ не оставилъ, доколѣ бы удалось непріятеля разбить и, по одержанной побѣдѣ, взять городъ Хотинъ.

Можетъ быть, сей случай первый въ свѣтѣ, что полководецъ, будучи въ состояніи наступательно дѣйствовать и дѣйствуя подлинно такимъ образомъ, предпріялъ съ каре, наполненнымъ внутри обозомъ, атаковать ретраншементъ и разбить непріятеля. Въ самомъ дѣлѣ, фельдмаршалъ болѣе шести полковъ изъ своей арміи употребить не могъ, не подвергая себя опасности, чтобъ сдѣланною въ карећ прорѣхою не потерять свой обозъ и магазинъ; а шестью полками не берутъ ретраншемента занятаго по крайней мѣрѣ 60.000 человѣками и прикрываемаго вокругъ 100.000 человѣкъ легкихъ войскъ. Удивительно, что все столь благополучно удалось въ такое время, когда должно было опасаться потерянія всей арміи. Можетъ быть, такого поиску никто съ толикою опасностію паки предпріять не отважится; а хотя кто отважится, то сомнѣваются, чтобъ благополучнымъ успѣхомъ хвалиться въ состояніи могъ быть.

Слѣдствія сей побѣды извѣстны: мы взяли Хотинъ, мы не видали болѣе передъ собою непріятеля и прошли до самой Волошской земли, которая тотчасъ Россійскому скипетру подверглась; четыре полка, которые тамошніе жители провіантомъ снабдить обязались, назначены были для содержанія гарнизону въ малоукрѣпленномъ городѣ Яссахъ. Шесть полковъ положено было оставить въ Хотинской крѣпости, довольствуя ихъ провіантомъ изъ найденнаго тамъ непріятельскаго магазина; а прочая армія должна была назадъ слѣдовать въ Украйну. Подъемныя наши лошади, хотя и много претерпѣли, однако не столько, какъ въ прежнихъ походахъ. Артилерія въ семъ году была въ лучшемъ состояніи, потому что на оную дано было больше подъемныхъ и запасныхъ лошадей; мяса солдаты наши также имѣли предовольно, почему были и бодры и здоровы.

Между тѣмъ послѣдовалъ миръ и сдѣлалъ всему конецъ. Мы должны были изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ вывесть свои гарнизоны и идти домой. Въ концѣ Ноября, когда по Днѣстру шелъ весьма сильный ледъ, принуждена была армія, при непреодолимыхъ почти трудностяхъ, переправляться назадъ черезъ рѣку; мостовъ дѣлать было невозможно, да и артилеріи инако перейдти нельзя было, какъ перетаскивая по дну рѣчному, состоящему изъ гладкаго плитнаго камня. Сколько быстро течетъ сія рѣка, можно изъ того заключить, что ни единая 18-ти фунтовая пушка не вышла порядочно изъ воды, но вдругъ опрокинута была, и колеса къ верху стояли; да и то 20-ю или 30-ю саженями ниже того мѣста, гдѣ спущена была въ воду. Сія переправа, которая въ трехъ мѣстахъ происходила, измучила и повредила у насъ много людей.

Московская старина.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА ПО МОСКОВСКИМЪ УЛИЦАМЪ *).

III. ТВЕРСКАЯ УЛИЦА.

Городъ Тверь,
Въ Москву дверь.
Старинн. Русская поговорка.

Улица Тверская, по старинному Царская, начинается отъ Воскресенской площади и оканчивается у Землянаго города или у такъ называемыхъ Старыхъ Тріумфальныхъ воротъ. Въ то время, когда еще не было шоссейной дороги, а лучше сказать, когда не существовало почти никакой путной дороги, тогда отъ Тверской улицы начиналось прямое сообщеніе съ древнимъ городомъ Тверью. Названная нами Воскресенская площадь получила свое названіе отъ Воскресенскихъ или Иверскихъ воротъ, а самые ворота отъ Воскресенскаго монастыря на Высокомъ, т. е. мѣстѣ (мы встрѣтимъ этотъ монастырь на нашемъ пути, и тогда скажемъ о немъ нѣсколько словъ). У Москвичей въ старину было обыкновеніе давать названіе площадямъ и мостамъ по тѣмъ воротамъ, которые передъ ними находились; такъ мы видимъ Спасскій мостъ передъ Спасскими воротами, Никольскій передъ Никольскими, Воскресенскій передъ Воскресенскими, Боровицкій передъ Боровицкими; самые же ворота назывались по монастырямъ или церквамъ, въ виду которыхъ они были построены, какъ напримѣръ: Петровскіе ворота получили названіе отъ Петровскаго монастыря, Никольскіе отъ монастыря Николы Стараго, что̀ на Никольской, Ильинскіе отъ Ильинскаго монастыря на Ильинкѣ, бывшіе близъ Каменнаго моста Всесвятскіе отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что̀ на Валу (нынѣ не существующемъ). По Воскресенской площади извивалась рѣка Неглинная, которая протекала открытою до 1821 года и имѣла слѣдующіе мосты: у Боровицкихъ воротъ деревянный, и каменные: у Воскресенскихъ воротъ, Старый каменный у Троицкихъ воротъ, и Кузнецкій на Кузнецкомъ мосту. На этой рѣкѣ были въ 1771 г. три мельницы, а именно: 1) подъ Троицкимъ мостомъ; 2) подлѣ Боровицкаго моста и 3) подлѣ Водовзводной башни. Въ настоящее время, заключенная подъ сводами, рѣка Неглинная проявляетъ свое существованіе изъ подъ третьяго Кремлевскаго сада впаденіемъ въ рѣку Москву.

---

*) См. выше стр. 154.

Лѣвая сторона Тверской улицы отъ Воскресенской площади къ Старымъ Тріумфальнымъ воротамъ.

1. Въ 1739 г. Ветошные ряды [1]); въ 1784 г. лавки купца В. П. Горюнова; затѣмъ онѣ переходили отъ одного владѣльца къ другому; въ 1821 г. купцовъ М. Бѣлобородова и М. Ярцева; въ 1856 г. купчихи Т. А. Лебедевой; въ 1862 г. ген.-маіора А. А. Тимашева-Беринга; въ настоящее время принадлежитъ почетн. гражд. И. Г. Фирсанову.

2. Въ 1793 г. лавки купца В. П. Горюнова; въ 1802 г. купца Г. С. Степанова; въ 1821 г. купцовъ Бѣлобородова и М. Ярцева; потомъ поч. граж. Г. Ф. Коммиссарова, въ настоящее время значатся за ком. сов. М. Е. Поповымъ. По этому владѣнію проходилъ переулокъ, называвшійся Лоскутнымъ и, соединясь съ переулкомъ Обжорнымъ, оканчивался противъ нынѣшняго Экзерцирсгауза; часть этого переулка и теперь существуетъ, упираясь въ домъ Попова.

3. Въ 1783 г. служащаго въ Главномъ Кригсъ-Комисаріатѣ Ивана Андреевича Евреинова; въ 1786 г. лавки купца Калинина; въ 1793 г. купчихи А. Второвой; въ 1852 г. Лобковыхъ и Тарасовой; въ настоящее время принадлежатъ поч. гражд. Н. Н. и А. Н. Мамонтовымъ.

Переулокъ Обжорный, нынѣ узкій и темный. Здѣсь были лавки со съѣстными припасами, приготовленными въ пищу, которые тутъ же и потреблялись простымъ народомъ. Изъ дѣлъ Камеръ-Колегіи узнаёмъ, что въ харчевняхъ и пирожныхъ народъ тѣснился съ утра до ночи. Харчевни и выносные очаги существовали не только близъ самыхъ рядовъ и Гостинаго двора, но и между рядовъ, въ тѣсныхъ мѣстахъ, внутри Гостинаго двора, что было не разъ причиною пожаровъ: такъ напримѣръ въ 1735 г. едва не сгорѣлъ весь новый Гостиный дворъ. Печи въ иныхъ харчевняхъ устраивались безъ трубъ, а дымъ выходилъ въ окна.

Издревле это было мѣсто очень людное. Кстати будетъ привести здѣсь извлеченныя нами изъ архивовъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ были въ старину простонародныя съѣстныя заведенія. На Красной площади, противъ Комедіантскаго дома, стояли три очага, на которыхъ жарили рыбу; тутъ же была и харчевня купецкаго человѣка Ивана Турицына. Идучи отъ Спасскихъ воротъ, въ Китаѣ-городѣ, подъ горою, около Лобнаго мѣста, на Варварской улицѣ, на лѣвой сторонѣ близъ башмачнаго и прошивнаго ряда, были 2 харчевни въ шалашахъ, покрытыхъ лубьемъ, одинъ очагъ, на которомъ жарили рыбу, и 9 шалашей съ очагами, покрытыхъ лубьемъ. По Москворѣцкой улицѣ: двѣ харчевни каменныхъ на правой сторонѣ; въ нижнемъ Зарядьѣ, что противъ Гостинаго двора, 2 харчевни каменныхъ. На Варварской улицѣ, на правой сторонѣ, три харчевни и три пирожныя; въ верхнемъ Зарядьѣ, что противъ Гостинаго двора, между Вандышнаго [2]) ряда и Гостинаго двора, пирожная палатка гостя Алексѣя Филатьева, и внука его Петра Дмитріева (коему принадлежалъ Ванька Каинъ); тутъ же 5 палатокъ пирожныхъ и палатка харчевная. Отъ Никольской большой улицы, въ большомъ Ветошномъ

---

[1]) Планъ император. столичн. города Москвы, сочиненный подъ смотрѣніемъ архитектора Ивана Мичурина въ 1739 году.

[2]) По словарю Даля, ванда—рыболовное орудіе. Вандышн—снятки.

ряду двѣ палатки харчевныя. Отъ большаго Ветошнаго ряду, въ малой Пѣвческой улицѣ, по лѣвой сторонѣ, 4 палатки харчевныхъ и 4 пирожныхъ. На большой Пѣвческой улицѣ 10 палатокъ харчевныхъ, палатка въ которой пеклись исключительно пшеничныя оладьи, еще палатка квасная, и еще 6 палатокъ пирожныхъ. Внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ, около Василія Блаженнаго, противъ щепетильнаго и игольныхъ рядовъ, была тѣснота для проѣзда, по случаю настроенныхъ харчевенъ и шалашей [3]).

4. Въ 1783 г. служащаго въ Главномъ Кригсъ-Комисаріатѣ Ивана Андреевича Евреинова; въ 1793 г. поручика Н. С. Калинина, въ 1802 г. купца И. А. Макарова; въ 1812 г. купца М. А. Второва; въ 1824 г. купчихи М. Лобковой; въ 1852 г. купца С. Н. Бетина; въ настоящее время лавки почетн. граждан. И. Г. Фирсанова.

Моисеевская площадь названіе получила отъ женскаго Моисеевскаго монастыря, здѣсь находившагося. Разскажемъ вкратцѣ исторію этой обители. Моисеевскій монастырь сталъ извѣстенъ съ XVI вѣка и назывался то у Житной рѣшетки, по смежности съ Житною площадкой (которая находилась близъ нынѣшняго Охотнаго ряда), то у Богадѣленъ, потому что здѣсь были богадѣльни, гдѣ призрѣвались престарѣлые и убогіе. Такія богадѣльни прежде были при многихъ монастыряхъ, соборахъ и приходскихъ церквахъ въ Москвѣ; въ то время еще не существовало ни человѣколюбивыхъ, ни благотворительныхъ обществъ, а по распоряженію патріарха на содержаніе Московскихъ богадѣленъ сбирались деньги даже съ церквей другихъ епархій; въ 1713 г. патріархъ приказалъ выдавать инымъ богадѣленнымъ по два, а другимъ по одной деньгѣ въ день. Вмѣстѣ съ престарѣлыми и убогими въ богадѣльняхъ содержались рожденные зазорно, подкидыши. Подлѣ монастыря были лавки сѣнныя, да 2 шалаша квасныхъ, принадлежавшихъ этой обители. Поручикъ Иванъ Угрюмовъ въ 1738 г. такъ опредѣляетъ мѣру и мѣстоположеніе Моисеевскаго монастыря: длиннику 22 сажени, поперешнику въ обоихъ концахъ по 19 саженъ; съ одной стороны большая улица, что ѣздятъ съ Тверской и Никитской улицъ, а по другую сторону проѣзжій переулокъ, что съ Тверской на Неглинную [4]). Ночью 5 Августа 1709 года монастырь весь выгорѣлъ; игуменья Александра, донося объ этомъ, прибавляетъ, что «построить стало нечѣмъ и сами помираемъ съ голоду»; въ то время находились въ этой обители настоятельница и 99 сестеръ. Сѣтованія игуменьи были услышаны, и въ 1710 г. монастырь уже былъ отстроенъ. Моисеевскій монастырь еще назывался у Тверскаго кружала, которое помѣщалось на мѣстѣ нынѣшней Лоскутной гостинницы. Это кружало, или кабакъ, имѣло прозвище Каменный Скачекъ; рядомъ съ нимъ были лавки о 30 растворахъ; кабакъ и лавки принадлежали Донскому Успенскому Предтечевскому монастырю и сдавались въ аренду Извѣстно, что манифестомъ государыни Екатерины II, отъ 12 Февраля 1764 года, многіе монастыри въ Россіи назначены были къ упраздненію; поэтому въ 1765 г. указомъ Святѣйшаго Синода 27 Января, между прочимъ, велѣно было упразднить и Моисеевскій монастырь; церковь обращена въ приходскую. На основаніи этого же манифеста

[3]) Дѣла Камеръ-Колегіи 1735 г., вязка 42, № дѣла 5, въ Архивѣ Министр. Юстиціи, въ Москвѣ.

[4]) Книга описная 2-й команды поручика Ивана Угрюмова, въ Архивѣ IV Округа Путей Сообщ., въ Москвѣ.

недвижимыя имущества упраздненныхъ монастырей поступили въ военное вѣдомство, вслѣдствіе чего строенія бывшаго Моисеевскаго монастыря сперва были заняты казармами, потомъ отъ военнаго начальства построены тутъ были бани, конюшни и жилыя строенія, которыя послѣ перешли къ частнымъ владѣльцамъ. Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы за ветхостію въ 1787 г. упразднена, а въ 1788 г. разобрана. На сей разъ, вѣроятно, не нашлось ходатая за сохраненіе этого памятника старины, не нашлось второй игуменіи Александры, возстановившей въ 1710 г. изъ пепла эту обитель. Матеріалъ отъ разобраннаго храма тогда же отданъ для построенія Вознесенской церкви на Гороховомъ полѣ, и тамъ, въ память Моисеевскаго монастыря, устроенъ придѣлъ во имя св. пророка Моисея Боговидца. На пространствѣ, которое занималъ монастырь и его службы, въ 1812 году открыта нынѣшняя Моисеевская площадь (на проѣздѣ отъ Моховой къ Охотному ряду).

5. Въ 1775 г. купца О. Я. Москвина, въ 1820 г. именитой Бѣлевской гражданки М. Я. Истоминой; въ настоящее время домъ принадлежитъ также Истоминымъ, и это очень рѣдко, что владѣніе такъ долго не выходитъ изъ одного и того же роду. Недвижимая собственность въ Москвѣ, какъ извѣстно, весьма переходчива.

6. Въ 1765 г. домовладѣлецъ Сенатской Конторы архитекторъ секундъ-маіоръ Петръ Романовичъ Никитинъ; въ 1786 г. купецъ Косьма Баклышевъ, рядомъ съ нимъ въ 1793 г. купецъ Гаврила Шульгинъ. Тутъ стояла церковь Живоноснаго Источника, съ придѣлами св. пророка Иліи, по которому она и называлась) и пр. Сергія; каменная, сооружена въ 1700 г. духовникомъ Петра I, іереемъ Петромъ Васильевымъ. Церковь упразднена въ 1813 г. и разобрана въ 1817 г. Престолъ, во имя св. пр. Иліи, перенесенъ въ ближайшую церковь святаго великомученика Георгія, что́ на Красной Горкѣ (что́ на Моховой улицѣ, близъ Университета). На мѣстѣ Ильинской церкви, вошедшемъ въ нынѣшній дворъ И. М. Филипова, воздвигнутъ каменный столбъ съ иконою. Рядомъ съ погостомъ церковнымъ домъ священника; въ 1819 г. все это составляетъ владѣніе артилеріи штаб.-капитанши А. Ѳ. Лешевичевой-Бородуличевой, урожденной Тютчевой; въ 1842 г. мы видимъ, что названная мѣстность принадлежитъ дѣйств. стат. сов. Николаю Михайловичу Васильчикову; въ настоящее время домъ значится за поч. гражд. И. М. Филипповымъ

Близъ этого дома выходилъ съ Никитской переулокъ Леонтьевскій, о которомъ было сказано при описаніи Большой Никитской улицы.

7. Въ 1775 г. домъ генералъ-аншефа Ивана Ивановича Костюрина (связаннаго родствомъ съ графами Шуваловыми); въ 1793 г. дѣйств. тайн. сов. графа Алексѣя Семеновича Мусина-Пушкина; въ 1819 г. тит. сов. Т. Дубровской; въ 1826 г. Кавалергардскаго полка поруч. графа Дмитрія Николаевича Шереметева; въ 1828 г. куп. жены П. Д. Колесниковой, въ настоящее время домъ принадлежитъ почетн. гражд. М. И. Алексѣеву. При домѣ была церковь Казанскія Божія Матери.

Переулокъ Долгоруковской (см. Большую Никитскую улицу).

8. Въ 1767 г. домовладѣлецъ генералъ-фельдмаршалъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой [5]); въ 1770 г. вдова его княгиня Анна Даниловна (въ

[5]) Описаніе императ. столичнаго города Москвы, Рубана. Спб. 1782 г., стр. 11.

первомъ бракѣ Хераскова, мать извѣстнаго стихотворца и университетскаго куратора). Затѣмъ домъ принадлежалъ Межевой Канцеляріи [6]); въ 1788 г. сданъ въ вѣдомство Московскаго оберъ-полицеймейстера и въ томъ же году пожалованъ государынею Екатериною II-ю Императорскому Университету. Первоначально здѣсь помѣщалась Университетская типографія, а въ послѣдствіи Благородный Университетскій пансіонъ; въ 1843 году домъ значится за камергеромъ П. А. Базилевскимъ; въ настоящее время принадлежитъ тайному совѣтнику И. П. Шаблыкину. При домѣ, на углу, гдѣ нынѣ винный погребъ Пирлинга, была церковь препод. Мемнона и Девяти мучениковъ.

9. Переулокъ Газетный. Домовладѣлецъ Коншовъ-Мурза, во св. крещеніи князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, служилъ бояриномъ при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, скончался въ 1651 году. Въ 1757 г. дѣйст. камергеръ Петръ Васильевичъ Салтыковъ; въ 1781 году ген.-маіоръ князь Алексѣй Борисовичъ Голицынъ; въ 1813 г. гвардіи шт.-ротм. Сергѣй Салтыковъ; въ 1821 г. купецъ Д. Д. Лавровъ; въ 1821 г. лейбъ-гвардіи Конно-егерскаго полка шт.-кап. Павелъ Николаевичъ Демидовъ; въ 1842 г. купецъ В. В. Логиновъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ ст. сов. А. Н. Голяшкину [7]). При домѣ была церковь препод. Сергія Радонежскаго Чудотворца.

За этимъ домомъ выходилъ съ Никитской переулокъ, о которомъ было упомянуто при описаніи дома Брюса, что̀ на Большой Никитской улицѣ.

На углу переулка стояла церковь св. Василія Кесарійскаго, съ придѣломъ Введенія Пресвятыя Богородицы; церковь упразднена въ 1808 году, а въ 1816 г. разобрана. На мѣстѣ церкви и ея погоста мы видимъ:

10. Въ 1823 г. домъ кол. ассес. И. Л. Мироновскаго; въ 1836 г. купца Н. А. Захарова; въ настоящее время онъ числится за женою ст. сов. Л. Н. Гиппіуса.

11. Въ 1802 г. домъ священника Кесарійской церкви Якова Васильева; въ 1852 г. тит. сов. Ѳ. И. Коровина; теперь домъ принадлежитъ почетн. гражд. А. М. Махаловой.

Переулокъ Брюсовскій (см. Большую Никитскую улицу).

12. Въ 1755 г. домъ подполков. Ивана Алексѣевича Киселева; въ 1767 г. вдовы ст. сов. Аграфены Ѳедоровны Киселевой; въ 1793 г. отъ арміи бригадира Ѳедора Иванов. Киселева (это былъ дядя министра государственныхъ имуществъ графа Павла Дмитріевича Киселева); въ 1813 г. владѣніе фельдмаршала гр. Ивана Васильевича Гудовича; въ 1826 г. ген.-маіора гр. Андрея Ивановича Гудовича и брата его, ген. маіора графа Кирила Иванов. Гудовича. Въ настоящее время владѣніе это перешло къ двумъ лицамъ: одна часть принадлежитъ штаб.-ротмистру А. М. Миклашевскому, а другая вдовѣ почет. гражд. Н. М. Андреевой. Въ домѣ у Киселевыхъ была церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы.

---

6) Въ статьѣ князя І. А. Мещерскаго объ исторіи Константиновскаго Межеваго института (Р. Архивъ 1877, I, 550), невѣрно показано, что Межевая Канцелярія помѣщалась въ нынѣшнемъ домѣ Голяшкина.

7) При описаніи Большой Никитской улицы мы ошибочно сказали, что домъ А. Н. Голяшкина составлялъ въ старину владѣніе барона П. Г. Строганова; ему принадлежалъ нынѣшній домъ Цыплакова, въ Газетномъ переулкѣ.

13. Въ 1782 г. домовладѣлецъ ген. фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, первый Московскій главнокомандующій; въ 1784 году домъ пріобрѣтенъ въ казну для жительства главнокомандующихъ. При домѣ церковь во имя св. Александра Невскаго. Передъ нимъ площади до конца прошлаго вѣка не было.

Переулокъ Чернышевскій (см. Большую Никитскую улицу).

14. Въ 1785 г. домъ бригадира князя Бориса Григорьевича Шаховскаго; въ 1813 г. жены его генер.-поруч. княгини Варвары Александровны, урожденной баронесы Строгановой; въ 1826 г. маіора князя Алексѣя Львовича Шаховскаго; въ 1852 г. дворянина Д. А. Попова; въ 1874 г. купцовъ Сычевыхъ; въ настоящее воемя принадлежитъ ком. сов. Л. С. Полякову.

Переулокъ Леонтьевскій (см. Большую Никитскую улицу).

15. Въ 1737 г. домъ генеральши вдовы Татьяны Васильевны Шереметевой; въ 1765 г. генеральши вдовы Настасьи Никитишны Шереметевой, затѣмъ сына ея поручика гвардіи Александра Алексѣевича; въ 1801 г. ст. сов. Дмитрія Адамовича Олсуфьева; съ тѣхъ поръ этотъ домъ остается въ этомъ роду и въ настоящее время принадлежитъ тит. сов. Дмитрію Александровичу Олсуфьеву.

Переулокъ Малый Гнѣздниковскій начинается отъ Тверской улицы и вступаетъ въ Леонтьевскій переулокъ; названъ по урочищу Гнѣздники, котораго значенія мы не могли опредѣлить. Въ старину былъ одинъ Гнѣздниковскій переулокъ, именно этотъ, а Большой имѣлъ другія наименованія.

16. Въ 1793 г. домовладѣлецъ генералъ-аншефъ и сенаторъ князь Александръ Александровичъ Прозоровской, бывшій съ 1790 по 1795 г. главнокомандующимъ въ Москвѣ; въ 1809 г. вдовствующая супруга его штатсъ и кавалерственная дама княгиня Анна Михайловна; въ 1825 году дочь ихъ, супруга егермейстера, княгиня Анна Александровна Голицына; въ 1836 г. камеръ-юнкерша кол. ассес. княгиня Юлія Ѳедоровна Куракина; въ 1839 г. кол. ассес. Михаилъ Васильевичъ Гурьевъ; въ настоящее время принадлежитъ ком. сов. С. М. Малкіелю. При домѣ была церковь св. князя Михаила Тверскаго.

17. Въ 1716 г. домъ князя Михаила Ивановича Вадбольскаго; въ 1737 году вдовы княгини Пелагеи Ивановны Вадбольской; въ 1765 г. сына ея генер. поруч. кн. Сергія Ивановича; въ 1793 г. вдовствующей его супруги, княгини Маріи Ефимовны; въ 1802 г. сына ея кол. ассес. князя Петра Сергѣевича; въ 1826 г. графини Маріи Николаевны Толстой (матери извѣстнаго писателя графа Льва Николаевича); въ 1852 г. Дворянскаго Депутатскаго Собранія; въ настоящее время домъ принадлежитъ поч. гр. С. И. Сазикову.

Переулокъ Большой Гнѣздниковскій начинается отъ Тверской и соединяется съ Малымъ Гнѣздниковскимъ переулкомъ. Въ прежнее время этотъ переулокъ доходилъ, по прямому направленію, почти до Никитскихъ воротъ, загибался и выступалъ на Тверской бульваръ, между нынѣшними домами Уѣзднаго Училища и П. И. Зыкова; уничтоженная эта часть переулка отошла къ тѣмъ дворамъ, которые выходятъ на Тверской бульваръ. Прежде этотъ переулокъ назывался по домовладѣльцамъ Исленьевскимъ и Урусовскимъ.

18. Домовладѣлецъ Духовной Консисторіи секретарь Филиппъ Павловичъ Донской [8]); затѣмъ сыновья его лейбъ-гвардіи Коннаго полка капралы Петръ

[8]) См. о немъ выше, стр. 26

и Андрей Донскіе; потомъ Петръ Томясовъ и Давыдъ Бастеевъ; въ 1763 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и дѣйствительный камергеръ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ; въ 1773 г. вдова его, графиня Екатерина Андреевна; въ 1779 г. дочь ихъ, супруга фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова, штатсъ и кавалерственная дама графиня Дарья Петровна; потомъ сынъ ея отст. гус. ротм. графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ; въ 1825 г. сестра его тайная сов. гр. Анна Ивановна Орлова; въ 1828 г. графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ; въ 1833 г. бригадирша Екатерина Владиміровна Новосильцова, урожденная графиня Орлова; въ 1852 г. дѣйств. стат. сов. Владиміръ Петровичъ Давыдовъ; въ 1858 г. тайн. сов. княгиня Елизавета Петровна Долгорукова; въ 1865 г. инженеръ-полковникъ Богомолецъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ почет. гражд. И. П. Корзинкину.

Площадь, на которой стояли Тверскіе ворота въ стѣнѣ Бѣлаго города.

19. Въ 1802 г. домъ купцовъ Еремѣевыхъ, въ 1806 г. купцовъ Ерофѣевыхъ; въ 1816 г. купца Н. В. Орлова, въ настоящее время принадлежитъ купцу Н. И. Патину.

20. Въ 1793 г. домовладѣлецъ купецъ Г. А. Воробьевъ; въ 1806 г. Н. Д. Казинъ; въ 1817 г. подполков. П. Н. Грандмезонъ; въ настоящее время принадлежитъ купцу П. С. Малютину.

21. Въ 1802 г. домъ мѣщанки А. С. Шкариной; въ настоящее время числится за наслѣдниками купчихи Замятиной.

Переулокъ Палашевскій начинается отъ Тверской улицы и, дѣлая поворотъ, доходитъ до Спиридоньевскаго переулка; названіе получилъ отъ урочища Палаши, неправильно называемаго Палачи; здѣсь выковывали изъ желѣза палаши для войска, а по сосѣдству въ Бронной работали брони. Въ этой же мѣстности въ старину существовало урочище Кузнецы; вообще здѣшняя округа занималась производствомъ металлическихъ работъ. Прежде этотъ переулокъ назывался Рождественскою улицею, по церкви Рождества Христова, что въ Палашахъ, мимо которой онъ проходитъ.

22. Въ 1802 г. домъ купца И. П. Токарева; въ 1806 г. купца А. В. Ладыгина, въ настоящее время принадлежитъ женѣ кол. секр. А. С. Яковлевой.

23. Въ 1780 г. домовладѣлецъ президентъ Государственной Ревизіонъ-Колегіи, ген.-поручикъ Александръ Матвѣевичъ Херасковъ; въ 1802 г. ген.-маіоръ Петръ Васильевичъ Мятлевъ (отецъ извѣстнаго писателя). Въ 1745 г. прапорщикъ Семенъ Григорьевичъ Васильчиковъ; въ 1793 г. сынъ его, любимецъ Екатерины II-й, генер.-поручикъ Александръ Семеновичъ; въ 1806 г. домъ этотъ принадлежалъ генер.-маіору графу Льву Кириловичу Разумовскому; затѣмъ супругѣ его графинѣ Маріѣ Григорьевнѣ; въ 1834 г. брату ея, дѣйств. тайн. совѣт. князю Николаю Григорьевичу Вяземскому; въ 1852 г. женѣ стат. сов. Варварѣ Николаевнѣ Тимашевой-Берингъ; въ настоящее время домъ значится за тайн. совѣт. Иваномъ Павловичемъ Шаблыкинымъ. Въ немъ съ 1830 года помѣщается Московскій Англійскій Клубъ. За домомъ до сихъ поръ сохранился большой тѣнистый садъ.

24. Въ 1785 г. домовладѣлица вдова секундъ-маіорша, княгиня Прасковья Степановна Голицына; домъ этотъ находился въ родѣ Голицыныхъ около

70 лѣтъ; въ 1854 году онъ значится за поручикомъ княземъ Петромъ Петровичемъ Вадбольскимъ; въ 1857 г. за кол. секр. Ѳ. О. Керцелли; въ 1867 г. принадлежалъ княгинѣ Натальѣ Владиміровнѣ Оболенской, а въ настоящее время почетн. гражд. И. И. Корзинкину.

Переулокъ Мамоновскій начинается отъ Тверской улицы и доходитъ до Трехпруднаго переулка. Здѣсь находимъ въ 1742 г. домовладѣльца морскаго флота капитана-командира Алексѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова (это дядя извѣстнаго любимца Екатерины II-й); домъ его въ настоящее время принадлежитъ Глазной больницѣ.

25. Въ 1742 г. вышеназванный домовладѣлецъ А. В. Дмитріевъ-Мамоновъ; въ 1793 г. братъ его д. т. сов., сенаторъ, президентъ Вотчинной Колегіи Матвѣй Васильевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ; въ 1815 г. дочь его, двора ихъ императорскихъ величествъ фрейлина Прасковья Матвѣевна (у нея была домовая церковь Воскресенія Христова Словущаго); въ настоящее время домъ числится за Глазною больницею.

Переулокъ Благовѣщенскій начинается отъ улицы Тверской и доходитъ до Ермолаевскаго переулка. Названіе получилъ отъ церкви Благовѣщенія, отъ которой онъ начинается. Прежде назывался переулокъ Черный; это прозвище далъ здѣшній домовладѣлецъ въ 1793 г. купецъ Черный.

26. Въ 1765 г. домовладѣлецъ президентъ Мануфактуръ-Колегіи, Дмитрій Васильевичъ Волковъ, знаменитый дѣлецъ и секретарь Конференціи при имп. Елисаветѣ; домъ этотъ находился во владѣніи Волковыхъ около 80 лѣтъ; затѣмъ принадлежалъ вдовѣ штабъ-лекаря Н. Х. Шестаковой; въ 1852 г. надвор. сов. Н. С. Балкашиной; въ настоящее время числится за дочерью генер.-маіора Е. Д. Сталыпиною.

27. Въ 1793 г. домъ купца П. Е. Сорокина; въ 1837 г. купца Ѳ. Д. Буренкова; въ настоящее время принадлежитъ купцу К. А. Румянцеву.

28. Въ 1793 г. домъ купца Ѳ. М. Самойлова; въ 1837 г. купца В. И. Шестернина; въ 1855 г. купца М. Д. Смирнова; въ настоящее время домъ принадлежитъ сенатору, генералу отъ инфантеріи, князю Михаилу Александровичу Урусову.

29. Домъ Мѣщанина А. Н. Жилкина.

30. Въ 1793 г. домъ купца Ивана Казина; въ 1816 г. купца Д. Ѳ. Аллилуева; въ 1855 г. штаб.-ротм. Н. А. Грязева; въ настоящее время почетн. гражд. Е. А. Локотниковой.

31. Въ 1793 г. домовладѣлецъ купецъ Абрамъ Зубковъ; въ 1817 г. В. Кирсановъ; въ 1825 г. купецъ М. Жилкинъ; въ 1855 г. купцы Черкасовы; въ 1863 г. купчиха М. Ѳ. Пецъ; теперь домъ принадлежитъ дѣйств. стат. сов. Густаву Ивановичу Брауну.

Правая сторона Тверской улицы отъ Воскресенской площади.

32. Въ 1781 г. лавки купца И. Я. Грязенкова; въ 1806 г. лавка и съѣстной трактиръ дѣйств. стат. совѣтницы Надежды Ивановны Курманалеевой, коей владѣніе это принадлежало около 50 лѣтъ; въ 1855 г. значится за г. Карповичемъ, а въ настоящее время принадлежитъ поч. гражданину И. И. Корзинкину.

33. Въ 1781 г. лавки купца И. Я. Грязенкова; въ настоящее время принадлежатъ г. Яковлеву и церкви св. Николая, что на Мясницкой.

Подлѣ этихъ лавокъ стоялъ въ 1786 году каменный питейный домъ или кабакъ, называемый на Деревянномъ Скачкѣ [9]).

Представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Московскихъ кабакахъ.

Трудно опредѣлить съ отдаленныхъ временъ, когда и сколько было этихъ заведеній въ Москвѣ; мы такъ еще бѣдны обнародованными матеріалами по какой бы то ни было отрасли нашего города, и намъ не откуда было узнать, когда и какъ увеличивалось народонаселеніе первопрестольной столицы. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы могли собрать, намъ извѣстно, что первый кабакъ въ Москвѣ построенъ былъ по повелѣнію царя Іоанна IV для своей опришнины, около 1552 года, на Балчугѣ, за Живымъ мостомъ, между нынѣшнимъ Москворѣцкимъ и Цѣпнымъ мостами. Буйное своеволіе опричниковъ часто подавало тогда справедливыя причины къ народному ропоту. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, по благочестію своему, приказалъ разрушить это зданіе; но царь Борисъ Годуновъ, для умноженія государственныхъ доходовъ, возобновилъ его. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ опредѣлено въ каждомъ городѣ быть по одному кабаку, а въ Москвѣ тремъ кабакамъ; но вскорѣ кабаки размножились въ столицѣ. У Татаръ кабакомъ называли постоялый дворъ, гдѣ продавались, между прочимъ, кушанья и напитки [10]). Въ старину кабаки назывались и кружалами, отъ кружекъ, въ которыхъ подавалось вино; фартинами, что также означало и самую мѣру вина, въ родѣ нынѣшняго штофа; названіе же питейныхъ домовъ имъ дано въ 1779 году. Мы узнаёмъ, что въ отдаленное время кабаки составляли какъ бы простонародные клубы; въ нихъ не только по днямъ, но и по цѣлымъ ночамъ водили бесѣды, судя по старинным пословицамъ: людей повидать, въ кабакахъ побывать, или гдѣ хотите, тамъ и бранитесь, а на кабакѣ помиритесь; гдѣ кабачокъ, тамъ и мой дружокъ. Въ нѣкоторыхъ кабакахъ были харчевенныя мѣста, гдѣ производились такъ называемыя фартинныя, кегельныя, басковыя игры и гусекъ, «не на деньги, но для пріохочиванія покупателей на напитки, и для пріумноженія казеннаго дохода и народнаго удовольствія» [11]). У кабаковъ на дверяхъ на доскахъ были гербы; возлѣ оныхъ въ праздники помѣщалось нѣчто въ родѣ знаменъ, флаговъ и вымпеловъ, а у табашныхъ лавокъ на доскахъ нарисованы были офицеры съ курительными трубками. Камеръ-колегія запретила эти вывѣски и велѣла надъ кабаками дѣлать надписи: въ семъ домѣ питейная продажа, или въ семъ домѣ или лавкѣ табашная продажа, а другихъ никакихъ непристойныхъ знаковъ не выставлять [12]). Нѣкоторое время надъ входами въ питейные дома ставили елку, и такъ какъ эти заведенія приносили казнѣ доходъ, то и сложилась такая пословица: «елка зелена денежку даетъ». Въ 1626 г. было въ Москвѣ всего только 25 кабаковъ [13]), въ

---

9) См. дѣла по Управѣ Благочинія № 207079, годъ 1786, въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

10) Исторія кабаковъ въ Россіи И. Прыжова. С.-Петербургъ, 1868 г. стр. 49.

11) Губернскій Архивъ Старыхъ Дѣлъ въ Москвѣ, дѣла по Управѣ Благочинія.

12) Дѣла Камеръ-колегіи, связка 91, № 14, годъ 1749, въ Москвѣ Арх. Мин. Юстиціи.

13) Столбецъ въ Архивѣ Моск. Оружейн. Палаты 1787 года № 116. Число жителей не показано, но извѣстно изъ Истор. Гос. Рос. Карамзина, т. VII, стр. 209, что въ 1520 г. уже было въ Москвѣ болѣе ста тысячъ жителей.

1775 г. на двѣсти тысячъ жителей 151 [14]), въ 1805 году 116 кабаковъ [15]), въ 1842 году 128; въ 1866, когда сивуха получила названіе дешевки,—1248 кабаковъ [16]) и наконецъ въ минувшемъ 1877 году на шестьсотъ слишкомъ тысячъ жителей 240 питейныхъ домовъ; но теперь въ этихъ заведеніяхъ нѣтъ ни лавки, ни стула, и устранена всякая возможность бесѣдованія.

Помѣщаемъ здѣсь и прозвища нѣкоторыхъ старинныхъ кабаковъ: Австерія, или Истерія, Агашка, Архаровской, Башмашной, Березинской, Брыскинской, Варгуниха, на Веселухѣ, Ветошная австерія, Волконка, Вольной, на Голикахъ, въ Дербенѣ, на Деревянномъ Скачкѣ, Дубовка, Дѣвкины бани, Живодерный, Живорыбный, Заверняйка, Замошной, Зацѣпа, на Зеленомъ, Земляной, Казенка, Калашной, на Калужской срединѣ, Каковинка, Катокъ, Кафиль, Козиха, на Коптелкѣ, Красилка, Красненькой, Кружало Петровское, Кружало Тверское, на Крутоярѣ, Луниха, Лѣпивка, Малороссіянка, Поводеревенской, Облупа, Плющиха, Подберезки, Подвѣски, подъ Пушкою, Помѣрной, Пролетной, Разгуляй, Рожковской, Роушки, Рыбной, на Сапожкѣ, Серединской, Синодальной, Стеклянной, Стремянской, Стрѣлка, Сѣнной, Татьянка, у Тверскія растани, на Тверской срединѣ, Тишина, Труба, Тычокъ, Тягилевской, Уксинской, Хива, на Фонтанахъ, Щипунецъ, Ѳеколка. Противъ Троицы подъ горою находился кабакъ, подъ названіемъ Неугасимаго, потому что помѣщался въ подвалѣ, не имѣвшемъ дневнаго свѣта, а слабо освѣщался свѣчами. Мошенники, пользуясь темнотою, безбоязненно сбывали тамъ съ рукъ краденое плутамъ-покупщикамъ, и при поимкѣ могли утверждать, что не въ состояніи указать въ лицо, кому продали похищенную вещь; уничтоженіемъ этого кабака прекращено и сіе злоупотребленіе [17]). Въ 1773 г. императрица Екатерина II именнымъ указомъ повелѣла вывести немедленно вонъ изъ Кремля находившійся у Тайницкихъ воротъ кабакъ, называемый Катокъ, по причинѣ частыхъ въ немъ озорничествъ отъ фабричныхъ Суконнаго двора, вблизи находившагося [18]).

Идемъ далѣе по Тверской.

34. Въ 1781 г. Бергъ-Коллегія и Монетный дворъ; здѣсь въ 1775 году содержался и показывался народу Пугачовъ, заключенный въ желѣзной клѣткѣ, которая до сихъ поръ сохранилась. Въ 1798 году строенія этого двора съ землею императоръ Павелъ I высочайше повелѣлъ отдать своему любимцу, статскому сов. и Московскому оберъ-полицеймейстеру Павлу Никитичу Каверину; въ 1821 году это владѣніе значится за комер. сов. Д. А. Лухмановымъ; въ настоящее время принадлежитъ сыну его губерн. секр. С. Д. Лухманову

35. Въ 1668 г. дворъ боярина Юрія Алексѣевича Долгорукова; въ 1781 г. дворъ и лавки праправнука его генералъ-поручика князя Василія Владиміровича Долгорукова. Строенія разобраны, и мѣсто отошло подъ нынѣшнюю площадь Охотнаго Ряда.

36. Въ 1668 г. дворъ стольника, князя Василія Васильевича Голицына, прозваннаго иностранцами великимъ Голицынымъ. Это былъ человѣкъ

---

[14]) Описаніе Импер. столичн. гор. Москвы В. Рубана, состав. въ 1775 г. и отпечат. въ С.-Петерб. 1782 года.

[15]) Истор. и географ. словарь Максимовича и Щекатова.

[16]) Указатель Москвы, изд. Москов. Город. Статист. Комитета 1866 г.

[17]) Портфели А. Ѳ. Малиновскаго, въ Мос. Глав. Архивѣ Мин. Иностр Дѣлъ.

[18]) Архивъ Моск. Дворц. Конторы, связка 3, №№ 51 и 46, годъ 1773.

необыкновеннаго ума и высокаго воспитанія, еще при царѣ Ѳедорѣ имѣвшій большое значеніе и еще большее въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, которая наименовала его царственныя большія печати, государственныхъ, великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ. Князь жилъ великолѣпно: на домѣ блистала мѣдная кровля, а внутренность красовалась богатыми тканями и картинами извѣстныхъ живописцевъ. Послѣ семилѣтняго могущества своего, князь Василій Васильевичъ 11 Сентября 1689 года былъ лишенъ боярства и имѣній и сосланъ въ Яренскъ (Вологодской губерніи), оттуда переведенъ въ 1691 г. въ Пустозерскій острогъ, потомъ въ Пинегу, гдѣ окончилъ свою жизнь 13 Марта 1713 года, 80 лѣтъ отъ рожденія, и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ. Нѣкоторыя вещи изъ «описныхъ животовъ князя Голицына» находятся въ настоящее время въ Московскомъ Высоко-Петровскомъ монастырѣ [19]). Въ 1737 г. владѣетъ этимъ домомъ Имеретинская царица Дарья Арчиловна; въ 1745 г. генералъ-лейтенантъ и Грузинскаго государства царевичъ Бакаръ Вахтангеевичъ; въ 1765 г. княгиня Анна Георгіевна Грузинская, въ 1785 г. княгиня Дарья Александровна Грузинская; въ 1793 г. князья Александръ и Егоръ Александровичи Грузинскіе; въ 1802 г. надв. сов. Петръ Алексѣевичъ Кусовниковъ; въ 1852 г. поручицы Елизавета и Александра Чебышевы; въ настоящее время домъ принадлежитъ почет. гражд. Г. Ф. Комисарову. Надъ приходскимъ храмомъ преподобныя Параскевы, что въ Охотномъ ряду, была построена княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ въ 1687 г. верхняя церковь Воскресенія Христова и находилась первоначально на его содержаніи, а съ 1752 г. у князей Грузинскихъ во имя св. Іоанна Богослова, и обѣ считались въ числѣ домовыхъ.

Вотъ какъ происходило освященіе Воскресенской церкви: «195 (1687) года Генваря въ 23 день, въ недѣлю Блуднаго сына, святѣйшій патріархъ у всенощнаго былъ въ Соборѣ, и предъ литургіею въ 3 часу [20]) въ исходѣ ходилъ къ освященію храма Живоноснаго Воскресенія за Неглинскіе ворота, что у двора болярина князя Голицына, и какъ патріархъ пришелъ, и въ то время звонили у той церкви къ выносу мощей и къ литургіи былъ звонъ. Со святѣйшимъ служили два архіерея, два архимандрита да игуменъ; съ мощами около церкви не ходили, а мощи взяли изъ исподней церкви святыя преподобныя матери Параскевы. И послѣ обѣдни святѣйшій патріархъ ходилъ въ палаты къ болярину князю Василью Васильевичу, и боляринъ святѣйшему подносы подносилъ, и патріархъ подносовъ не изволилъ принять, токмо благословилъ домъ его и посидѣлъ мало и, подавъ имъ благословеніе, пошелъ въ домъ свой архіерейской, а шелъ къ болярину и отъ него переходами святѣйшій. Въ Соборѣ служилъ литургію того дня Тверской архіепископъ, съ нимъ два архимандрита, да игуменъ» [21]).

37. Въ 1738 г. дворъ капитана князя Александра Владиміровича Долгорукова; въ 1775 г. генералъ-поручика князя Василія Владиміровича Долгорукова; въ 1793 г. брата его генералъ-аншефа князя Юрія Владиміровича; въ 1832 г. супруги кол. ассес., княгини Вѣры Ѳедоровны Салтыковой; въ 1848 г. вдовы комерц. сов. В. М. Алексѣевой; въ настоящее время домъ принадлежитъ поч. гражданкѣ М. Г. Гусачевой.

---

19) См. Высоко-Петровскій монастырь, архим. Григорія, М., 1873, стр. 16.

20) Т. е. по древнему счету часовъ, съ восхожденія солнца.

21) Древн. Русс. Вивліоѳика, изданіе 2, томъ XI, стр. 273.

Переулокъ Георгіевскій находится между улицами Тверскою и Дмитровкою; названіе получилъ отъ Георгіевскаго женскаго монастыря (нынѣ приходская церковь), мимо котораго онъ проходитъ.

38. Въ 1739 г. домовладѣлецъ тайный совѣтникъ князь Сергій Григорьевичъ Долгоруковъ; въ 1755 г. вдова его, княгиня Марѳа Петровна Долгорукова; въ 1793 г. полковникъ Петръ Аѳанасьевичъ Бекетовъ, затѣмъ сынъ его камергеръ Петръ Петровичъ; въ настоящее время домъ числится за почетн. гражд. Н. А. Сушкинымъ.

39. Въ 1793 г. домъ тайнаго совѣтника, камергера князя Сергія Михайловича Голицына; 1802 г. тайнаго совѣтника князя Александра Михайловича Голицына; потомъ дѣйствительнаго камергера Петра Петровича Бекетова. Владѣніе это раздѣлилось, и въ настоящее время принадлежитъ одна часть купцу Н. П. Матейсену, а другая, къ углу Камергерскаго переулка, поручику П. А. Хвощинскому.

Переулокъ Камергерскій находится между улицами Тверскою и Дмитровкою; настоящее названіе получилъ отъ бывшаго здѣсь въ 1741 г. домовладѣльца камергера Василія Ивановича Стрѣшнева (нынѣ домъ тайнаго совѣтника И. П. Шаблыкина). Прежде этотъ переулокъ назывался Квасинымъ, потомъ Спасскимъ отъ церкви Спаса Преображенія, которая стояла на углу этого переулка и Тверской; церковь разобрана въ 1787 году, и мѣсто въ настоящее время занято владѣніемъ наслѣдниковъ почетной гражданки Дашкевичъ. Назывался этотъ переулокъ и Одоевскимъ, по дому князя Одоевскаго, находившемуся въ этомъ переулкѣ, что̀ нынѣ домъ г. Степанова.

40. Въ 1716 г. домовладѣлецъ бояринъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, впослѣдствіи оберъ-камергеръ, генералъ-аншефъ, пользовался неограниченною довѣренностію императора Петра II; по восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны сосланъ въ 1730 г. въ Березовъ, а въ 1739 г. привезенъ въ Новгородъ, и тамъ 26 октября четвертованъ на полѣ, близъ Скудельничьяго кладбища, и похороненъ въ церкви св. Николая въ верстѣ отъ Новгорода. Въ 1781 г. сынъ его, рожденный въ Березовѣ, гвардіи капитанъ и почетный опекунъ Московскаго Воспитательнаго Дома, князь Михаилъ Ивановичъ; затѣмъ генер.-маіоръ князь Александръ Борисовичъ Голицынъ; въ 1793 г. дѣвица княжна Елисавета Борисовна Голицына; позднѣе предводитель Московскаго дворянства князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ; въ 1813 г. генералъ-лейтенантъ графъ Праклій Ивановичъ Марковъ; въ 1832 г. супруга дѣйст. стат. сов. Софья Юрьевна Самарина; въ 1860 г. купецъ И. Утинъ; въ 1873 г. вдова почетн. гражд. Дашкевичъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ ея наслѣдникамъ. При домѣ была церковь Св. Троицы.

Отсюда начинался переулокъ съ Тверской на Дмитровку, отошедшій къ прилегающимъ владѣніямъ.

Подлѣ переулка на Тверской улицѣ стоялъ Воскресенскій Высокій монастырь, который именовался «у Золотой рѣшетки». Высокимъ онъ назывался отъ возвышенной мѣстности, на которой былъ расположенъ. Мужская эта обитель, давшая названіе Воскресенскимъ воротамъ, упоминается уже въ 1598 году по случаю избранія на царство Бориса Годунова [22]. Въ 1656 г.

---

[22]) Древн. Росс. Вивліоѳика, т. VII, стр. 114.

по указу царя Алексѣя Михайловича она приписана къ Саввино-Сторожевскому монастырю и, вѣроятно, вскорѣ обращена въ подворье. Нѣкоторое время здѣсь пребывали Крутицкіе архіереи, а съ 1799 года и по настоящее время живутъ преосвященные Московскіе викаріи [23]).

41. Въ 1657 году дворъ князя Ивана Д а ш к о в а; въ 1712 г. дворъ князя Матвѣя Петровича Г а г а р и н а; въ 1719 г. дворъ князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина; въ 1764 г. сына его лейбъ-гвард. Семеновскаго полка секундъ-маіора князя Матвѣя Алексѣевича; въ 1805 г. статсъ-дамы графини Елисаветы Васильевны Зубовой (матери Екатерининскаго любимца); въ 1820 г. купца М. Д. Часовникова; въ 1840 г. купчихи П. Х. Крашенинниковой; въ 1855 г. купца И. Т. Дубицкаго; въ настоящее время домъ принадлежитъ Д. А. О л с у ф ь е в у.

Когда еще въ Бѣломъ городѣ, въ царствованіе Петра Великаго, между уютными каменными домами бояръ, стояли не только деревянные хоромы, но даже избы горожанъ, тогда князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ воздвигъ великолѣпныя палаты, на образецъ Венеціанскихъ, вѣроятно, по проекту одного изъ иностранныхъ архитекторовъ, которые вмѣстѣ съ Русскими строителями украшали столицу произведеніями церковнаго и гражданскаго зодчества. Мы еще помнимъ первобытный наружный видъ этихъ палатъ, и можемъ навѣрное сказать, что онѣ составляли украшеніе Царской или Тверской улицы. Домъ этотъ, въ настоящее время искаженный, на сколько замѣчателенъ былъ своимъ зодчествомъ, на столько достопамятенъ и судьбою своего владѣльца. Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, сперва воевода въ Нерчинскѣ, потомъ судья въ Сибирскомъ Приказѣ, въ вѣдѣніи котораго состояла вся Сибирь, затѣмъ Московскій губернаторъ, когда уже построилъ свои диковинныя палаты, въ 1711 г. назначенъ былъ Сибирскимъ губернаторомъ. Петръ I, вслѣдствіе сдѣланнаго на князя доноса, вызвалъ его въ Петербургъ подъ предлогомъ, чтобы онъ участвовалъ въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ [24]); тамъ князь былъ преданъ суду, заключенъ въ Адмиралтейскую тюрьму, гдѣ содержался около двухъ лѣтъ, былъ пытанъ, битъ кнутомъ, и 17 Іюля 1721 года повѣшенъ на площади предъ Сенатомъ. Великолѣпіе внѣшности его палатъ соотвѣтствовало и роскошному внутреннему убранству. Разнаго рода дорогое дерево, мраморъ, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшеніе покоевъ, гдѣ зеркальные потолки отражали въ себѣ блескъ люстръ, канделябръ, въ висячихъ стеклянныхъ прудкахъ плавали живыя рыбы, разноцвѣтные наборные полы представляли узорчатые ковры. Теперь домъ этотъ разбитъ на мелкіе квартиры и магазины.

42. Въ 1738 г. домовладѣлецъ стат. сов. князь Василій Ивановичъ Г а г а р и н ъ; въ 1782 г. аптекарь Яковъ Калкау; въ 1793 г. вдова Авдотья Михайловна Калкау; въ 1805 г. генералъ-маіоръ Дмитрій Васильевичъ Чертковъ; въ 1837 г. дворянинъ Д. А. Поповъ; въ настоящее врема домъ принадлежитъ вдовѣ почетн. гражд. Н. М. А н д р е е в о й. Рядомъ съ этимъ домомъ начиналось владѣніе дѣйст. тайн. сов. и Верховнаго Тайнаго Совѣта члена князя Михаила Владим. Д о л г о р у к о в а († 1750 г.), отца кн. Вас. Михаил. Д о л г о р у к о в а-К р ы м с к а г о; затѣмъ дочерей его княженъ Евдокіи и Аграѳены Михайловнъ. Императрица Екатерина II нашла нужнымъ пріобрѣсти въ казну

23) Саввинское подворье въ Москвѣ, соч. И. П. Р о з а н о в а, 1869 г., стр. 3.
24) См. газета Г о л о с ъ, годъ 1870, № 70.

мѣсто, принадлежащее кн. Долгоруковымъ и позволила на покупку онаго употребить до 7.000 рублей; купленное мѣсто приказано въ 1790 г. обратить въ площадь [25]).

43. Въ 1737 г. дворъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручика Андріяна Ивановича Л о п у х и н а; въ 1757 г. сына его ст. сов. Андріяна Андріяновича. Въ 1719 г. домъ ген. маіора и сенатора кн. Григорія Алексѣевича У р у с о в а; въ 1725 г. морскаго флота капитана князя Василья Алексѣевича Урусова; за тѣмъ вдовы его княгини Прасковьи Петровны; въ 1765 г. сына ихъ маіора князя Ѳеодора Васильевича У р у с о в а; въ 1786 г. сестры его дѣвицы княжны Прасковьи Васильевны; въ 1802 г. брата ея надв. сов. князя Петра Васильевича (у Урусовыхъ была домовая церковь св. Діонисія Ареопагита); въ 1813 г. именитаго гражданина Степана Ивановича Усачева; въ 1826 г. купца В. В. Варгина. Теперь оба эти владѣнія составляютъ одно и принадлежатъ статскимъ совѣтникамъ А. и Н. В а р г и н ы м ъ.

Переулокъ Г л и н и щ е в с к і й находится между улицами Тверскою и Дмитровкою; глинистая почва дала наименованіе этому переулку, который назывался также и А л е к с ѣ е в с к и м ъ, по церкви св. Алексія митрополита, здѣсь находящейся.

44. Въ 1761 г. домовладѣлецъ стольникъ Михаилъ Георгіевичъ Т е л е п н е в ъ; въ 1737 г. сержантъ Преображенскаго полка Иванъ Степановичъ Телепневъ; въ 1782 г. лебъ-гвардіи Семенов. полка кап. пор. Петръ Ивановичъ Телепневъ; въ 1785 г. полковникъ Иванъ Петровичъ Телепневъ; въ 1806 г. оберъ-провіантмейстеръ маіоръ Николай Максимовичъ Походяшинъ; въ 1826 г. надв. сов. Марья Яковлевна Походяшина; въ 1837 г. дворянинъ Д. А. Поповъ; съ 1856 г. и по настоящее время гг. М а н у х и н ы.

45. Въ 1716 г. домовладѣлецъ маіоръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Семенъ Андреевичъ С а л т ы к о в ъ, Московскій генералъ-губернаторъ, возведенный 19 Февраля 1732 года въ графское Россійской Имперіи достоинство; въ 1765 г. сынъ его фельдмаршалъ, сенаторъ и дѣйств. камергеръ графъ Петръ Семеновичъ, Московскій главнокомандующій; въ 1775 г. сынъ послѣдняго генералъ-аншефъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ и военный губернаторъ въ Москвѣ графъ Иванъ Петровичъ; въ 1807 г. сынъ его, гвардіи гусарскаго полка поручикъ, графъ Петръ Иваповичъ, въ 1812 году сформировалъ на собственный свой счетъ цѣлый полкъ, извѣстный подъ именемъ Салтыковскаго; умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; въ 1821 г. сестра его графиня Анна Ивановпа Орлова; въ 1836 г. тайн. совѣтн. Прасковья Ивановна Мятлева, урожденная графиня Салтыкова; въ настоящее время домъ принадлежитъ надв. сов. Петру Ивановичу М я т л е в у. При домѣ находилась полковая церковь Пресвятыя Богородицы Владимірскія. (Въ этомъ домѣ родился М. П. Погодинъ).

46. Въ 1785 г. домъ купца Игнатія М а л ю т и н а; въ 1824 г. генер.-маіора Александра Сергѣевича Шульгина, бывшаго въ Москвѣ оберъ-полицеймейстеромъ; въ 1839 г. купца Н. И. Шевалдышева; затѣмъ г-жи Барыковой; въ настоящее время принадлежитъ дѣйств. стат. сов. М. А. И с а к о в у.

Переулокъ К о з и ц к і й находится между улицами Тверскою и Дмитровкою, названъ по домовладѣлицѣ, какъ сейчасъ увидимъ; назывался и С е р г і е в-

[25]) См. Русскій Архивъ, годъ 1872, стр. 546 и 550.

скимъ по церкви Успенія Божіей Матери съ придѣломъ преп. Сергія, находящейся въ концѣ этого переулка, на Большой Дмитровкѣ.

47. Въ 1738 г. домъ княжны Маріи Ѳеодоровны Вяземской; въ 1745 г. брата ея дѣйст. камерг. кн. Андрея Ѳедор.; въ 1778 г. сына его тайн. сов. сенатора кн. Ив. Андр. Вяземскаго (дѣдъ извѣстнаго писателя); въ 1793 г. ст. сов. Ек. Ив. Козицкой; въ 1825 г. дочери ея, супруги оберъ-шенка кн. Анны Григорьевны Бѣлосельской-Бѣлозерской; впослѣдствіи перешелъ къ княгинѣ Еленѣ Павловнѣ Кочубей (въ первомъ бракѣ княгинѣ Бѣлозельской-Бѣлозерской); теперь жены ком. сов. М. А. Малкіеля. При домѣ кн. Вяземскаго была церковь Живоначальныя Троицы. Отъ этого дома шелъ переулокъ на Большую Дмитровку и назывался Вяземскимъ; въ 1778 г. онъ уничтоженъ, и земля его прирѣзана къ домовладѣльцамъ кн. Вяземскому и купцамъ Никитѣ Терентьеву и Петру Кожевникову. Въ этомъ домѣ съ 1826—1828 годахъ жила и собирала у себя писателей и художниковъ кн. З. А. Волконская, ур. Бѣлосельская-Бѣлозерская.

48. Въ 1778 г. домъ купца Никиты Терентьева; въ 1813 г. купцовъ Тулуповыхъ.

49. Въ 1793 г. домъ мѣщанина Егора Марсова.

50. Въ 1793 г. домъ провіантмейстера Петра Тимоѳеевича Лобкова. Въ настоящее время эти три владѣнія принадлежатъ купчихѣ М. С. Лагуновой.

Далѣе, черезъ нынѣшнюю площадь Страстнаго монастыря или черезъ Тверскіе ворота:

51. Въ 1793 г. домъ кол. сов. Ильи Ивановича Бѣляева; въ 1803 г. сына его гвардіи прапорщика Ивана Ильича; въ 1825 г. тит. сов. Г. И. Высоцкаго; въ настоящее время вдовы кол. секр. В. Д. Дубровиной съ дѣтьми.

52. Въ 1793 г. домовладѣлецъ ген. маіоръ Петръ Сергѣевичъ Телѣгинъ; въ 1806 г. супруга его Екатерина Александровна; въ 1817 г. ген. маіоръ Павелъ Александровичъ Рахмановъ; въ 1849 г. дѣйств. ст. совѣт. Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій; въ настоящее время домъ принадлежитъ поч. гражд. Марковымъ.

53. Въ 1793 г. домъ купчихи Татьяны Пустоваловой; въ 1806 г. кол. сов. Натальи Абрамовны Пушкиной; въ 1821 г. дѣйств. стат. сов., камергера, Алексѣя Михайловича Пушкина; въ 1833 г. сына его тит. сов. Ивана Алексѣевича; въ 1834 г. купчихи Д. З. Русиновой; въ 1849 г. поч. гражд. А. П. Русинова; въ 1867 г. купч. Н. А. Овчинниковой; въ настоящее время принадлежитъ купцу В. К. Любимову.

Переулокъ Медвѣжій между Тверскою и Малою Дмитровкою.

54. Въ 1793 г. домъ купца Петра Милошина; въ 1803 г. сыновей его Егора и Андрея; въ 1816 г. тайнаго совѣтника и сенатора князя Сергія Ивановича Гагарина; въ 1822 г. купца Я. Замятина; въ настоящее время купца К. К. Севастьянова.

55. Въ 1793 г. домовладѣлецъ генер.-маіоръ Александръ Петровичъ Ермоловъ (любимецъ Екатерины II-й); въ 1816 г. поручикъ Павелъ Григорьевичъ Щепочкинъ; въ 1836 г. генеральша М. П. Бистромъ; въ 1837 г. штабъ-ротмистръ Николай Дмитріевичъ Нарышкинъ; въ настоящее время домъ для жительства гражданскихъ губернаторовъ.

56. Въ 1775 г. домовладѣлецъ секундъ-маіоръ Левъ Александровичъ Колычевъ; въ 1803 г. князь Владиміръ Ивановичъ Щербатовъ; въ 1817 г. вдова артиллеріи маіора Наталья Матвѣевна Неронова; въ 1837 г. подполковникъ Александръ Дмитріевичъ Ивинскій; теперь домъ принадлежитъ поч. гражд. П. С. Мазурину. У. П. М. Нероновой была Духосошественская домовая церковь.

57. Въ 1765 г. домъ подполковника Ивана Егоровича Баскакова; въ 1803 г. дочери его дѣвицы Елисаветы Ивановны; въ 1806 г. тайной совѣтницы Варвары Ѳедоровны Голохвастовой; въ 1817 г. генер. маіор. Маріы Петровны фонъ-Мертенсъ; въ 1845 г. надв. сов. Степана Ивановича Шиловскаго; въ настоящее время дворянина В. С. Шиловскаго.

Переулокъ Дегтярный находится между улицами Тверскою и Малою Дмитровкою; должно полагать, что здѣсь производился торгъ дегтемъ вблизи Тверской Ямской слободы.

58. Въ 1793 г. домовладѣлецъ капитанъ Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ; въ 1806 г. мѣщанинъ Я. Т. Двукраевъ; въ 1826 г. цеховой И. П. Гречихинъ; теперь принадлежитъ купцу А. А. Ильину.

59. Въ 1793 г. домъ купца В. А. Литвѣева; въ 1816 г. купца М. Мякотина; въ 1835 году купца В. Ѳ. Аллилуева; въ 1847 г. гвардіи ротмистра Аполлона Евграфовича Мерлина; теперь принадлежитъ купцу М. Д. Смирнову.

60. Въ 1745 г. домъ капитана драгунскаго полка князя Сергія Ѳедоровича Волконскаго; въ 1785 г. сына его князя Михаила Сергѣевича; затѣмъ вдовы его княгини Екатерины Исаевны; въ 1793 г. графини Варвары Петровны Девьеръ; въ 1803 г. подполковника Ивана Михайловича Хлѣбникова; затѣмъ княжны Екатерины Сергѣевны Трубецкой; въ 1835 г. княгини Анны Николаевны Трубецкой; въ 1840 г. княжны Елисаветы Николаевны Трубецкой; въ 1848 г. отстав. гвардіи ротм. Аполлона Евграфовича Мерлина; въ 1853 г. гвардіи поручика Татищева; въ 1861 г. жены штабсъ-ротм. княгини Елисаветы Александровны Голицыной; теперь купца П. П. Смирнова.

Переулокъ Пименовскій находится между улицами Тверскою и Малою Дмитровкою, названъ по церкви св. Пимена, что въ Старыхъ Воротникахъ, здѣсь находящейся; тутъ жили слободою воротники, т. е. стража у воротъ Кремля, Китая и Бѣлаго города; состояли они въ вѣдѣніи Канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи.

61. Въ 1793 г. домовладѣлецъ генер. поруч. князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій; въ 1808 стат. сов. Анна Иван. Лаврова; въ 1817 г. генералъ-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Облеуховъ, принадлежалъ Облеуховымъ около 40 лѣтъ; въ 1856 г. числится за кол. ас. П. В. Винокуровымъ, а въ настоящее время значится за женою временнаго купца Е. А. Коровиной. (Здѣсь жилъ и умеръ поэтъ Н. М. Языковъ).

62. Въ 1785 г. домъ надв. сов. Якова Ивановича Ордина-Нащокина; въ 1803 г. генерала отъ инфантеріи Петра Хрисанѳовича Обольянинова (извѣстнаго генералъ-прокурора Павловскихъ временъ), въ 1866 г. жен. кол. секр. Елисаветы Михайловны Всеволожской, урожденной Обольяниновой; затѣмъ его пріобрѣлъ и отлично перестроилъ гвардіи штабсъ-капитанъ А. А. Пороховщиковъ; теперь онъ принадлежитъ братьямъ Ивану и Степану Васильевичамъ Хомяковымъ. Въ домѣ у П. Х. Обольянинова была церковь Срѣтенія Господня.

63. Въ 1757 г. домовладѣлецъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Николай Щепотьевъ; въ 1793 г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій; въ 1803 г. купцы Иванъ и Андреянъ Славные; въ 1830 г. тит. сов. А. И. Звѣрева; въ 1835 г. кол. сов. Сабанѣева; въ настоящее время домъ принадлежитъ дѣйств. стат. сов. Ѳедору Ѳедоровичу Рѣзанову.

*

На пути нашемъ по Тверской улицѣ мы замѣтили, что изъ числа 63 владѣльцевъ у тринадцати были свои домовыя церкви, хотя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ находились и церкви приходскія. Не думаемъ, чтобы недуги и преклонныя лѣта нашихъ вельможъ были главною причиною устройства домовыхъ церквей; тутъ, полагать надобно, нерѣдко примѣшивалась и такъ называемая, барская спѣсь, что̀ и подтверждается слѣдующею статьею Духовнаго Регламента: «Отселѣ не быть у мірскихъ ни у кого (кромѣ фамиліи Царскаго Величества) въ домахъ церквамъ и крестовымъ попамъ; ибо сіе лишнее есть, и отъ единыя спѣси дѣется, и духовному чину укорительное. Ходили бы господа къ церквамъ приходскимъ, и не стыдились бы быть братіею, хотя и крестьянъ своихъ, въ обществѣ христіанствѣмъ. О Христѣ бо Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободь, глаголетъ Апостолъ» [26]). Позднѣе, дѣланы исключенія для людей престарѣлыхъ.

Алексѣй Мартыновъ.

---

[26]) Духовный Регламентъ Петра Перваго 1721 года.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина

О состояніи Россіи, въ концѣ Екатерининскаго царствованія.

Письмо это найдено въ черновомъ подлинникѣ въ бумагахъ графа Ростопчина, сообщенныхъ намъ его сыномъ. Не видно, къ кому именно писано оно; но по содержанію своему оно служитъ дополненіемъ писемъ графа Ростопчина къ Лондонскому его благопріятелю графу С. Р. Воронцову, напечатанныхъ въ VIII книгѣ «Архива Князя Воронцова». Время написанія слѣдуетъ отнести къ 1794 году, когда дѣйствительно готовился новый разрывъ между Россіей и Турціею. Вспыхнувшее вслѣдъ за тѣмъ возмущеніе Польши побудило Екатерину уладить отношенія наши къ Турціи.

Сужденія графа Ростопчина нерѣдко верхоглядны, отзывы почти всегда рѣзки и мнѣнія желчны; но историкъ не можетъ оставлять безъ вниманія его показанія: они въ высокой степени изобразительны и обнаруживаютъ въ графѣ Ростопчинѣ высоко-даровитаго писателя и зоркаго наблюдателя событій.

П. Б.

Du 9 (20) Mars (1794). S.-Pétersbourg.

Il me semble que la guerre est inévitable pour la Russie, puisque l'Impératrice le veut, malgré les réponses modérées et pacifiques de la Porte. Elle persiste dans l'intention de parvenir à son but et de remplir les gazettes du bombardement de Constantinople. Elle dit, à sa table, qu'elle perdra un jour patience et fera voir aux Turcs qu'il est aussi aisé d'aller à leur capitale que de faire le voyage de la Crimée. Elle accuse même quelquefois le prince Potemkin de n'avoir pas exécuté son projet et d'avoir manqué de bonne volonté, car il ne falloit que cela. Voilà ses expressions. D'un autre côté, elle désire encore assurer la Valachie et la Moldavie au grand-duc Constantin et le faire régner là. Mais ce qui rend la guerre encore plus probable, c'est le désir qu'a le comte Zoubow de commander l'armée et d'avoir un prétexte de devenir maréchal, grand-homme de guerre, etc. Il compte probablement sur m-r Marcow pour oser entreprendre une tâche qui lui fera faire une absence, véritable casse-cou pour les gens en faveur... Il paraît qu'il a en vue de suivre la méthode du prince Potemkin.

Il n'y a plus de numéraire: le rouble en argent blanc vaut 150 cop. en papier. M-r de Samoïlow, soufflé je ne sais par qui,

avoit proposé de faire battre une nouvelle monnaie réduite à sa valeur d'à présent. Ce projet a été sur le point d'être adopté, par les avantages qu'on y trouvoit en empêchant l'exportation hors du pays; mais ils ne faisoient pas attention que le papier ne diminueroit pas de prix, et qu'on ne le pourroit jamais faire aller de pair avec la nouvelle monnaie dont la prétendue valeur ne seroit qu'une attrape.

On fait de grands rassemblemens du côté des frontières. Les généraux et les officiers ont reçu les ordres les plus sévères pour aller rejoindre leurs corps; malgré cela tout le monde reste: tant l'habitude de désobéir est devenue naturelle. La flotte de la Mer Noire est très-formidable. Elle est commandée par un brave et galant homme, m-r Mordvinow; la flottille par m-r. Ribas, aussi gueux que l'autre est honnête. Ils sont tous les deux parfaitement bien avec m-r de Zoubow. Le c-te Solticow va remplacer en Pologne le p-ce George Dolgorouky, qui, après avoir eu le cordon de St. Volodimir, le chiffre pour sa fille, qui par ce moyen a été reconnue, et avoir vu qu'il n'y a plus moyen, pour quelqu'un qui aime l'ordre, de rester au service, se retire à Moscou pour cause de maladie.

D'après tout ce que j'ai entendu dire à des gens dignes de foi, la partie de la Pologne qui nous est échue en partage est devenue un repaire de voleurs. Les soldats, n'ayant pas touché les appointemens depuis 8 mois et manquant de tout, n'obéissent à personne et volent sans craindre la punition.

Vous avez désiré de savoir qui sera à la place du c-te Scavronsky; je crois que vous êtes déjà instruit de la nomination des nouveaux ministres. Le c-te Panin, jeune homme d'un grand mérite et d'une conduite extraordinaire pour son âge (car il n'a que 24 ans) devoit aller à Naples; l'oukase étoit déjà signé, mais Nesselrode, ayant demandé son congé, on fit une nouvelle répartition. Kolishew, de la Haye, est allé à Berlin; Panin a été nommé à sa place; le c-te Stackelberg a été nommé pour aller à Turin, et le pauvre Béloselsky perdit sa place sans le douter le moins et au moment où il voulait y retourner. Ce c-te Stackelberg est fait pour la carrière qu'il a choisie; il a beaucoup d'esprit, de pénétration, insinuant, poli avec tout le monde, un peu même jésuite; il paroît relever par sa conduite les ridicules de monsieur son père, qui se croit être un séducteur à 25 ans, aimable, assommant, ambitieux et rampant, justifiant ses demarches par le désir de contribuer et d'assurer le sort de ses enfans; amoureux de la cour, où il est à charge, surtout depuis un accès d'épilepsie qu'il a eu et qu'il qualifie de faiblesse. G-in va à Naples. On aurait pu être content de se débarrasser d'un gueux, s'il n'en restoit des douzaines pour lui succéder. Cet homme a toutes les qualités nécessaires pour figurer à la cour et tromper le public. Je suis sûr qu'il auroit également brillé à la cour de Louis XV et parmi les Jacobins. Je suis bien fâché de la

mort de m-r de Zinoview. C'étoit un si bon vieillard! Son départ retardé et tout ce qu'il voyoit ont précipité sa fin. On en avoit fait une espèce de plastron pendant le séjour de Sarsko-Sélo; son enthousiasme pour l'Espagne et sa vivacité donnoient lieu à des plaisanteries, qui n'ont pas de bornes à la cour. On lui avait accordé une pension de 2000 r. en augmentation de ses appointemens, et il étoit très-content. Je ne sais pourquoi, mais il avoit beaucoup d'amitié pour moi, et quand il me parlait de son départ, il ne manquoit jamais d'ajouter que son coeur saignoit en songeant à tout ce qu'il avoit vu ici. Sa place n'est encore donnée à personne; on croit que m-r Krudener l'aura et qu'il sera remplacé à Copenhague par m-r le baron Stackelberg, que l'on vient de faire gentilhomme de la chambre, qu'on dit avoir beaucoup de mérite, et qui a été longtems employé dans les missions étrangères.

Le crédit de m-r Marcow va toujours en augmentant. Il est l'âme des affaires; c'est lui qui projette et fait tout. Le favori passe pour un grand travailleur dans le monde, car en refusant sa porte, on dit qu'il écrit et doit être ces jours prince du St. Empire, et m-r Marcow— comte. Je trouve que ce dernier fait très-bien de rappeler de tems en tems qu'il lui faut encore quelque chose, et c'est toujours avec le c-te Zoubow qu'ils récompensent et qu'ils partagent les faveurs de la cour. Le c-te Bezborodko est allé encore à Moscou; la maison qu'il y fait bâtir est le prétexte de ses courses. Il n'a absolument rien à faire et en parle lui-même, les affaires étrangères étant entre les mains de m-r Marcow, et celles de l'intérieur entre les mains de m-r Трощинской, secrétaire de l'Impératrice et grand travailleur.

Il paraît que les affaires de France ont déjà ennuyé l'Impératrice; car on ne parle plus des événemens de ce pays et on ne s'en occupe que par bienséance. Il nous arrive cependant beaucoup de Français; hommes, femmes, enfans, tout passe à la douane. Je trouve que la révolution a fait un grand tort aux souverains et aux mille et une nuits, contes arabes: car c'est incroyable à quel point les esprits sont dépravés et montés partout. Les histoires des émigrés surpassent les contes de feés. M-r d'Esterhazy paroît être un peu hors de mode; Marcow le connoît trop bien pour ne pas faire revenir sur son compte m-r Zoubow. Il ne vous aime pas; il trouve que vous avez montré trop peu d'intérêt au sort malheureux des princes et nobles, errant en Juifs. Mais sa haine pour vous n'a donné lieu qu'à des exclamations de sa part; et, accoutumé de voir les choses justes, vous vous êtes trop accoutumé à dire la vérité pour la taire dans une circonstance où une fausse compassion et l'envie de faire violence aux opinions a entraîné généralement tout le monde et a fait employer des moyens qui ont réuni toute une nation pour la défense commune. On croit que tout cela finira plus tôt qu'on ne le croit, et le roi de Prusse paroît être le premier à donner l'exemple pour ramener la paix. On est très-content

du c-te Serge en Suède, et le Régent a déjà écrit plusieurs fois pour remercier du choix que l'on avoit fait. Cela me fait un grand plaisir, car je craignois qu'il ne recommençât ses farces de Berlin.

La cour n'ira que tard à Sarsko-Sélo; l'Impératrice se trouve si bien au nouveau palais de la Tauride qu'elle y restera tout le mois de Mai. Le principal agrément est d'être de plein-pied dans le jardin et de ne voir que peu de monde. Le grand-duc est à Гачина depuis une semaine. Dans ma première lettre je vous donnerai des détails sur sa cour et sur celle de ses enfans. Le grand-duc Alexandre est rempli d'admiration pour vous et me charge de vous remercier pour l'opinion que vous avez de lui.

Je suis heureux et trop amoureux de ma femme pour vous en parler. Elle est assez grande, bien faite, se tient assez bien; elle a de beaux yeux. Voilà ce que je peux vous dire; le reste paroîtroit venir d'un amant, et j'attendrai encore quelques mois pour vous en parler. Je vis avec quelques personnes que j'ai eu l'occasion de connaître avant, et comme ma femme pense comme moi et qu'elle a été trop longtems à la cour pour ne pas être dégoutée de la grande société, nous n'y sommes qu'autant qu'il faut pour ne pas passer pour singuliers.

ПЕРЕВОДЪ.

С.-Петербургъ, 9 (20) Марта (1794).

Мнѣ кажется, что война для Россіи неизбѣжна, потому что Императрица того желаетъ, не смотря на умѣренные и миролюбивые отвѣты Порты [1]). Ей непремѣнно хочется достигнуть своей цѣли и наполнить газеты вѣстью о бомбардированіи Константинополя. За столомъ своимъ она выразилась, что наконецъ терпѣнію ея наступитъ конецъ, и Турки убѣдятся, что забраться къ нимъ въ ихъ столицу также легко, какъ съѣздить въ Крымъ. Иногда она даже ставитъ въ вину князю Потемкину, что онъ не исполнилъ ея предначертаній и дѣйствовалъ нерадиво, «тогда какъ нужно было только съ усердіемъ приняться за дѣло». Это именно ея слова. Съ другой стороны она по прежнему желаетъ обезпечить великому князю Константину Павловичу Молдавію и Валахію и воцарить его тамъ. Возможность войны усиливается еще желаніемъ графа Зубова командовать арміею и по этому поводу сдѣлаться фельдмаршаломъ, великимъ военнымъ человѣкомъ и пр. Но любимцы ничѣмъ такъ себя не губятъ, какъ отсутствіемъ; онъ это конечно знаетъ и вѣроятно разсчитываетъ на Мар-

---

[1]) Изъ напечатанныхъ выше бумагъ Суворова читатели видѣли, что въ предшествующемъ году отношенія наши къ Турціи были въ напряженномъ состояніи. Очевидно, находившійся въ Херсонѣ Суворовъ готовился, что его позовутъ къ дѣлу. „Мы пристально на Турокъ смотримъ“, писалъ 3 Марта 1794 г. графъ Завадовскій, и самая связь вещей влечетъ къ рѣшительному удару. Ты вѣдаешь давнишнія желанія“. (Архивъ Кн. Вор. XII, 104).

кова, рѣшаясь на такой смѣлый шагъ... [2]). По видимому, онъ намѣревается слѣдовать образу дѣйствій князя Потемкина.

Монета исчезаетъ: серебряный рубль стоитъ полтора рубля бумажныхъ. Самойловъ, не знаю по чьему внушенію, вздумалъ войти съ предложеніемъ бить новую монету соотвѣтственно теперешней ея цѣнности. На это едва было не согласились, находя, что мѣра эта будетъ выгодна, такъ какъ ею замедлится вывозъ монеты за границу; но не принято во вниманіе, что бумажныя деньги останутся все тѣже и что нельзя заставить принимать ихъ въ одну цѣну съ новою монетою, достоинство которой будетъ лишь воображаемое.

На границахъ собираются войска въ большомъ числѣ. Генераламъ и офицерамъ разосланы самыя строгія приказанія возвратиться къ своимъ полкамъ и, не смотря на то, они не ѣдутъ: до такой степени укоренилась привычка къ неповиновенію. Черноморскій флотъ очень грозенъ. Имъ начальствуетъ храбрый и благородный Мордвиновъ, а флотилія въ распоряженіи Рибаса, который въ той же мѣрѣ негодникъ, въ какой Мордвиновъ честная душа. Оба въ отличныхъ отношеніяхъ съ Зубовымъ. Графъ Салтыковъ [3]) назначенъ въ Польшу, на мѣсто князя Юрія Долгорукаго, которому дана Владимірская лента, а его дочери фрейлинскій знакъ, чѣмъ узаконяется происхожденіе ея [4]). Убѣдившись, что человѣку, любящему порядокъ, нѣтъ возможности оставаться на службѣ, князь Долгоруковъ удаляется въ Москву подъ предлогомъ болѣзни.

По всему что ко мнѣ доходитъ отъ достовѣрныхъ людей, доставшаяся намъ [5]) часть Польши сдѣлалась гнѣздилищемъ грабежа. Солдаты не получаютъ 8 мѣсяцевъ жалованья, во всемъ нуждаются, никого не слушаются и грабятъ, не страшась наказанія.

Вы желали знать, кто будетъ на мѣстѣ графа Скавронскаго [6]). Я думаю, что новыя посольскія назначенія вамъ уже извѣстны. Графъ Панинъ [7]) молодой человѣкъ великихъ достоинствъ и необыкновеннаго для своихъ лѣтъ поведенія (ему всего 24 года), долженъ былъ ѣхать въ Неаполь; уже подписанъ былъ указъ, но Нессельроде подалъ въ отставку, и послѣдовало новое перемѣщеніе. Колычова изъ Гаги назначили въ Берлинъ; Панина на его мѣсто [8]). Графъ Стакельбергъ назначенъ былъ въ Туринъ, а бѣдный Бѣлосельскій [9]) лишился своего мѣста, ничего о томъ не подозрѣвая и собираясь возвратиться въ Туринъ. Этотъ графъ Стакельбергъ созданъ для избраннаго имъ поприща; онъ очень уменъ, проницателенъ, вкрадчивъ, со всѣми вѣжливъ, даже слегка іезуитствуетъ. Своими поступками онъ какъ бы искупаетъ странности отца своего,

---

2) Т. е. что графъ А. И. Марковъ будетъ вѣдать государственныя дѣла, которыя Зубовъ сосредоточилъ въ рукахъ своихъ и, по возвращеніи изъ похода, опять сдѣлается главнымъ сподручникомъ многовластнаго любимца.

3) Графъ Иванъ Петровичъ.

4) Князь Ю. В. Долгорукій женился на гр. Бутурлиной, между тѣмъ какъ сестра ея находилась въ замужествѣ за его братомъ, кн. Василіемъ. Оттого княжна Варвара Юрьевна (потомъ княгиня Горчакова) по церковнымъ постановленіямъ, не могла считаться законнорожденною.

5) По второму раздѣлу.

6) Скончавшагося въ Неаполѣ 23 Ноября 1793 года.

7) Любопытенъ этотъ отзывъ о графѣ Н. П. Панинѣ, впослѣдствіи, подъ конецъ Павловскаго царствованія, заклятомъ врагѣ графа Ростопчина.

8) Назначеніе это также не состоялось.

9) Князь Александръ Михаиловичъ, коего письма изъ Турина о Французской революціи появились въ Русскомъ Архивѣ 1877 года.

который воображаетъ себя 25 лѣтнимъ соблазнителемъ, любезничаетъ, важничаетъ, каверзничаетъ и увѣряетъ, что все это изъ желанія улучшить и обезпечить судьбу своихъ дѣтей. Онъ не можетъ жить безъ двора, которому надоѣлъ, особливо съ тѣхъ поръ какъ съ нимъ былъ параличный припадокъ, въ которомъ онъ не хочетъ сознаться, соглашаясь только, что онъ ослабѣлъ. Г-нъ ѣдетъ въ Неаполь. Можно бы радоваться избавленію отъ негодника, если бы не имѣлось на лицо цѣлой толпы такихъ же. У этого человѣка всѣ качества нужныя для придворнаго представительства и надувательства публики. Я увѣренъ, что онъ одинаково блисталъ бы и при дворѣ Людовика XV-го и въ Якобинскомъ клубѣ.—Кончина Зиновьева [9]) очень меня огорчила. Добрый старикъ! Ему слѣдовало уѣзжать скорѣе. То, что̀ онъ здѣсь видѣлъ, сократило ему жизнь. Въ Царскомъ при дворѣ изъ него сдѣлали что-то въ родѣ шута; его живость и восторженные отзывы объ Испаніи давали поводъ къ непрестанному издѣвательству. Ему назначенъ былъ, сверхъ жалованья, пенсіонъ въ 2000 р., къ великому его утѣшенію. Не знаю почему, онъ очень полюбилъ меня. Всякій разъ, говоря о своемъ отъѣздѣ, онъ прибавлялъ, что сердце обливается у него кровью при мысли о здѣшнемъ положеніи дѣлъ. Его мѣсто еще не занято; думаютъ, что его займетъ Крюднеръ, который будетъ замѣщенъ въ Копенгагенѣ барономъ Штакельбергомъ. Сей послѣдній пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Говорятъ, что это человѣкъ съ большими достоинствами; онъ давно уже служитъ за границею.

Значеніе Маркова продолжаетъ возрастать. Онъ душа дѣлъ, отъ него идутъ всѣ представленія, и безъ него ничего не дѣлается. Фаворитъ слыветъ въ публикѣ за великаго трудолюбца. Доступъ къ нему затрудненъ подъ предлогомъ, что онъ занятъ письменною работою. На этихъ дняхъ его сдѣлаютъ имперскимъ княземъ, а Маркова графомъ. По моему, сей послѣдній весьма благоразумно, отъ времени до времени, даетъ чувствовать, что для него слѣдуетъ еще что нибудь сдѣлать. За одно съ Зубовымъ онъ награждаетъ и распредѣляетъ дворскія милости. — Графъ Безбородко опять уѣхалъ въ Москву. Предлогомъ этихъ поѣздокъ домъ, который у него тамъ строится. Ему рѣшительно нечего дѣлать, о чемъ онъ самъ и говоритъ: иностранныя дѣла у Маркова, внутреннія у Трощинскаго, секретаря Государыни, великаго трудолюбца.

По видимому, дѣла Французскія надоѣли Государынѣ: на нихъ не обращаютъ вниманія, и о томъ, что̀ происходитъ во Франціи, говорится мимоходомъ. Тѣмъ не менѣе у насъ не оберешься пріѣзжихъ Французовъ; мужчины, женщины, дѣти заявляютъ о своемъ прибытіи въ таможнѣ. Я нахожу, что отъ Французской революціи въ большомъ накладѣ государи и Арабскія сказки, Тысяча и одна ночь; ибо невѣроятно, до какой степени умы извратились и напряглись повсюду, а волшебныя сказки блѣднѣютъ передъ похожденіями эмигрантовъ. Эстергази [10]) повидимому нѣсколько полинялъ. Марковъ слишкомъ хорошо его понимаетъ и вразумилъ Зубова на его счетъ. Онъ васъ не любитъ; по его мнѣнію, вы отнеслись съ недостаточнымъ участіемъ къ несчастной судьбѣ принцевъ и дворянъ, которымъ выпала доля странствующихъ Жидовъ. Но ненависть его къ вамъ выражается лишь возгласами. Глядя на дѣла прямо и привыкнувъ говорить правду, вы не сочли нужнымъ молчать въ ту минуту, когда всѣ ув-

---

9) Степана Степановича женатаго на кн. Ек. Александр. Меншиковой, теткѣ адмирала.
10) Агентъ Французскихъ принцевъ при Русскомъ дворѣ.

лекались ложнымъ состраданіемъ и охотою насиловать мнѣнія, и когда приняты были мѣры, на которыя Франція отвѣчала единодушнымъ порывомъ самозащищенія. Думаютъ, что все это кончится раньше, чѣмъ ожидали, и кажется, что Прусскій король подастъ собою первый примѣръ наклонности къ миру.— Въ Швеціи очень довольны графомъ Сергѣемъ [11]), и регентъ уже нѣсколько разъ писалъ сюда, выражая благодарность за то, что его назначили къ нимъ. Я очень радъ этому, потому что боялся, чтобы онъ не возобновилъ своихъ Берлинскихъ продѣлокъ.

Дворъ еще не скоро переѣдетъ въ Царское Село, потому что Государынѣ полюбился Таврическій дворецъ [12]), гдѣ она останется весь Май мѣсяцъ. Ей особенно нравится, что она прямо изъ комнатъ можетъ идти въ садъ и, живучи тутъ, видаетъ немногихъ. Великій Князь [13]) съ недѣлю въ Гатчинѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я передамъ вамъ подробности объ его дворѣ и дворѣ дѣтей его. Великій князь Александръ исполненъ къ вамъ почитанія и поручаетъ мнѣ поблагодарить васъ за мнѣніе, которое вы о немъ имѣете.

Я счастливъ и слишкомъ влюбленъ въ жену мою, чтобы говорить вамъ о ней. Она довольно высока ростомъ, хорошо сложена, держитъ себя довольно хорошо; у нея прекрасные глаза. Вотъ что я могу вамъ сказать. Говорить дальше—значило бы передавать ощущенія влюбленнаго, и я подожду еще нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы писать вамъ о томъ. Нѣсколько человѣкъ, которыхъ я имѣлъ случай узнать прежде, составляютъ мое общество. Жена со мною однихъ мыслей. Она слишкомъ долго жила при дворѣ, и потому большой свѣтъ ей наскучилъ. Мы появляемся въ немъ изрѣдка, только чтобы не прослыть чудаками.

---

[11]) Графъ Сергій Петровичъ Румянцевъ, бывшій передъ тѣмъ посланникомъ въ Берлинѣ.

[12]) Таврическій дворецъ и теперь на концѣ города, въ то время это было совсѣмъ загородное мѣсто. Память о князѣ Потемкинѣ привязывала Государыню къ этому мѣсту.

[13]) Т.е. Павелъ Петровичъ.

Изъ Записокъ Маріи Сергѣевны Мухановой *).

II.

Отецъ мой Сергѣй Ильичъ Мухановъ родился въ 1762 году 28 Іюня, въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II-й. Отецъ его провожалъ Императрицу въ С.-Петербургъ, въ числѣ офицеровъ ея конвоя. Она почувствовала холодъ и просила офицеровъ, чтобы кто-нибудь далъ ей свой сюртукъ; на это никто не вызвался кромѣ моего дѣда. Императрица надѣла его сюртукъ и всегда вспоминала это обстоятельство съ благодарностію, знала его дѣтей и была къ нимъ благосклонна. Этотъ сюртукъ долго хранился у насъ, но, по неосторожности хранившаго его, пропалъ отъ моли.

У дѣда моего было семь сыновей; всѣ они служили въ конной гвардіи—любимомъ полку Екатерины. Жили они дружно, всѣ на одной квартирѣ и имѣли общій кошелекъ. Нѣкоторые изъ иностранцевъ писали объ нихъ, а воспитанницы Смольнаго монастыря признавались впослѣдствіи, что онѣ, по своей наивности, думали, что всѣ конно-гвардейскіе офицеры назывались Мухановыми.

Отецъ мой былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Зубовыми, и они такъ уважали его, что не принуждали его пить; впрочемъ мой отецъ, кажется, только одинъ разъ былъ у нихъ на попойкѣ.

Въ день восшествія на престолъ императора Павла I, отецъ мой былъ произведенъ въ полковники. Какова была для него, обожателя Екатерины, перемѣна правленія, можно себѣ представить; да и не для одного его было чувствительно перейти изъ-подъ кроткаго правленія подъ строгое до суровости. Скоро мой отецъ почувствовалъ эту перемѣну на самомъ себѣ. Онъ командовалъ эскадрономъ конной гвардіи; офицеры нѣжно и преданно его любили и остались до старости его друзьями. Потому на парадахъ и смотрахъ его эскадронъ отличался предъ другими. Это обстоятельство возбудило неудовольствіе великаго князя Константина Павловича, командовавшаго другимъ эскадрономъ, и подало поводъ къ наговору на отца моего предъ Государемъ, будто бы мой отецъ просиживалъ ночи за картами, зная, что Государь всего болѣе не любилъ картежниковъ, между тѣмъ какъ отецъ мой не бралъ въ руки картъ. Однажды на парадѣ Государь закричалъ проходившему мимо его моему отцу: «браво, браво, Мухановъ!» Надобно было стать на колѣни и въ такомъ положеніи благодарить Государя; но, стоя въ то время въ лужѣ, отецъ мой не нашелъ возможнымъ исполнить этой церемоніи, тѣмъ болѣе,

*) См. выше, стр. 209.

что онъ былъ въ бѣломъ колетѣ, а парадъ еще не кончился. Онъ вынулъ свой палашъ и отсалютовалъ по военному уставу. «Баричъ! закричалъ Государь,—ступай за фронтъ», и тотчасъ послѣ парада посадилъ его подъ арестъ.

Чрезъ нѣсколько дней его оттуда выпустили, чтобы посадить опять подъ болѣе строгій арестъ, вслѣдствіе какой-то новой подобной исторіи. Офицеровъ также посадили на хлѣбъ и воду, а у отца сняли орденъ св. Анны 2-й степени и шпагу. Государь-наслѣдникъ Александръ Павловичъ прислалъ къ отцу моему довѣренное лице спросить его, можетъ ли онъ отвѣчать за скромность своихъ офицеровъ, если онъ будетъ присылать имъ кушанье со своего стола. Отецъ мой благодарилъ за милость, но не принялъ предложенія, говоря, что хотя онъ и можетъ поручиться за скромность офицеровъ, но между тѣмъ знаетъ, что они скорѣе согласились бы вмѣсто хлѣба глодать камни, нежели подвергнуть Великаго Князя гнѣву его отца.—Не знаю точно, долго ли продолжался арестъ, но наконецъ и онъ кончился, какъ и все кончается на свѣтѣ, и отцу возвратили шпагу и орденъ; но вмѣсто того, чтобы надѣть орденъ на шею, онъ преспокойно положилъ его въ карманъ. «Что вы дѣлаете?» говорили ему присутствующіе, «вы себя губите!» Онъ отвѣчалъ: «Если хоть одинъ день нашли меня недостойнымъ носить орденъ, то не стóитъ труда надѣвать его».

Между тѣмъ онъ былъ отставленъ. Когда онъ увидалъ, что въ приказѣ стоитъ слово «уволенъ», а не «исключенъ», то, перекрестившись, съ радостію сталъ собираться въ путь.

Нужно было представиться генералъ-губернатору Палену, но непремѣнно въ какомъ-нибудь мундирѣ. У портнаго нашелся только мундиръ Эстляндскаго дворянина; такимъ онъ и представлялся Палену. Въ это представленіе, въ разговорѣ, Паленъ началъ бранить Государя, называя его тираномъ. Конечно, цѣль его была найти сообщника, но отецъ мой проспалъ его прекратить этотъ разговоръ.

Оставивъ Петербургъ, онъ поселился въ деревнѣ, близъ Троицкой Лавры, съ своими братьями, изъ которыхъ двое были женаты. Вскорѣ императоръ Павелъ пріѣхалъ въ Москву. Для него давали балъ въ Благородномъ Собраніи. Отецъ мой тоже поѣхалъ на этотъ балъ, чувствуя себя совершенно невиннымъ предъ Государемъ; но не такъ думалъ Государь. Онъ отвернулся отъ отца и по обыкновенію своему запыхтѣлъ гнѣвомъ. По отъѣздѣ его съ бала, наслѣдникъ Александръ Павловичъ чрезъ всю залу пошелъ къ отцу и обнялъ его, что произвело большое впечатлѣніе въ Собраніи. Отецъ мой, по отъѣздѣ Государя, возвратился въ свое убѣжище. Чрезъ нѣсколько временй появился тамъ внезапно фельдъегерь. Невѣстки моего отца, испугавшись, бросились въ образную на колѣни; отецъ успокоилъ ихъ, говоря: «Что вы такъ испугались? Дѣло, конечно, не касается вашихъ мужей; можетъ-быть, Государь находитъ, что онъ не довольно меня наказалъ». Потомъ онъ вышелъ спокойно къ фельдъегерю и спросилъ, въ чемъ дѣло. Тотъ подалъ ему письмо отъ Кутайсова, тогда еще камердинера и брадобрѣя Государя. Письмо было написано на грубой желтой бумагѣ и сложено, какъ отписки крестьянъ. Содержаніе его состояло въ томъ, что Кутайсовъ желалъ познакомиться съ моимъ отцомъ и проспалъ его пріѣхать въ Петербургъ. Старшій мой дядя, Алексѣй Ильичъ, сказалъ: «Неужели ты поѣдешь по этой глупой запискѣ?»—«Какъ же не ѣхать?» отвѣ-

чалъ отецъ, «письмо прислано съ фельдъегеремъ, слѣдовательно по волѣ Государя: онъ нашелъ меня гордымъ и хочетъ испытать»,— тотчасъ приказалъ готовить лошадей и часа черезъ два отправился въ путь.

Пріѣхавши въ Москву, онъ явился къ главнокомандующему графу Салтыкову. Жена его, графиня Дарья Петровна, очень любила моего отца. Она приняла его за своимъ туалетомъ. «Ты знаешь ли, мой другъ», дружелюбно обратясь, сказала она ему, «зачѣмъ тебя вызываютъ въ Петербургъ?»—«Нѣтъ, ничего не знаю; Кутайсовъ проситъ меня познакомиться съ нимъ».—«Тебя вызываютъ въ должность шталмейстера. Большія перемѣны при Дворѣ; Государь самъ вспомнилъ о тебѣ. Времена тяжкія; послушай моего совѣта: я знаю твой благородный и гордый передъ властію характеръ, старайся себя смирить,—это нужно и для тебя самого, и для твоихъ подчиненныхъ».

Тогда былъ обычай, установленный Государемъ, чтобы на заставѣ не только объявляли свое имя, но и причину своего пріѣзда въ Петербургъ. Отецъ мой объявилъ, что онъ пріѣхалъ занимать облигаціи вновь установленнаго банка, что̀ очень насмѣшило Государя.

Представленіе послѣдовало въ Гатчинѣ, гдѣ Кутайсовъ стоялъ у дверей. Когда онъ доложилъ Государю о приходѣ моего отца, то Государь черезъ него же спросилъ, какой родъ службы онъ хочетъ избрать себѣ. «Если Государь находитъ меня достойнымъ служить ему, то я готовъ стать съ мушкетомъ въ ряды солдатъ», таковъ былъ отвѣтъ моего отца, который пришелся по нраву Государю. Онъ позвалъ его въ свой кабинетъ и спросилъ, знаетъ ли онъ Русскія пословицы.—«Нѣкоторыя знаю, но не всѣ», отвѣчалъ отецъ.—«Вотъ одна, сказалъ Государь: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ,— мои глаза подлежатъ тому же, какъ и твои». Отецъ мой сталъ на колѣни, прося Государя, чтобъ онъ не слушалъ доносовъ на него, а всегда самъ объяснялся. Я помню точныя слова: «Государь! Если когда-нибудь опять будутъ на меня доносить вамъ, то позвольте лично объясниться съ вашимъ величествомъ. Если не смогу оправдаться предъ вами, то пусть голова моя падетъ на плахѣ». Государь заплакалъ и, прощаясь съ нимъ, сказалъ: «Чѣмъ чаще ты будешь у Кутайсова, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе». Пріятно ли было моему отцу—это другой вопросъ. Тутъ можно вставить другую пословицу: «съ волками жить—по-волчьи выть». Но и тутъ отецъ мой умѣлъ сохранить свое достоинство. Въ два съ половиною года своей службы въ царствованіе Павла онъ не видалъ отъ Государя косаго взгляда, дѣлалъ все, что̀ хотѣлъ, одѣвался, какъ Государь не любилъ, и не слыхалъ никакого упрека; напротивъ того, Государь говаривалъ, что онъ никому не вѣритъ, кромѣ двухъ Сергѣевъ—своему духовнику и моему отцу.

Императоръ Павелъ каждое утро спрашивалъ, съ которой стороны вѣтеръ, и съ этимъ вопросомъ обращался къ великому князю Александру Павловичу, къ моему отцу и къ Кутайсову поочередно, и если они разногласили между собою, то очень гнѣвался; особенно доставалось Великому Князю. Во избѣжаніе такой непріятности, эти три лица согласились между собою каждое утро выходить на воздухъ и, увѣрившись, съ которой стороны вѣтеръ, докладывать уже о томъ Государю.

Государь любилъ показывать себя человѣкомъ бережливымъ на государственныя деньги для себя. Онъ имѣлъ одну шинель для вес-

ны, осени и зимы. Ее подшивали то ватою, то мѣхомъ, смотря по температурѣ, въ самый день его выѣзда. Случалось однако, что вдругъ становилось теплѣе требуемыхъ градусовъ для мѣха; тогда поставленный у термометра придворный служитель натиралъ его льдомъ до выхода Государя, а въ противномъ случаѣ согрѣвалъ его своимъ дыханіемъ. Государь не показывалъ вида, что замѣчаетъ обманъ, довольный тѣмъ, что исполнялась его воля. Онъ, кажется, поступалъ такъ по принципу, для поддержанія и усиленія монархическаго начала, тогда ниспровергнутаго Французскою революціей. Жалкое средство, придуманное человѣкомъ отъ природы умнымъ! Точно также поступали и въ приготовленіи его опочивальни. Тамъ, вечеромъ, должно было быть не менѣе четырнадцати градусовъ тепла, а печь оставаться холодною. Государь почивалъ головою къ печкѣ. Какъ въ зимнее время согласить эти два условія? Во время ужина растилались въ спальнѣ рогожи, и всю печь натирали льдомъ. Государь, входя въ комнату, тотчасъ смотрѣлъ на термометръ,—тамъ четырнадцать градусовъ, трогалъ печку,—она холодная, и довольный ложился въ постель. Утѣшенный исполненіемъ его воли, онъ засыпалъ спокойно, хотя впослѣдствіи печь и дѣлалась горячею.

Безчисленныя его прихоти извѣстны всѣмъ. Не смотря на благородныя свойства его души и на природную его доброту, онъ возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть, которая и привела его къ несчастной кончинѣ. Я разскажу здѣсь нѣсколько случаевъ, которые мнѣ приходятъ на память. Однажды отецъ мой, слѣдуя издалека за нимъ и за великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, увидалъ, что Великій Князь махалъ нѣсколько минутъ треугольною шляпой и потомъ бросилъ ее далеко отъ себя; послѣ этого батюшка спросилъ Великаго Князя, что̀ это значитъ. Онъ отвѣчалъ, что Государь колебался, уволить или нѣтъ Архарова, и потому загадалъ, которымъ концомъ шляпа упадетъ на землю.

Въ Эрмитажѣ давали балетъ «Красная Шапочка»; танцоры были въ красныхъ шапочкахъ. Шведскій король, тогда посѣтившій Петербургъ, сидѣлъ подлѣ Государя; разговоръ шелъ пріятный и веселый. Шведскому королю хотѣлось пошутить и, смотря на красныя шапочки, онъ сказалъ: «вотъ это Якобинскія шапки». Государь разсердился и сказалъ: «у меня нѣтъ Якобинцевъ», повернулся къ нему спиной и послѣ спектакля велѣлъ передать Шведскому королю, чтобъ онъ въ 24 часа выѣхалъ изъ Петербурга. Король и безъ того собирался уѣхать, и потому на всѣхъ станціяхъ до границы было уже приготовлено угощеніе. Государь послалъ гоффурьера Крылова все это снять. Крыловъ нашелъ Шведскаго короля на первой станціи за столомъ, за ужиномъ. Когда онъ объявилъ волю Государя, то король разсмѣялся. Крыловъ объяснилъ, что прислугу онъ непремѣнно долженъ взять съ собою, но что онъ оставляетъ на всѣхъ станціяхъ провизію и запасы нетронутыми. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, то Государь спросилъ у него, какое дѣйствіе на короля произвело его распоряженіе. Крыловъ отвѣчалъ, что король глубоко огорчился такимъ его гнѣвомъ, но между тѣмъ признался, что онъ не вполнѣ исполнилъ приказаніе и что оставилъ всѣ запасы. «Это хорошо», отвѣчалъ Государь: «вѣдь не морить же его голодомъ». Въ другой разъ на такомъ же спектаклѣ одна изъ фрейлинъ разсмѣялась; ее тотчасъ выгнали изъ залы и велѣли выслать изъ Петербурга. Вѣроятно всѣмъ извѣстно, какъ Государь требовалъ, что-

бы весь Синодъ присутствовалъ въ оперѣ и смотрѣлъ на м-мъ Шевалье, которая тогда занимала Государя; одинъ митрополитъ С.-Петербургскій сказался по этому случаю больнымъ.

О семейной жизни императора Павла я молчу. Фактъ слишкомъ грустный для памяти его и ангельской его супруги. Впрочемъ первые годы, еще во время царствованія Екатерины, прошли для супруговъ счастливо и мирно.

Въ послѣдній день жизни императора Павла отецъ мой ужиналъ у Государя и оставилъ его въ 11 часовъ. Государь былъ веселъ, разговорчивъ и любезенъ, хвалилъ свой Михайловскій замокъ и сказалъ: «я нашелъ наконецъ себѣ тихое пристанище». Замѣчательно, что его собака, маленькій шпицъ, безпрестанно выла и вертѣлась около его ногъ, сколько онъ ни отгонялъ ее. Въ 1 часъ ночи разбудили моего отца, беззаботно спавшаго дома, и сказали ему, что у Государя сдѣлался апоплексическій ударъ. Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ комнаты полными нетрезвыхъ. Императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько времени не довѣряла моему отцу; но послѣ, узнавъ, сколько онъ оставался вѣренъ императору Павлу, просила у него прощенія и была къ нему очень милостиво расположена. Она была чужда всякаго властолюбія и все, что говорили о ея мнимомъ желаніи царствовать, совершенно ложно. Это я могу засвидѣтельствовать всѣми разсказами моего отца о ея жизни, о ея свойствахъ, и первыми словами, которыя она говорила тотчасъ по кончинѣ Павла. Послѣ первыхъ тревожныхъ дней, когда все успокоилось, отецъ мой сдѣлался какъ бы посредникомъ и примирителемъ всего царственнаго круга. Всѣ его любили, уважали, довѣряли ему; онъ пользовался общею любовью царственной семьи; самъ же онъ, въ свою очередь, былъ имъ полезенъ.

Государь Александръ Павловичъ спросилъ у моего отца, не хочетъ ли онъ быть генералъ-адъютантомъ, намекая въ тоже время, что ему пріятнѣе будетъ, если онъ останется при его матушкѣ. Отецъ мой, уже отвыкшій отъ военной службы и преданный душею императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, легко на это согласился.

До сихъ поръ у насъ нѣтъ біографіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, исключая двухъ томовъ г-жи Оберкирхъ, гдѣ она описываетъ младенчество и молодость ея до пріѣзда въ Россію. А какъ желательно бы было оставить для потомства такой примѣръ всѣхъ добродѣтелей въ такомъ высокомъ званіи. Я постараюсь здѣсь представить многіе отдѣльные случаи, мнѣ извѣстные. Они могутъ послужить матеріаломъ для будущаго историка.

Хотя жизнь ея съ супругомъ, по нашимъ понятіямъ, была самая несчастная, но она любила его до конца. Мнѣ кажется, что это было скорѣе по правиламъ нравственности, нежели по естественному чувству: трудно любить того, кто насъ не любитъ. По восшествіи на престолъ Александра Павловича, въ первые дни его царствованія, она старалась направить своихъ дѣтей и новаго Императора по тому пути, который казался ей лучшимъ, то-есть человѣколюбивымъ. Это нетрудно было съ Александромъ Павловичемъ, потому что онъ самъ носилъ въ душѣ своей любовь къ человѣчеству; но не то было съ Константиномъ Павловичемъ. Однажды, въ самые первые дни новаго правленія, отецъ мой, пришедши по обыкновенію къ Императрицѣ, нашелъ ее въ сильномъ волненіи. За стуломъ ея стоялъ Государь, а предъ нею Константинъ Павловичъ, на котораго она гнѣ-

валась. Дѣло въ томъ, что онъ ударилъ дворянина палкой на ученьи. Императрица стала жаловаться моему отцу на своего сына, сказавъ: «Кажется, уже довольно учены? Теперь я требую, чтобы Константинъ училъ всегда свой полкъ въ присутствіи Сергѣя Ильича». Коммиссія очень непріятная, но Государь показалъ знакомъ, чтобъ отецъ мой не противился. Батюшка поѣхалъ представиться Константину Павловичу въ его дворецъ. Великій Князь спросилъ его, какого онъ о немъ мнѣнія. Отецъ отвѣчалъ: «Я думаю, ваше высочество, что когда вы захотите сдѣлать хорошо, то никто лучше васъ не сдѣлаетъ, а когда вздумаете сдѣлать дурно, то никто не съумѣетъ сдѣлать хуже».—«Такое-то твое мнѣніе обо мнѣ; посмотримъ!» Чрезъ нѣсколько дней Константинъ Павловичъ прислалъ сказать, что онъ выводитъ свой полкъ на ученье. Батюшка выѣхалъ на плацъ-парадъ въ партикулярномъ платьѣ изъ переулка, какъ бы только въ числѣ зрителей. Вдругъ Великій Князь прискакалъ къ нему съ рапортомъ, что́ было вовсе неумѣстно. Онъ училъ прекрасно свой полкъ, послѣ ученья спѣшился и былъ любезенъ со всѣми офицерами. По окончаніи ученья мой отецъ явился къ нему, и онъ спросилъ: «доволенъ ли ты мною, Сергѣй Ильичъ?»—«Ахъ, ваше высочество, еслибы вы всегда такъ дѣлали, то какъ легко привязали бы къ себѣ сердца̀ людей!» Въ другой разъ таже церемонія, но тутъ Великій Князь дѣлалъ все какъ можно хуже. Послѣ ученья онъ сказалъ моему отцу: «Вотъ я оправдалъ твое предсказаніе; поди, жалуйся на меня матушкѣ». «Какъ мало вы меня знаете, отвѣчалъ отецъ, если думаете, что я способенъ на сплетни. Одно только скажу вамъ, что съ этой минуты не хочу съ вами имѣть дѣло во всю мою жизнь». Но какъ отдѣлаться отъ коммиссіи? Къ счастію, тогда была весна, и Императрица должна была переѣхать въ Павловское; тогда отецъ мой сказалъ Императрицѣ, что ему трудно изъ Павловска ѣздить на ученье,—тѣмъ и отговорился отъ исполненія непріятной коммиссіи.

Свойства Александра Павловича извѣстны; о недостаткахъ же его я умолчу. Восшествіе его на престолъ было всеобщимъ праздникомъ, уподобляющимся только Свѣтлому Воскресенію Христову: люди цѣловались на улицѣ и поздравляли другъ друга.

Похороны же императора Павла были очень печальны, но особенно тѣмъ, что никто не показывалъ никакого сожалѣнія объ его кончинѣ. Плакалъ только мой отецъ, помнившій его расположеніе къ себѣ, и еще одинъ, неизвѣстно почему, гренадеръ. По возвращеніи съ похоронъ, императрица Марія Ѳеодоровна спросила моего отца, какое впечатлѣніе на народъ сдѣлали эти похороны. Тутъ отецъ мой долженъ былъ одинъ разъ въ жизни измѣнить правдѣ. Всѣхъ болѣе огорчалась этимъ равнодушіемъ великая княжна Марія Павловна, которая во время отпѣванія нѣсколько разъ падала безъ чувствъ.

Вдовствующая Императрица, по положенію, должна была получать 200.000 р. карманныхъ денегъ, но Государь просилъ ее принять милліонъ. Изъ этого милліона она тратила на свои прихоти и туалетъ только 17.000; все прочее раздавалось бѣднымъ, а прежде всего она составляла капиталъ на свои заведенія. Великимъ Князьямъ она имѣла привычку дарить по 10.000 р. на имянины; но въ 1812 году она пріостановила на годъ свои подарки, представляя на видъ, что нужно помогать раненымъ и сиротамъ. Она безпрестанно занималась дѣлами своихъ заведеній; ничто не могло отвлечь ее отъ этихъ за-

нятій—ни путешествія, во время которыхъ она читала и писала въ каретѣ, ни сердечныя горести. Когда привезено было тѣло Александра Павловича въ Петербургъ, она и тутъ дѣлила свое время между молитвою у тѣла и своими занятіями; между тѣмъ императоръ Александръ былъ главнымъ предметомъ ея любви въ жизни. Дѣтей, воспитанныхъ въ ея заведеніяхъ, она никогда не покидала впослѣдствіи, а во всю жизнь имъ помогала, входила во всѣ подробности, до нихъ касавшіяся, и была истинною матерью для всѣхъ. Никто изъ служившихъ ей не умиралъ во дворцѣ иначе, какъ въ ея присутствіи. Она всѣхъ утѣшала до конца и всегда закрывала глаза умиравшимъ. Однажды сказали ей врачи, что, жившая на Васильевскомъ островѣ, отставная ея камеръ-юнгфера страдаетъ сильно отъ рака въ груди, что можно было бы ее спасти, но она не соглашается на операцію иначе, какъ если во время производства ея будетъ находиться сама Императрица.—«Ну что же?» сказала она, «если только отъ этого зависитъ ея выздоровленіе, то я исполню ея желаніе». Она поѣхала къ ней и во все время операціи держала ей голову.

Она входила въ малѣйшія подробности по своимъ заведеніямъ и не только слѣдила за воспитаніемъ дѣтей, но и не забывала посылать имъ лакомствъ и доставлять всякія удовольствія. Одинъ мальчикъ принужденъ былъ долго лежать въ постели по болѣзни; она доставляла ему рисунки, карандаши и разныя вещицы. Со всякимъ курьеромъ ей доносили о состояніи его здоровья (она тогда была въ Москвѣ). При назначеніи почетныхъ опекуновъ выборъ былъ самый строгій; съ каждымъ изъ нихъ она переписывалась сама еженедѣльно, освѣдомлялась о воспитанникахъ и воспитанницахъ, о ихъ поведеніи и здоровьѣ, и всегда давала мудрые и человѣколюбивые совѣты. Директрисы учебныхъ заведеній были въ большомъ почетѣ, имѣли голосъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и не играли роли старшихъ классныхъ дамъ и угодницъ почетныхъ опекуновъ. Это происходило отъ того, что онѣ имѣли, кажется, право переписываться съ Государынею и представлять ей о нуждахъ заведеній. По крайней мѣрѣ такимъ правомъ пользовалась г-жа Цеймернъ. Всѣ воспитанницы института при Воспитательномъ Домѣ во всю жизнь пользовались покровительствомъ дома, ихъ воспитавшаго, и могли возвращаться туда, когда были недовольны своими мѣстами въ частныхъ домахъ. Все было придумано нѣжнымъ сердцемъ для пользы, радости и покоя всѣхъ отъ нея зависящихъ. Это было не сухое, безжизненное покровительство, но материнское попеченіе. За то пріѣздъ ея въ институтъ былъ настоящимъ праздникомъ. «Maman, maman! Mütterchen!» слышалось отвсюду. Бывало, за большимъ обѣдомъ, она приказывала снимать десертъ и отсылать его въ который нибудь институтъ поочередно. А какъ просила она въ своемъ духовномъ завѣщаніи опекуновъ помнить, что первымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій должно быть благодѣяніе! Особеннымъ вниманіемъ ея пользовались покинутые своими матерями младенцы. Однажды отецъ мой, почти всегда ее сопровождавшій при посѣщеніяхъ ею заведеній, выразилъ удивленіе, что она такъ нѣжно цѣловала маленькіе члены этихъ несчастныхъ, осматривала бѣлье на кормилицахъ и проч. «Ахъ!» отвѣчала она, «всѣ эти брошенныя дѣти теперь мои и во мнѣ должны находить попеченіе, котораго они лишены».

Въ послѣдніе годы ея жизни, Государь, найдя Обуховскую больницу умалишенныхъ въ самомъ жалкомъ видѣ, просилъ императрицу

Марію Ѳеодоровну принять ее подъ свое покровительство, что́ она и исполнила съ радостію, и многіе изъ помѣщенныхъ тамъ больныхъ выздоровѣли, благодаря кроткому съ ними обхожденію. Она вступала въ ихъ кругъ, давала цѣловать имъ свою руку, что́ немало пугало моего отца, и они называли ее «благодѣтельная мадамъ». Она придумала устроить для нихъ загородный домъ, гдѣ бы каждый имѣлъ свой садикъ. Все это изобрѣтала сама, а мало заимствовала изъ теорій, хотя со вниманіемъ выслушивала и читала ихъ. Одинъ только упрекъ можно сдѣлать памяти Маріи Ѳеодоровны, что она уже слишкомъ много любила все Нѣмецкое и много призвала Нѣмцевъ въ Россію; но это происходило отъ ея любящаго сердца, не могшаго оторваться отъ раннихъ привязанностей. Государственныхъ общихъ взглядовъ она не имѣла, да и кто въ то время зналъ Россію?... И мы всѣ знали ее только изъ иностранныхъ книгъ. Благодаря обществу такъ называемыхъ славянофиловъ, мы многое узнали о своемъ народѣ и начали его любить какъ слѣдуетъ, а потомъ великое дѣло освобожденія крестьянъ довершило наше воспитаніе. Съ этихъ поръ становится стыдно не любить Россіи...

Императрица Марія Ѳеодоровна во внѣшней политикѣ умѣла поддерживать достоинство Россіи, и Наполеонъ сказалъ, что изъ всѣхъ коронованныхъ особъ она одна предъ нимъ не преклонялась. Когда Государь поѣхалъ на свиданіе въ Эрфуртъ, она была этимъ очень недовольна. Ей казалось, что чрезъ это Государь унижалъ достоинство Россіи. Въ духовномъ своемъ завѣщаніи она называетъ Россію—«милою нашею Россіей» и желаетъ ей много хорошаго.

Въ частности же она любила всѣхъ. Когда она посѣтила Ростовъ, то народъ былъ до того обрадованъ ея пріѣздомъ, что женщины разстилали свои шелковыя фаты въ грязь и просили ее стать на нихъ. Одна женщина подошла къ каретѣ ея. «Матушка!» начала она, «у меня къ тебѣ просьба».—«Что́ такое, милая»?—«Мой сынокъ служитъ у твоего въ гвардіи рядовымъ, — поклонись ему отъ меня и скажи ему, что я посылаю ему мое благословеніе, и вотъ рубликъ гостинца отвези ему».—«Непремѣнно, непремѣнно все исполню». Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, она послала за солдатомъ, передала ему благословеніе и рубль отъ матушки, похвалила его за то, что онъ добрый сынъ, и прибавила къ гостинцу своихъ 25 рублей.

Пріятно было всегда свиданіе съ нею, потому что благосклонность постоянно сіяла на ея лицѣ. Особенно она любила встрѣчу съ дѣтьми и, бывало, намъ трудно было укрыться отъ ея глазъ; всегда ласкала она насъ, особенно, конечно, по расположенію къ нашему отцу. Когда настала вторая Турецкая война, она пріѣзжала въ институтъ, въ Смольный монастырь и собирала тамъ письма воспитанницъ, чтобы съ курьеромъ вѣрнѣе доставлять къ ихъ роднымъ. А когда пала Варна подъ оружіемъ Русскихъ, она, возвращаясь изъ Казанскаго собора, гдѣ благодарила Бога за побѣду, простудилась и занемогла своею послѣднею, смертельною болѣзнью.

Я сказала только вообще о ея добродѣтеляхъ; но кто можетъ исчислить добрыя дѣла той, у которой всякая минута дня была имъ посвящена? Вечеромъ у нея всегда собиралось избранное общество. Она садилась за работу, и кто нибудь читалъ лучшіе романы того времени. Тутъ она часто разсказывала о многомъ ею видѣнномъ и слышанномъ. Поутру вставала она въ 7 часовъ, а лѣтомъ въ 6 часовъ, обливалась холодною водою съ головы до ногъ и послѣ молитвы са-

дилась за свой кофе, который пила всегда очень крѣпкій, а потомъ тотчасъ занималась бумагами. Она пользовалась крѣпкимъ здоровьемъ, любила прохладу,—окна были постоянно открыты. Не зная усталости и болѣзней, ожидала того же и отъ другихъ, что возбуждало ропотъ. Въ пріемныхъ и на большихъ представленіяхъ она удивительно умѣла всякому сказать что нибудь ему по сердцу и признавалась моему отцу, что умѣнью обходиться съ людьми она выучилась у императрицы Екатерины. Дочери ея также были привѣтливы безъ фамиліарства, и не было во всемъ мірѣ принцессъ милѣе и любезнѣе. Императрица и Великія Княжны безъ устали и лѣни всѣхъ принимали и со всѣми бесѣдовали. Императоръ Наполеонъ сватался за великую княжну Екатерину Павловну. Тогда нашимъ посломъ въ Парижѣ былъ графъ Петръ Александровичъ Толстой. Не помню, кто изъ приближенныхъ Наполеона (кажется, Коленкуръ) сталъ объ этомъ говорить графу; тотъ отвѣчалъ, по повелѣнію Государя, что это зависитъ не отъ него, а отъ матушки, которая располагаетъ судьбою своихъ дочерей, а она не соглашается на этотъ бракъ. Когда спрашивали, почему? онъ отвѣчалъ: «не заставляйте меня говорить то, что̀ мнѣ непріятно сказать, а вамъ непріятно слышать». А Великая Княжна сказала моему отцу: «я скорѣе пойду за мужъ за послѣдняго Русскаго истопника, чѣмъ за этого Корсиканца». Вскорѣ послѣ этого Екатерина Павловна вышла за принца Ольденбургскаго, своего двоюроднаго брата. Кончина ея весьма загадочна. Едва Императрица-матушка оставила ее цвѣтущею здоровьемъ, какъ она, садясь въ ванну, почувствовала себя дурно и кончила жизнь безъ всякой предшествовавшей болѣзни. Этого обстоятельства никогда не могли объяснить врачи.

Когда сыновья Маріи Ѳеодоровны стали подростать, она, кромѣ осени, проводимой, по обыкновенію, въ Гатчинѣ, оставалась тамъ двѣ зимы, находя, что такое уединеніе способствовало воспитанію Великихъ Князей. Я живо помню это время. Оно было очень пріятно для насъ, дѣтей. Тамъ находился упраздненный арсеналъ, который раздѣлялся какъ бы на нѣсколько пріемныхъ залъ. Въ одной части была гора для катанья, а въ другой были собраны музыкальные инструменты; въ остальныхъ находились разныя игры, билліарды, фортунки и пр. Тутъ же находился и театръ. Бывало, мы бѣжимъ туда съ радостію послѣ своихъ уроковъ,—бѣжимъ, чтобы покататься на горѣ то на ногахъ, то на сукнѣ, то въ телѣжкѣ. Тутъ же происходили разные сюрпризы для Императрицы, которые она очень любила. То мы, дѣти, всѣ костюмированные, составляемъ группу, то игралась всего чаще Французская пьеса на театрѣ, то составлялась ярмарка, гдѣ, конечно, доставалось намъ много игрушекъ и конфектъ. Такъ проходило время въ этой резиденціи, и угрюмый Гатчинскій дворецъ, построенный братьями Орловыми, въ подражаніе феодальныхъ замковъ, съ подъемными мостами и тайными переходами, и подаренный Екатериною своему сыну, оживлялся любезностію его обитателей. На мое воображеніе дѣйствовала пріятно эта величавая угрюмость, безпрестанные оклики часовыхъ и проч. Все оставалось какъ при Павлѣ, не было только страшнаго владыки этихъ мѣстъ, довольно богатыхъ природными красотами, особенно озеромъ и звѣринцемъ съ оленями.

Въ Павловскѣ императрица Марія Ѳеодоровна ежедневно утромъ часа два ходила пѣшкомъ, послѣ того, какъ оставила верховую ѣз-

ду. Послѣ обѣда она любила кататься на линейкѣ, вмѣщавшей персонъ восемь; за этою линейкой слѣдовали другія со свитою. Поѣздъ отправлялся куда нибудь въ павильонъ, чаще всего Розовый, гдѣ выходили для чая или вечерняго собранія. Почти ежедневно обѣдали или пили чай то на галлереѣ, то въ какомъ нибудь павильонѣ, то на фермѣ. Эти безпрестанные разъѣзды очень тяготили прислугу и отчасти свиту. Всюду нужно было привозить лишнюю мебель, кострюли и всѣ припасы, требуемые роскошнымъ столомъ. Тогда много на это роптали, но теперь мнѣ кажется, что это было понапрасну. Всѣ были заняты работой, а для прислуги это не худо. Только для образованныхъ людей досугъ очень нуженъ, потому что они умѣютъ его наполнять благородными занятіями. Лѣтъ десять тому назадъ, я посѣтила эти мѣста. Партеръ заглохъ, и розановъ не было; но все оставалось въ прежнемъ видѣ внутри Розоваго павильона. Извѣстный мнѣ альбомъ лежалъ на томъ же столикѣ. Въ немъ писали Жуковскій и Крыловъ. Грустно видѣть опустѣлыми мѣста, прежде столь дорогія, оживленныя присутствіемъ дорогихъ и милыхъ сердцу людей.

Марія Ѳеодоровна жила хорошо съ своимъ мужемъ и тогда, когда онъ сталъ заниматься Екатериною Ивановною Нелидовой. Марія Ѳеодоровна въ горести сердца своего жаловалась императрицѣ Екатеринѣ II. Та вмѣсто отвѣта подвела ее къ зеркалу, сказавъ: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre,—перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ». И въ самомъ дѣлѣ, скоро сама Марія Ѳеодоровна увѣрилась, что въ этой предполагаемой связи было только очарованіе умомъ Екатерины Ивановны, въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнымъ. Она сдѣлалась ея другомъ и такой оставалась до конца жизни Императрицы. Скоро послѣ восшествія на престолъ Павелъ пріѣхалъ въ Москву. Я уже говорила о балѣ, данномъ ему въ Собраніи. На этомъ балѣ дѣвица Лопухина объяснила Государю свою любовь къ нему. Государь былъ пораженъ этою выходкой и писалъ о ней въ Петербургъ въ шутливомъ тонѣ, выражая свое негодованіе противъ наглости Московскихъ дѣвицъ. Въ день, когда ожидали его пріѣзда въ Петербургъ, Марія Ѳеодоровна и Екатерина Ивановна Нелидова выѣхали къ нему на встрѣчу. Каково было удивленіе ихъ, когда онъ обошелся съ ними холодно, а о дѣвицѣ Лопухиной отзывался уже совсѣмъ иначе. «Тутъ», разсказывала Императрица, «мы узнали свою бѣду». Вскорѣ Лопухина съ своимъ отцомъ пріѣхала въ Петербургъ и заняла свое мѣсто при Дворѣ.

Императрица была очень милостива къ своей прислугѣ и даже баловала ее. Однажды батюшка, пришедши къ ней, нашелъ ее не въ духѣ; она упрекала его за то, что онъ не далъ наканунѣ экипажа ея камеръ-юнгферѣ. «У нихъ», говорила она, «были родные изъ дальней губерніи, которые желали видѣть мое Павловское».—«Повѣрьте, ваше величество», отвѣчалъ отецъ, «никакихъ родныхъ не было; это все ложь, и только напрасно васъ безпокоятъ».—«Ну поди, поди, помирись съ ними».—Онъ долженъ былъ поцѣловать ручки у нихъ; а онѣ, смѣясь, признались, что никакихъ родныхъ у нихъ не было. Въ другой разъ батюшка, пришедши, увидалъ камердинера Императрицы въ слезахъ. Онъ спросилъ его о причинѣ огорченія; тотъ отвѣчалъ, что Императрица на него разгнѣвалась за кофе, который ей показался кислымъ. Батюшка, вошедши къ Императрицѣ, сказалъ ей о слезахъ камердинера. «Позови его ко мнѣ», отвѣчала она.—

«Прости меня», говорила она камердинеру, «за мою вспыльчивость. Ты знаешь, какъ Нѣмки любятъ кофе: ничѣмъ нельзя ихъ разсердить больше, какъ сдѣлать кофе не по вкусу».

Разъ Императрица сказала моему отцу: «Ты, мой другъ, хочешь ли называться моимъ другомъ»? Онъ отвѣчалъ: «Я не могу быть вашимъ другомъ, также какъ и вы моимъ. Дружба требуетъ равенства и взаимности услугъ, а я не могу отъ васъ требовать того, что̀ требовалъ бы отъ друга». Другой разъ батюшка привезъ ей много цвѣтовъ и поставилъ ихъ у входа ея кабинета. Она всплеснула отъ радости руками и спросила, кто привезъ ей цвѣты. Когда она узнала, что цвѣты доставилъ Сергѣй Ильичъ, то сказала ему: «благодарю тебя за твой прекрасный подарокъ».—«Это не подарокъ», отвѣчалъ отецъ: «я прошу васъ заплатить за это деньги».—«Ахъ! подари мнѣ эти цвѣты; скажи, что даришь мнѣ ихъ!»—«Нѣтъ», отвѣчалъ отецъ, «я не подарю ихъ и никогда ничѣмъ не буду дарить васъ».—«Какая причина твоего упрямства?» спросила Императрица.—«Да та, что вы богаче меня, и я не хочу, чтобы вы за мои подарки платили мнѣ вдвое». Такъ всегда прямо и откровенно объяснялся мой отецъ и за то былъ уважаемъ всѣми.

Съ молодыми Великими Князьями онъ обходился какъ съ дѣтьми, выросшими на его глазахъ, и журилъ ихъ, когда они того заслуживали. Разъ, въ кабинетѣ Императрицы въ Москвѣ, они отзывались съ насмѣшкой о Московскихъ экипажахъ. Отецъ мой сказалъ имъ: «Какъ грустно слышать это изъ устъ вашихъ! Вы бы должны были съ почтеніемъ смотрѣть на эти старыя колымаги: онѣ отъ того еще существуютъ въ Москвѣ, что родители употребляютъ свои послѣднія деньги для содержанія вашей гвардіи».—«Спасибо тебѣ, Сергѣй Ильичъ: всегда такъ вразумляй ихъ, я прошу тебя», сказала Императрица.

Когда, въ четырнадцатомъ году, императрица Елизавета Алексѣевна ѣздила за границу и ей нужны были экипажи, то отецъ мой призвалъ подрядчиковъ и согласилъ ихъ всѣхъ поставить экипажи по своей цѣнѣ, говоря имъ, что Россія потерпѣла большіе убытки и въ казнѣ оставалось мало денегъ, обѣщая имъ впрочемъ, что все будетъ заплачено тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы царственныхъ лицъ. Они возвратились, но министръ Гурьевъ отказался платить, говоря, что онъ дѣйствуетъ по волѣ Государя. Отецъ мой сказалъ ему, что онъ сдержитъ свое слово, или выйдетъ въ отставку. Еще имъ дорожили, и потому деньги были выданы немедленно. Но лѣтъ черезъ пять настало время, и онъ долженъ былъ удалиться.

Отецъ мой все время своей службы *) старался улучшить конноводство, выписывая жеребцовъ изъ Англіи и поощряя частныхъ заводчиковъ. Онъ даже посылалъ агентовъ въ Аравію, гдѣ украдкой отъ племени покупались лошади и выводились съ опасностію для жизни агентовъ.

Порода кровныхъ лошадей сдѣлалась отличною. Но вдругъ нѣкоторымъ незнающимъ дѣла людямъ вздумалось это разрушить. Стали говорить, что для насъ кровныхъ лошадей не надобно, что нужно заводить болѣе простыхъ лошадей, что заводы стоятъ дорого и проч. Былъ составленъ комитетъ; въ этомъ комитетѣ сидѣли: Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, Левашевъ и Козенцъ, и рѣшили преоб-

*) Т. е. въ должности оберъ-шталмейстера. П. Б.

разовать коннозаводство, уничтожить кровныя породы и развести простыя. Но, чтобъ исполнить это пагубное для коннозаводства намѣреніе, нужно было удалить моего отца.

Странное намѣреніе! Что лучше кровныхъ лошадей можетъ быть для кавалеристовъ? Вскорѣ послѣ выхода въ отставку моего отца началось дѣло разрушенія. Лошадей распродали, заводы уничтожили. Конечно, польза отъ батюшкиныхъ трудовъ все-таки осталась: охотники воспользовались этимъ случаемъ для своихъ частныхъ заводовъ.

Съ чего началось гоненіе на него, я сама не знаю; можетъ быть, его прямой и откровенный характеръ былъ тому причиною, или другія обстоятельства,—мнѣ неизвѣстно. Но предлогъ былъ слѣдующій: чтобы наполнить казну, выдумали стѣснить, ограбить откупщиковъ, и вышло повелѣніе Государя, чтобы взыскать вдругъ все, что̀ они должны казнѣ, и не платить тѣхъ денегъ, которыя имъ была должна казна. Петербургскимъ и вмѣстѣ Новгородскимъ откупщикомъ былъ Перецъ; онъ имѣлъ претензію на казну въ два милліона, а ей долженъ былъ одинъ милліонъ. Повелѣно было взыскать этотъ милліонъ. Разумѣется, его откупъ лопнулъ, и имѣніе залогодателей должно было поступить въ продажу съ публичнаго торга.

Указъ былъ написанъ такъ, что всѣ недоимки должны быть взысканы безъ всякихъ отговорокъ; такимъ образомъ и всѣ казенные крестьяне, разоренные уже войною, подлежали томуже. Моего отца не такъ сильно огорчали свои дѣла (такъ какъ его имѣніе тоже было въ залогѣ по откупу), какъ положеніе казенныхъ крестьянъ, особенно тѣхъ, которые были приписаны къ конюшенной командѣ. Онъ пошелъ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и сказалъ ей: «Я пришелъ просить васъ не о себѣ, хотя я разоренъ совершенно (мое имѣніе было въ залогѣ у Переца, но дѣти мои не умрутъ съ голода: Государь ихъ не оставитъ). Вы же подите къ своему брату и просите его, чтобы крестьяне были изъяты отъ послѣдствій такого указа». Ходатайство моего отца имѣло силу: послѣдовало разъясненіе, въ которомъ было сказано, что этотъ указъ не касается крестьянъ. Перецъ, не имѣя на то права, не сказавши ни слова моему отцу, перезаложилъ имѣніе наше изъ Петербургскаго откупа въ Новгородскій, который еще удержался. Тогда залогодатели этого откупа предложили батюшкѣ взять вмѣстѣ съ ними откупъ на имя одного изъ нихъ, Татищева, на оставшіеся два года. Батюшка, чтобы сохранить свое имѣніе, согласился. Тотчасъ представили это въ другомъ видѣ Государю, который сказалъ, что неприлично его оберъ-шталмейстеру быть откупщикомъ, не размысливъ, что само правительство было тогда первымъ откупщикомъ въ Россіи. Какъ скоро враги моего отца поняли, что Государь недоволенъ имъ, они стали разнымъ образомъ клеветать на него и, что̀ всего ужаснѣе, подкупали кучера, любимаго Государемъ, извѣстнаго Илью, чтобъ онъ разсказывалъ Государю небылицы.

Много лѣтъ послѣ этого, будучи на смертномъ одрѣ, Илья писалъ въ Москву и просилъ прощенія у батюшки, объясняя, что онъ не можетъ умереть спокойно, если батюшка не проститъ ему за клевету. Всего болѣе огорчало моего отца то обстоятельство, что въ заговорѣ противъ него были нѣкоторые изъ сослуживцевъ по конной гвардіи, которыхъ онъ лелѣялъ, какъ дѣтей. Четыре мѣсяца мучили его разными непріятными бумагами и не отпускали въ отставку. Почти всѣ эти бумаги писаны княземъ Петромъ Михайловичемъ

Волконскимъ, который разъ, пріѣхавши съ визитомъ къ батюшкѣ, сказалъ ему: «Вы не сѣтуйте на меня, Сергѣй Ильичъ,—я исполняю только волю Государя». Отецъ мой отвѣчалъ: «Конечно, всякую волю царскую мы обязаны исполнить; даже еслибы Государь сказалъ мнѣ: повѣсь Петра Михайловича Волконскаго на осинѣ, я сейчасъ бы это исполнилъ».

Наконецъ рѣшилась судьба моего отца. Онъ получилъ давно ожидаемое имъ съ нетерпѣніемъ увольненіе, съ пенсіономъ въ 10.000 рублей ассигнаціями и съ дозволеніемъ взять сколько ему угодно экипажей и придворной прислуги, такъ какъ онъ долженъ былъ считаться только въ безсрочномъ отпуску. Онъ взялъ только одну старую четверо-мѣстную карету и одного человѣка, который всегда и оставался при немъ въ придворной ливреѣ. На послѣдней прощальной аудіенціи Государь сказалъ ему: «Останься съ нами, я прошу тебя; ты останешься при матушкѣ, а я тебѣ дамъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ и аренду». Отецъ мой отвѣчалъ: «Мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ я принять не могу, потому что не приготовленъ къ гражданскимъ дѣламъ; что же касается до аренды, то давно ли вы считаете меня продажнымъ?» — «Какъ продажнымъ?» сказалъ Государь. Отецъ отвѣчалъ: «Что скажутъ обо мнѣ въ обществѣ, если послѣ столькихъ непріятностей, принявъ отъ васъ аренду, я останусь при Дворѣ?»—«Тебѣ, кажется, общественное мнѣніе дороже моего расположенія».—«Признаюсь, ваше величество, что вы не ошибаетесь. Милость ваша, какъ я испыталъ на себѣ, измѣнчива, а хорошее мнѣніе о себѣ въ обществѣ я надѣюсь сохранить до конца моей жизни».—«Ну, полно же», сказалъ Государь, обнявъ его, «разстанемся друзьями. Если ты хочешь, или что нужно будетъ,— всегда можешь писать ко мнѣ; а ты будешь исполнять мои комиссіи въ Москвѣ по покупкѣ лошадей». Тѣмъ и кончилось послѣднее свиданіе. Отецъ мой всегда съ чувствомъ говорилъ о немъ, удивляясь благодушію Государя, который, безъ малѣйшаго знака гнѣва, могъ выслушать такія слова отъ подданнаго.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, когда наступило время свадьбы великаго князя Михаила Павловича, Государь, бывши въ Москвѣ, звалъ моего отца на свадьбу, былъ съ нимъ очень ласковъ и подарилъ третьей сестрѣ моей, Елисаветѣ Сергѣевнѣ, шифръ; вторая получила его уже прежде. Потомъ, когда Михаилъ Павловичъ пріѣзжалъ въ Москву пить минеральныя воды, отецъ мой нарочно пріѣхалъ изъ деревни, чтобы видѣться съ нимъ. Тронутый этимъ вниманіемъ, Великій Князь пригласилъ его къ себѣ обѣдать каждый день и переводилъ ему самъ Французскія газеты. Тогда была Французская революція, и Карлъ X былъ изгнанъ изъ Франціи. Въ разговорахъ Великій Князь спросилъ моего отца, какого онъ мнѣнія объ этой революціи. Отецъ мой отвѣчалъ, что находитъ совершенно законною, такъ какъ Карлъ X нарушилъ всѣ постановленія конституціи, сохранять которыя онъ былъ обязанъ по данной имъ присягѣ; если простой преступникъ преслѣдуется закономъ, то что можно сказать о царѣ-клятвопреступникѣ? — «Такъ-то ты разсуждаешь», сказалъ Великій Князь. «Чего же послѣ этого ожидать отъ молодыхъ?» Однако онъ на него не прогнѣвался и продолжалъ дружескія съ нимъ отношенія. Изъ этого можно видѣть, сколько мой отецъ опередилъ свой вѣкъ и что не напрасно прошли для него эти годы.

III.

Въ 1812 году императрица Марія Ѳеодоровна призвала моего отца и сказала ему: «Непріятель идетъ въ Петербургъ, и мы всѣ уѣзжаемъ въ Архангельскъ; тебѣ некогда будетъ думать о своемъ семействѣ,—ты долженъ быть при мнѣ. У тебя братья въ Москвѣ; отправляй свое семейство въ Москву сейчасъ же, всякая минута дорога». Батюшка, возвратясь изъ дворца, тотчасъ же началъ принуждать матушку собираться въ путь. «Помилуй, мой другъ», говорила матушка, «бѣдныя дѣти въ сыпи».—«Еслибъ это была даже корь, должно ѣхать». Въ нѣсколько часовъ мы собрались, приказавъ всѣ цѣнныя вещи въ домѣ собрать и отправить за нами въ Москву. Батюшка остался безъ денегъ, съ серебрянымъ туалетомъ матушки и съ серебряными блюдами. Все это, по отъѣздѣ нашемъ, тотчасъ было послано на монетный дворъ и превращено въ рубли. Итакъ, мы отправились спасаться отъ непріятеля въ Москву. Тутъ застали мы своихъ дядей, всѣхъ встревоженныхъ слухами о приближеніи непріятеля. Надобно было собираться въ путь,—но куда? Батюшка писалъ, чтобы мы ѣхали въ Ярославль, что для насъ тамъ приготовлена квартира и что тамъ будетъ великая княгиня Екатерина Павловна, и потому слухи будутъ вѣрнѣе, и письма будутъ приходить съ большею точностію. Но въ Москвѣ ходили слухи о неимовѣрной дороговизнѣ припасовъ въ Ярославлѣ, что̀ впослѣдствіи оказалось ложнымъ. А такъ какъ старшій братъ моего отца, пользовавшійся въ семействѣ авторитетомъ и бывшій тогда сенаторомъ, ѣхалъ въ Казань съ Сенатомъ, то уговорилъ и матушку ѣхать вмѣстѣ до Нижняго-Новгорода. Къ счастію, въ Москвѣ находился приверженецъ батюшки, Абрамовъ, одинъ изъ смотрителей конныхъ заводовъ. Онъ и дядя Александръ Ильичъ снарядили матушку и купили хорошихъ лошадей; Абрамовъ при этомъ отдалъ всѣ свои деньги, что̀ было величайшимъ самоотверженіемъ. Мы переѣхали сначала въ село Успенское, гдѣ должны были взять съ собою дядю Ивана Ильича съ семействомъ, который ѣхалъ въ свою Нижегородскую деревню. Можно себѣ вообразить, каковъ былъ нашъ поѣздъ: три семейства многочисленныя, съ прислугою еще болѣе многочисленною, и всѣ на своихъ лошадяхъ. Одинъ изъ дядей былъ очень медлителенъ, другой—необыкновенно скоръ; бѣдная матушка должна была сообразоваться и съ тѣмъ и съ другимъ. Наконецъ мы дотащились до Владиміра. Здѣсь губернаторъ Супоневъ уговарпвалъ матушку остаться, увѣряя ее, что онъ препроводитъ ее вмѣстѣ съ женою, какъ только будутъ вѣрные слухи о непріятелѣ. Рѣшились на общій счетъ послать въ Москву находившагося при матушкѣ казеннаго человѣка, ѣздоваго, добыть точныхъ свѣдѣній. Онъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что народъ разбиваетъ кабаки и что непріятель близко къ Москвѣ. Не слушая Супонева, матушка рѣшилась ѣхать далѣе, увѣренная, что послѣдній ничего не сдѣлаетъ изъ обѣщаннаго, и, кажется, она не ошиблась, потому что онъ не исполнилъ даже ея просьбы—пересылать аккуратно ея письма. Они всѣ залежались во Владимірѣ, и матушка два мѣсяца не имѣла извѣстій отъ отца, чего не могло бы быть въ Ярославлѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ съѣхалось множество семействъ изъ Москвы. Къ обѣднѣ ѣздили всѣ въ дѣвичій монастырь, прекрасно устроенный бывшею тогда игуменьею. Хотя

я была маленькою дѣвочкою, но помню, какое ужасное впечатлѣніе сдѣлало извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы, сказанное въ церкви госпожею Хвостовой.

Тутъ мнѣ должно разсказать два случая; одинъ—относящійся къ чести собственныхъ нашихъ крестьянъ. Изъ недавно купленной деревни матушка потребовала 5.000 рублей оброка, который немедленно былъ присланъ. Второй случай еще лучше обрисовываетъ характеръ нашего народа. Дядя мой Иванъ Ильичъ, посѣтившій въ первый разъ свою Нижегородскую деревню, былъ принятъ какъ давно желанный гость; ему отвели нѣсколько избъ и безпрестанно давали для него обѣды. Крестьяне приходили просить: «пожалуйте намъ вашего кухара и чтобы Францъ Иванычъ былъ за обѣдомъ». Этотъ Францъ Иванычъ былъ Французскій аббатъ, который боялся Русскаго народа въ это время; но крестьяне были съ нимъ очень ласковы и разсѣяли его страхъ. Съ своихъ обѣдовъ крестьяне не отпускали гостей съ пустыми руками и дарили ихъ полотнами. Такъ поступали они и съ семействомъ дяди Дмитрія Ильича, укрывшагося въ той же деревнѣ у брата. Когда же дядя Иванъ Ильичъ уѣзжалъ изъ деревни, они бросили ему въ карету 500 рубл. Дядя, разумѣется, не хотѣлъ ихъ брать, но они такъ неотступно умоляли его, что онъ рѣшился ихъ взять, говоря, что онъ зачтетъ эти деньги за оброкъ. «Нѣтъ, нѣтъ», говорили они, «не считай ихъ; это нашъ подарокъ. Ты пріѣхалъ къ намъ не на радость, а дѣлить съ нами горе; за то и мы хотимъ подѣлиться съ тобою нашими достатками».

Въ Нижнемъ мы жили около двухъ мѣсяцевъ и не имѣли отъ отца никакихъ извѣстій, что̀ очень насъ тревожило; наконецъ является посланный отъ него съ приглашеніемъ возвратиться въ Петербургъ. Надобно было ѣхать на Угличъ и Бѣжецкъ, по дорогѣ вновь проложенной, и выѣхать на Петербургскую дорогу. Морозы были тогда страшные, до тридцати градусовъ, и такъ какъ ни люди, ни лошади не были пріучены къ каретной ѣздѣ, то мы ѣхали по 25 верстъ въ день. Приближаясь къ Петербургу, мы встрѣтили одного ямщика, который, подойдя къ каретѣ, сказалъ матушкѣ: «Сергѣй Ильичъ приказалъ вамъ долго жить», и что онъ былъ при его похоронахъ. Къ счастію, матушка была обдумчива; она спросила, въ который день это было, и сообразила, что она имѣла письмо батюшки позднѣе сказаннаго числа; но все-таки съ встревоженнымъ чувствомъ мы ѣхали до Петербурга.

По пріѣздѣ узнали, что батюшка во дворцѣ. Скоро онъ возвратился, и радость свиданія была неописанная.

Однажды въ 1812 году кучеръ Государя, Илья, пришелъ къ батюшкѣ просить у него коляску.

Отецъ мой спросилъ, для чего ему нужна эта коляска. Тотъ отвѣчалъ: «Я скажу вамъ тайну. Государь посылаетъ меня въ Новгородъ; тамъ есть одинъ юродивый; Государю угодно спросить у него, что̀ онъ скажетъ о начинающейся войнѣ». Тогда отецъ мой сказалъ Ильѣ: «Если ты уже повѣрилъ мнѣ тайну, то по возвращеніи скажи мнѣ отвѣтъ юродиваго». Вотъ его разсказъ: «Поутру, еще до моего пріѣзда, юродивый велѣлъ женщинѣ, которая ходила за нимъ, вымести почище комнату, говоря, что къ нему пріѣдетъ гость. А когда я вошелъ къ нему съ хлѣбомъ (обыкновенный приносъ тѣхъ, которые къ нему приходили), онъ сказалъ: Ты пришелъ отъ Бѣлаго Царя; скажи ему отъ меня, чтобъ онъ не унывалъ, что врагъ (то-

гда Наполеонъ только перешелъ Нѣманъ), долженъ быть въ его столицѣ, но что все кончится благополучно и что онъ самъ будетъ въ столицѣ врага».

Я этотъ разсказъ слышала въ то время и очень хорошо помню каждое слово; только не помню, какъ звали юродиваго.

Когда Государь Александръ Павловичъ кончилъ жизнь, отецъ мой поѣхалъ въ Петербургъ поздравить Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна спросила его объ Аракчеевѣ. Отецъ мой сталъ говорить искренно, что̀ онъ думалъ о немъ. Тогда она сказала: «Ахъ! пожалуйста не говорите объ немъ дурнаго, это былъ другъ императора Александра». Тутъ вошелъ великій князь Николай Павловичъ и увелъ моего отца къ себѣ въ кабинетъ. «Не говори матушкѣ объ Аракчеевѣ,—ты ее разстроишь», сказалъ онъ.—«А вамъ могу я говорить?» «Мнѣ, конечно, ты можешь все говорить».—«Ну, такъ я вамъ скажу, что пока вы здѣсь церемонитесь съ вашимъ братомъ въ томъ, кто долженъ взойти на престолъ, Аракчеевъ занятъ тѣмъ, чтобы разыскивать убійцъ своей любезной. Всѣ тюрьмы Новгородскія полны, и у него множество царскихъ бланковъ, такъ что онъ можетъ ссылать въ Сибирь кого ему угодно».—«Хорошо, что ты мнѣ это сказалъ», отвѣчалъ Великій Князь; «я самъ ничего не могу сдѣлать, но сегодня соберу Государственный Совѣтъ, который немедленно пошлетъ курьера взять бланки. Я не могу тотчасъ удалить Аракчеева, такъ какъ онъ былъ друженъ съ моимъ братомъ; но ты можешь всѣмъ сказать, что при мнѣ онъ не будетъ имѣть той силы, которую имѣлъ». Такъ и было исполнено. Чрезъ нѣсколько дней Аракчеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представился императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Послѣ сего она разсказывала батюшкѣ, какъ онъ ее тронулъ, какъ онъ распростерся у ея ногъ. «Ну, что же ты ничего не говоришь, Сергѣй Ильичъ?» спросила она.—«Да вы запретили мнѣ говорить».—«Теперь я требую, чтобы ты сказалъ, что̀ думаешь», говорила Императрица.—«Я думаю, отвѣчалъ отецъ мой, что Аракчеевъ совсѣмъ не такъ разстроенъ, какъ вы воображаете, и въ доказательство я приведу вамъ то, что послѣ смерти этой сквернной женщины, которую онъ любилъ, онъ былъ такъ разстроенъ, что не могъ пріѣхать въ Государственный Совѣтъ шесть недѣль; а теперь пріѣхалъ и занялъ свое мѣсто, чтобъ его не потерять».—«Я вижу, какъ ты его не любишь», сказала Императрица.

Великій князь Николай Павловичъ поручилъ батюшкѣ везти тѣло Александра Павловича изъ Москвы въ Петербургъ. Когда онъ сопровождалъ тѣло, то Аракчеевъ выѣхалъ навстрѣчу изъ Грузина въ траурѣ и просилъ позволенія сѣсть на дроги, въ головахъ у тѣла. Батюшка не рѣшился ему въ этомъ отказать. Впослѣдствіи ямщики спрашивали моего отца: «Видѣлъ ли ты, батюшка, чорта?»—«Нѣтъ, не видалъ и надѣюсь на милость Божію, что никогда не увижу».—«А какъ же онъ сидѣлъ въ головахъ у Царя и мертвому также не давалъ покоя, какъ и живому?»

Послѣ, когда императрица Марія Ѳеодоровна ѣхала на коронацію въ Москву, Государь поручилъ батюшкѣ сопровождать ее.

Эти двѣ услуги послужили поводомъ для Государя дать моему отцу Андреевскую ленту въ день коронаціи.

Правда, служба его стоила этой награды, но все-таки она была безпримѣрною въ отношеніи къ человѣку, жившему уже на покоѣ.

Въ 1819 году мы ѣздили во вновь купленную деревню, въ Тамбовской губерніи, близъ города Шацка, на освященіе храма, построеннаго батюшкой во имя Спаса Нерукотвореннаго. Святилъ храмъ архіерей Іона, бывшій послѣ того экзархомъ въ Грузіи. Онъ пріѣхалъ за сто верстъ изъ Тамбова, съ многочисленною свитой, разумѣется, на нашъ счетъ. Съ нимъ были два архимандрита, ключарь соборный и еще строитель монастыря, кромѣ протодіакона и пѣвчихъ. Всѣмъ были наняты квартиры въ городѣ, гдѣ мы и сами жили въ домѣ купца. Надобно объяснить, что наше село — пригородное, такъ что составляетъ какъ бы улицу города, и самая торговая площадь городская намъ принадлежитъ. Это имѣніе мы купили у Разумовскаго, а его отцу оно было пожаловано императрицею Елисаветою Петровною. Имѣніе это называется Черная Слобода, потому что въ немъ всѣ городскія кузницы. Кузнецы эти такіе мастера, что дѣлаютъ экипажи. День освященія былъ самый торжественный. Церковь эта великолѣпная, съ самою лучшею живописью, какую только можно вообразить; а работана она, т. е. живопись, бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ семейства Мухановыхъ. Онъ имѣлъ великій талантъ, и здѣсь въ Москвѣ есть иконостасъ его работы, которымъ любуются знатоки. Стиль его былъ строгій Итальянскій, но приближенный къ понятіямъ православнымъ. Архіерей и на другой день еще захотѣлъ служить въ новомъ, какъ онъ говорилъ, соборѣ. Гостей у насъ было до 40 человѣкъ. Преосвященный обѣдалъ у насъ; свитѣ его готовились обѣдъ и ужинъ также у насъ, но относились къ нимъ на квартиры. Я помню, что дядя Николай Ильичъ прислалъ намъ къ этому празднику изъ своей деревни сорокъ стерлядей.

Когда Веймарскій принцъ пріѣхалъ свататься за великую княжну Марію Павловну, онъ былъ неуклюжъ и простъ, такъ что батюшка сказалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «неужели вы отдадите за него нашу Великую Княжну?»—«Конечно, не безъ ея согласія», отвѣчала Императрица. Чрезъ нѣсколько дней батюшка сопровождалъ Императрицу и великую княжну Марію Павловну верхомъ; съ ними ѣхалъ принцъ. Это было въ Павловскомъ. Они остановились у Елисаветинскаго павильона. Императрица, Великая Княжна и принцъ пошли наверхъ, а батюшка остался внизу. Вдругъ, къ его удивленію и скорби, онъ увидѣлъ, что принцъ, сходя съ лѣстницы, цѣловалъ руку Маріи Павловны. Тутъ сердце ему сказало, что судьба милой Великой Княжны рѣшена, а вечеромъ онъ получилъ записку отъ Императрицы, написанную карандашомъ на маленькомъ клочкѣ бумажки: «Благословите насъ, батюшка, мы просватали Великую Княжну за принца Веймарскаго».

Въ послѣдній разъ, когда Великая Княгиня была въ Москвѣ, она сказала, что нарочно ѣздила въ Елисаветинскій павильонъ, чтобы возобновить воспоминаніе этой прогулки съ моимъ отцомъ. Она жила долго съ мужемъ, который былъ добрый человѣкъ, хотя необык-

новенно простъ умомъ. Она же была столько же умна, сколько добра—и добра какъ ея мать. Въ Веймарѣ она, сколько позволяли средства, дѣлала добро, учреждала заведенія; а въ 1813 году заложила всѣ свои брилліанты, чтобы помогать раненымъ, преимущественно Русскимъ. Ни одинъ Русскій не проѣзжалъ чрезъ Веймаръ, не посѣтивъ ее и не бывъ привѣтствованъ. Когда мы были у Великой Княгини въ 1840 году, можно было только удивляться ея радости и радушію, съ которыми она привѣтствовала моего отца и мать; посылала каждый день свой экипажъ за ними, даже гросъ-герцогъ участвовалъ въ томъ же. Мы пробыли тамъ три дня. Онъ со слезами на глазахъ упрашивалъ, чтобы мы остались еще. Къ несчастію, сдѣлать это было невозможно.

IV.

1825 года, 14 го Декабря, назначена была присяга новому императору Николаю Павловичу. Батюшка поѣхалъ во дворецъ, не зная ничего о происходившемъ. Дворецъ былъ полонъ пріѣхавшихъ къ присягѣ. Отецъ мой подошелъ къ окну комнаты предъ кабинетомъ, гдѣ стоялъ Николай Михайловичъ Карамзинъ, и тутъ увидѣлъ, что Государь стоитъ въ воротахъ и читаетъ манифестъ войску. Онъ спросилъ у Карамзина, что это значитъ. Тотъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Скоро въ эту комнату вошла императрица Марія Ѳеодоровна, держа за руку Наслѣдника престола, нынѣшняго Государя, и въ сопровожденіи императрицы Александры Ѳеодоровны. «Слѣдуй за нами, Сергѣй Ильичъ», сказала она моему отцу.

Здѣсь я должна исправить ошибку, вкравшуюся въ Записки гр. Комаровскаго (напечатанныя въ Р. Архивѣ 1867), который говоритъ, что Карамзинъ былъ въ это время одинъ въ кабинетѣ съ императорскою фамиліей. Я полагаю, что ошибка графа Комаровскаго произошла отъ того, что отецъ мой имѣлъ сходство съ Карамзинымъ въ ростѣ. И онъ, и отецъ мой неоднократно входили въ ту комнату, гдѣ находились обѣ Императрицы съ Государемъ Наслѣдникомъ. Въ кабинетѣ, куда удалилась Императрица съ семействомъ, остались съ ними только мой отецъ и генералъ Мёрдеръ, воспитатель Великаго Князя. Сначала императрица Александра Ѳеодоровна была очень разстроена и очень много плакала. Вдовствующая Императрица утѣшала ее, какъ могла. Время длилось, было уже поздно. Государю Наслѣднику захотѣлось кушать, и Онъ началъ жаловаться на голодъ. Батюшка принесъ Ему съ кухни котлетку, усадилъ Его за столъ, снялъ съ Него гусарскій ментикъ и хотѣлъ взять съ Него саблю, чтобъ Ему было покойнѣе сидѣть; но Онъ ударилъ по эфесу и сказалъ: «Этого Я никому не отдамъ». Между тѣмъ приходили разные вѣстники съ площади. Наконецъ явился посланный отъ Государя объявить императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что, истощивъ всѣ средства кротости и убѣжденія, онъ долженъ будетъ приказать палить изъ пушекъ, но что онъ надѣется, что достаточно будетъ одного или двухъ выстрѣловъ. Это такъ ее поразило, что батюшка думалъ, что съ нею сдѣлается апоплексическій ударъ. Она всплеснула руками и вскричала: «Боже мой, до чего я дожила! Сынъ мой всходитъ съ пушками на престолъ!» Тутъ уже императрица Александра Ѳеодоровна стала за нею ухаживать. Между тѣмъ Наслѣдникъ (Ему было тогда только

семь съ половиною лѣтъ), стоявшій на окнѣ, закричалъ: «Я вижу, папа ѣдетъ!» Вскорѣ прибылъ Государь, и произошла самая трогательная сцена. Всѣ бросились другъ къ другу въ объятія и потомъ пошли въ церковь служить благодарственный молебенъ, который весь простояли на колѣняхъ, въ слезахъ. Послѣ сего уже послѣдовала присяга.

V.

Когда государь Николай Павловичъ пріѣхалъ на коронацію, онъ говорилъ съ батюшкой о печальномъ происшествіи 14 Декабря и о томъ, какъ должно воспитывать дѣтей въ такихъ правилахъ, чтобы не могло чего-либо подобнаго случиться. Батюшка говорилъ: «Позвольте замѣтить вашему величеству, что большая часть молодыхъ людей, замѣшанныхъ въ этой исторіи, ваши воспитанники, а не наши». Такъ онъ оставался всегда вѣренъ своему откровенному характеру. — Еще одна черта или двѣ обрисуютъ его характеръ. Государь въ этомъ разговорѣ упрекалъ моего отца за то, что онъ не принялъ выбора въ губернскіе предводители дворянства, а отговорился довольно преклонными лѣтами: «Если такіе люди, какъ ты», сказалъ Государь, «не будутъ мнѣ помогать, то что я могу сдѣлать одинъ?»

Великая княгиня Елена Павловна, во время пребыванія своего въ Москвѣ, оскорбила моего отца тѣмъ, что не приняла его въ частной аудіенціи, какъ двухъ князей Голицыныхъ (князя Сергѣя Михайловича и князя Дмитрія Владиміровича) и графа Петра Александровича Толстаго, а вышла къ нему въ общую залу и начала говорить съ нимъ пофранцузски, забывши, что онъ не зналъ этого языка. Однакоже, спохватившись, она въ другой разъ пригласила его и меня въ свой кабинетъ и тутъ, съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, сказала моему отцу: «Я теперь много узнала Россію» (она только-что возвратилась изъ путешествія во внутреннія губерніи). «Я знаю», продолжала она, «что̀ такое подвода и постой. Какъ странно, что матушка, жившая болѣе пятидесяти лѣтъ въ Россіи, совсѣмъ ея не знала».—«Это вѣроятно», отвѣчалъ мой отецъ, котораго она кольнула въ самое больное мѣсто, «потому, что тогда не такъ часто разъѣзжали по Россіи и берегли народъ, для котораго эти вояжи всегда обременительны». Мнѣ было очень совѣстно; но батюшка, не дождавшись ея отпуска, откланялся, говоря, что онъ не хочетъ болѣе обременять ее своимъ присутствіемъ, такъ какъ, живя давно вдалекѣ отъ двора, онъ забылъ, какъ должно обращаться съ высокими особами. Она погрозила ему пальцемъ и сказала: «вы меня не любите», и потомъ объявила, что она ѣдетъ на другой день въ 9 часовъ. Несмотря на этотъ намекъ, отецъ не поѣхалъ ее провожать.

Впослѣдствіи она не знала, какъ загладить свою вину, и пригласила моихъ родителей къ себѣ обѣдать къ кабинетъ, гдѣ былъ только ея братъ и даже не служили люди, а входили только по звонку, такъ какъ разговоръ шелъ порусски, то-есть въ самую дружескую короткость.

Разъ, когда Александръ Павловичъ сталъ шутить съ батюшкой въ довольно нескромныхъ словахъ, отецъ мой сказалъ ему: «Это съ ва-

шей стороны тѣмъ хуже, что я не могу требовать отъ васъ удовлетворенія, какъ бы поступилъ съ частнымъ человѣкомъ. Это несообразно съ обычною деликатностію вашего характера». Такъ люди того вѣка, привязанные всѣмъ сердцемъ къ царскому семейству, умѣли совсѣмъ тѣмъ держать себя не подобострастно, но съ достоинствомъ. Отца моего любила царственная семья, можетъ-быть, еще болѣе потому, что уважала его и остерегалась его чѣмъ-нибудь обидѣть, зная между тѣмъ, что онъ душею былъ ей преданъ. Конечно, и тогда было много льстецовъ и людей подобострастныхъ, но все-таки обхожденіе съ царями и ихъ семействомъ было свободнѣе и благороднѣе. Краткое царствованіе Павла Петровича не успѣло испортить духа, влитаго въ націю Екатериною.

Императоръ Александръ Павловичъ ждалъ пріѣзда Прусскаго короля. Ему хотѣлось, чтобы къ пріѣзду, до котораго оставалось не болѣе двухъ недѣль, была приготовлена карета à la Domont, экипажъ, гдѣ правятъ съ коня. Императоръ обратился съ приказаніемъ насчетъ такого экипажа къ моему отцу. Батюшка отвѣчалъ, что въ такой короткій срокъ этого сдѣлать невозможно. Государь тогда сказалъ, что нельзя ли сдѣлать такой экипажъ изъ обыкновенной кареты, отпиливши у нея козлы. Батюшка отвѣчалъ, что и это невозможно. «Ты все говоришь невозможно, но навѣрное моему отцу не посмѣлъ бы сказать». Отецъ мой на это сказалъ: «Развѣ вы желали бы, чтобы васъ обманывали также, какъ и вашего батюшку?»—«А какъ же его обманывали, — разскажи!»—«Однажды императоръ Павелъ Петровичъ», отвѣчалъ мой отецъ, «отдалъ приказаніе, чтобъ его золотая карета на другой день была синею. Въ угожденіе Государю, было рѣшено перекрасить эту карету. Къ счастію, былъ морозъ, и краска держалась; на утро подали эту карету Государю, и онъ остался доволенъ. Но въ теченіе его прогулки солнце пригрѣло краску, она растаяла, и карета сдѣлалась изъ синей полосатою. Государь видѣлъ это, но тѣмъ не менѣе остался доволенъ, что исполнили его приказаніе». Императоръ Александръ Павловичъ, выслушавъ этотъ разсказъ, сказалъ: «Нѣтъ, я не желаю, чтобы меня также обманывали».

У матушки моей былъ танцовальный учитель Делёка. Разъ онъ пріѣхалъ весь въ грязи и разсказалъ, что онъ встрѣтился съ императоромъ Павломъ Петровичемъ. Такъ какъ было очень грязно, то онъ не сошелъ съ дрожекъ, а только сталъ на подножку. Тогда Государь, прогнѣвавшись, велѣлъ его, одѣтаго въ бѣлыхъ чулкахъ, водить по лужѣ.

Разъ императоръ Александръ Павловичъ шелъ по дворцовому коридору, и лакей, бѣжавшій съ какимъ-то приказаніемъ, наткнувшись толкнулъ его. Государь началъ уже гнѣваться, когда Александръ Львовичъ Нарышкинъ развеселилъ его шуткою, сказавши, что всего досаднѣе, что этотъ человѣкъ испортилъ Русскую пословицу: «у страха глаза велики».

Разъ государь Александръ Павловичъ спросилъ за обѣдомъ: «когда же, Сергѣй Ильичъ, я буду у тебя обѣдать?» —«Когда я не буду жить въ казармахъ» *), отвѣчалъ отецъ.

Съ начала царствованія своего Александръ Павловичъ чрезвычайно любилъ моего отца, ласкалъ его, безпрестанно бралъ его съ собою въ коляску и приказалъ ему пріѣзжать безъ зова обѣдать, когда ему вздумается. Но скоро, благодаря прямому и откровенному своему характеру, отецъ потерялъ этотъ фаворъ, потому что разъ сказалъ не совсѣмъ пріятное слово Царю. Государь смотрѣлъ въ лорнетъ на хорошенькую горничную Императрицы. «Посмотри, какъ она мила», сказалъ онъ отцу.—«Съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ», отвѣчалъ отецъ, «я пересталъ заглядываться на хорошенькихъ». Съ этого дня Государь уже не приглашалъ его въ свою коляску. Тогда отецъ еще не зналъ, что Государь имѣлъ нѣкоторое право поступать иначе.

Еще нѣсколько словъ о моемъ отцѣ. Росту онъ былъ большаго и съ самою пріятною наружностію; имѣлъ глаза каріе, кроткіе и ласковые, характеръ ровный и чрезвычайно привѣтливый, носъ — неправильный, но ротъ очень пріятный, и зубы, пока ихъ не испортили каломелью и разными лѣкарствами,—ровные и бѣлые. Въ семействѣ онъ былъ настоящимъ ангеломъ и другомъ своихъ дѣтей. Онъ былъ очень богомоленъ, но любовь его къ Спасителю была такъ естественна, какъ и всѣ добродѣтели,—какъ будто онъ не могъ быть иначе. Я всегда удивлялась его эстетическому вкусу въ архитектурѣ и живописи; къ музыкѣ онъ не имѣлъ склонности, но очень любилъ садоводство. Вообще онъ имѣлъ въ себѣ что-то такое привлекательное, что съ перваго раза его любили и уважали. Одѣвался онъ всегда очень аккуратно, такъ что племянники совѣстились бывать у него въ сюртукахъ, потому что онъ самъ ходилъ во фракѣ, хотя онъ часто выговаривалъ имъ за это. Послѣдніе годы онъ носилъ сюртукъ, но даже при насъ онъ не любилъ, чтобы мы видѣли его безъ галстука. Вотъ его характеристика. Мнѣ тяжело болѣе распространяться, хотя о немъ трудно было бы наговориться.

Друзей онъ имѣлъ много, да и можно сказать, что все человѣчество было его другомъ; слуги до сихъ поръ не могутъ забыть его ласковаго съ ними обхожденія.

Когда скончалась императрица Марія Ѳеодоровна, мы узнали объ этомъ нечаянно, на станціи, ѣхавши въ Москву изъ Калуги, но скрыли это до Москвы отъ отца. Тяжело было скрывать это отъ него, такъ какъ мы ѣхали въ одной съ нимъ каретѣ, и тяжело было слушать, какъ онъ дѣлалъ планы поѣздки своей въ Кіевъ съ Маріею Ѳеодоровною. Только-что мы пріѣхали въ Москву, при самомъ входѣ въ переднюю комнату, человѣкъ, остававшійся въ Москвѣ, поспѣшилъ объявить ему о случившемся. Это произвело такое сильное дѣйствіе на него, что должно было немедленно пустить ему кровь

---

*) Т. е. въ домѣ конюшеннаго вѣдомства (еще выходившемъ тогда окнами на Невскій Проспектъ). П. Б.

изъ руки, послѣ чего онъ хотѣлъ немедленно ѣхать въ Петербургъ. Къ счастію, мундиръ его былъ въ обозѣ, такъ что онъ нѣсколько отдохнулъ поневолѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вошелъ въ ту залу, гдѣ стояло тѣло Императрицы, всѣ присутствовавшіе были поражены и тронуты его горестію, и всѣ фрейлины стали за нимъ ухаживать. Въ Петербургѣ еще разъ нужно было пустить піявочную кровь. Онъ хотѣлъ непремѣнно дежурить при тѣлѣ первую ночь по пріѣздѣ своемъ и пѣшкомъ шелъ за гробомъ до самой крѣпости. Императрица Александра Ѳеодоровна заботилась о немъ и присылала узнать, сколько лѣтъ моей меньшой сестрѣ, и когда узнала, что она выѣзжаетъ въ свѣтъ, прислала ей свой фрейлинскій шифръ, сказавъ: «чего не успѣла докончить матушка, то слѣдуетъ сдѣлать мнѣ».

VI.

Теперь я возвращусь къ 1809 году, когда батюшка занемогъ своею тяжкою болѣзнію. У него были прекрасные бѣлые зубы; вдругъ, во время стола у Императрицы, онъ почувствовалъ ужасную боль въ зубѣ. Взявъ въ ротъ нѣсколько краснаго вина, онъ утолилъ тѣмъ на минуту боль; но, пріѣхавши домой, сталъ чувствовать тоже. Боль приходила въ одинъ и тотъ же часъ и проходила безъ всякой причины. Теперь, когда медицина сдѣлала столько успѣховъ, тотчасъ узнали бы по этимъ пароксизмамъ перемежающуюся лихорадку; дать бы соотвѣтствующія средства, тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но тогда признавали только одинъ видъ лихорадки и болѣзнь отца приписали такимъ причинамъ, которыя и не могли существовать. Они стали его лѣчить меркуріальными средствами и довели его почти до смерти, такъ что лучшій изъ врачей, Крейтонъ, когда увидѣлъ его въ первый разъ, назначилъ ему только шесть недѣль жизни. Къ несчастію, у него было семь докторовъ: домовый врачъ Кернеръ, Рожерсонъ (докторъ Екатерины II, который, правда, уже не практиковалъ и ѣздилъ только по дружбѣ, хотя и онъ иногда давалъ совѣты), Лейтонъ, привезенный друзьями Саблуковыми, Крейтонъ, присланный императрицею Маріею, Клеменцъ, докторъ конюшенной команды по долгу службы, Тиманъ, привезенный другомъ Витовтовымъ, и наконецъ Симсонъ.

Такъ и выходило по Русской пословицѣ, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Наконецъ, натура взяла свое; сдѣлалась обыкновенная лихорадка, стали давать хину, и батюшка выздоровѣлъ. Но теперь нужно было выгнать изъ организма меркурій; для сего нашли одно средство—Кавказскія воды, и надобно было туда ѣхать. Государь приказалъ батюшкѣ явиться къ нему на прощаніе въ простомъ сюртукѣ, какъ онъ ходилъ дома. Когда его увидѣлъ Вилье, докторъ Государя, то сказалъ: «Какими судьбами вы вырвались изъ рукъ семи докторовъ?»—«Можетъ-быть», отвѣчалъ шуткою батюшка, «отъ того, что тебя не было осьмаго».

Батюшка отправился въ путь въ сопровожденіи Кернера. До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ. Мнѣ было тогда 6 лѣтъ. Въ Москвѣ матушка, уже въ тяжеломъ положеніи, осталась для разрѣшенія отъ бремени. По истеченіи шести недѣль по рожденіи моей сестры Екатерины (воспріемницею которой была сама Императрица), матушка отправилась въ дорогу, въ свою Калужскую деревню, гдѣ и дожидалась батюшки.

Онъ былъ уже въ лучшемъ состояніи, но лихорадка по временамъ возвращалась, такъ что на слѣдующее лѣто онъ долженъ былъ опять ѣхать на Кавказъ. Тогда мы отправились уже всею семьею, то-есть матушка, сестра Анна и я, а двѣ младшія остались у дяди Ивана Ильича въ селѣ Успенскомъ. Мы поѣхали съ докторомъ Газомъ, который былъ посланъ изслѣдовать минеральныя воды; съ нимъ былъ еще двоюродный братъ матушки, Ѳеодоръ Александровичъ Ушаковъ, и еще одинъ Рязанскій помѣщикъ, присоединившійся къ намъ въ Рязани. Смѣшно было то, что онъ всегда хотѣлъ ѣхать между экипажами, когда мы приближались къ Кавказу, думая, что такъ онъ лучше спасется отъ нападенія Черкесовъ. Тогда отъ Ставрополя давали путешественникамъ конвой, но для батюшки, по всей Землѣ Донскаго Войска, на всякой станціи былъ назначенъ почетный конвой изъ десяти казаковъ съ офицеромъ. Батюшка обыкновенно дарилъ ихъ деньгами и не бралъ конвоя; но иногда они настоятельно требовали, чтобы позволено было провожать насъ. Я помню одного мальчика, лѣтъ 12-ти, который скакалъ всю станцію вблизи нашихъ колесъ. Батюшка просилъ, чтобъ его отпустили; но ему сказали, что подвигъ молодаго казака будетъ записанъ въ его формулярѣ. Помню еще, какъ мы на баркѣ переѣзжали разлившійся Донъ, какъ казацкіе старшины поднесли батюшкѣ осетра, завернутаго въ богатомъ коврѣ, который, конечно, имъ былъ возвращенъ; какъ батюшка чуть не утонулъ, свѣсившись за бортъ, при чемъ онъ былъ въ большой опасности: казакъ, схватившій его за ногу, едва этимъ способомъ могъ втащить его на барку. Замѣчательно, что однажды Цыганка сказала ему, что если ему посчастливится не утонуть, онъ проживетъ долго. Батюшка кончилъ жизнь на 80 году. Помню еще, какъ мы на горѣ проѣхали сквозь облако; какъ первый разъ увидѣли саранчу и какъ намъ подали въ карету пойманное насѣкомое съ странными крылышками.

Такъ запечатлѣваются въ этомъ возрастѣ отдѣльныя картины, а связь пропадаетъ. Мы ѣхали по Землѣ Донскихъ казаковъ 200 верстъ въ день: такъ гладка была дорога. Но изъ Москвы мы ѣхали до Кавказа три недѣли, потому что на ночь всегда останавливались, какъ бы плоха ни была станція. Впрочемъ нужно признаться, что ночлеги были вообще очень скверные: въ одной комнатѣ съ нами бывали и телята. Намъ строго было запрещено жаловаться или показывать брезгливость. По возможности, насъ вездѣ покоили по приказанію самого Государя, разосланному чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ всѣмъ губернаторамъ. На Кавказѣ не было еще ничего устроено. Въ четырехъ верстахъ отъ водъ было небольшое поселеніе и домъ коменданта. Всѣ пріѣзжающіе помѣщались въ Калмыцкихъ кибиткахъ, привозимыхъ на верблюдахъ. У насъ были двѣ Калмыцкія юрты, въ которыхъ устроены ванны пониже источника, такъ что въ нихъ было на 2 градуса меньше тепла. Тогда еще былъ одинъ источникъ сѣрныхъ водъ изъ горы Мичуги. При насъ былъ открытъ еще одинъ источникъ, который былъ названъ Елисаветинскимъ. Городъ Георгіевскъ былъ тогда губернскимъ городомъ и отстоялъ отъ водъ на 40 верстъ; туда надо было посылать за лѣкарствами и за лимонами, но съ нами была небольшая аптечка и всякія вина. Трудно было тогда ѣхать на Кавказъ: надобно было везти съ собою все необходимое. Тутъ застали мы колонистовъ, вызванныхъ изъ Сарепты, гдѣ имъ наскучила ихъ община.

Кажется, никто кромѣ Славянскихъ народовъ въ общинѣ не уживается, а какъ хороша она у насъ! Истребить ее значило бы въ теперешнемъ порядкѣ правленія—сдѣлать изъ нашихъ крестьянъ хуже Лифляндскихъ поселянъ. Каждое отдѣльное лице было бы задавлено и землевладѣльцемъ, и такъ-называемымъ кулакомъ; а община есть сила, охраняющая право и благосостояніе крестьянъ и обезпечивающая взносы податей. Отнимите ее, и крѣпостное право возвратится, въ худшемъ видѣ, нежели прежде, потому что порвана будетъ вѣковая связь между помѣщикомъ и крестьянами; онъ станетъ для нихъ чужой, не обязанный пещись объ ихъ благосостояніи, а только наблюдающій свои интересы. Люди вездѣ одинаковы, и если Русская натура помягче Нѣмецкой, все-таки будетъ больше корыстолюбивыхъ, чѣмъ добрыхъ. Конечно, хозяйство можетъ быть лучше у отдѣльнаго поселянина, чѣмъ у общинника, но только въ томъ случаѣ, когда постановленія государства свободны, когда вездѣ царствуетъ безпрепятственно законъ, а у насъ еще только начинаютъ привыкать къ легальности, и при малѣйшемъ послабленіи надзора проявляется произволъ въ самомъ дикомъ видѣ. Нравы не измѣняются также скоро, какъ законы.

Но для чего я такъ далеко отвлеклась отъ предмета? Мнѣ нужно было высказать нѣсколько мучительныхъ для меня мыслей. Живя часто въ деревнѣ, я хорошо знаю бытъ крестьянъ и знаю, что тѣ, которые поумнѣе, понимаютъ это дѣло также, какъ и я; но конечно жалуются и на общину, какъ жаловались на помѣщиковъ, какъ будутъ всегда жаловаться, пока свѣтъ стоитъ, на все,—таковъ уже человѣкъ. Возвратимся къ колонистамъ.

Колонистовъ этихъ вызвали изъ Сарепты, но еще не отвели имъ земли, и они, бѣдные, не зная, куда приклонить свои головы, пристали съ просьбами къ отцу, который взялся быть ихъ ходатаемъ. И точно, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ настоятельно просилъ бывшаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева объ окончательномъ поселеніи колонистовъ. Я буду говорить объ нихъ впослѣдствіи

Въ первое мое посѣщеніе Кавказа я была еще слишкомъ мала; мнѣ было тогда только семь лѣтъ, и впечатлѣнія отъ величаваго вида горъ слабо остались въ памяти. Потомъ, одиннадцати лѣтъ, я была опять тамъ, и тогда энтузіазмъ выражался въ нескладныхъ моихъ писаніяхъ. Изъ перваго вояжа помню еще посѣщеніе нами жилищъ Шотландскихъ миссіонеровъ, которымъ, по космополитическому расположенію, государь Александръ Павловичъ дозволилъ проповѣдывать Евангеліе на Кавказѣ. Помню, какъ меня занималъ станокъ, гдѣ печатали при насъ Библію на туземномъ нарѣчіи. Нельзя сказать, чтобы проповѣдь была успѣшна; напротивъ того, миссіонеры жаловались, что мальчики, обучавшіеся у нихъ, всегда кончали тѣмъ, что обкрадывали ихъ и уходили восвояси. Однажды при такомъ разсказѣ стоялъ одинъ изъ учениковъ. Батюшка, обратясь къ нему, сказалъ: «вѣрно и ты также поступишь?» Обиженный этимъ, мальчикъ заплакалъ. Можетъ-быть, въ этомъ были зачатки добра. Я помню, какъ разъ я испугалась, когда, сидя за фортепіанами, вдругъ увидала себя окруженною Черкесами, вооруженными съ головы до ногъ. Они пріѣхали насъ посѣтить; я была одна въ комнатѣ. Они осматривали инструментъ снаружи и внутри. Пришла матушка и проиграла имъ вальсъ. Они были въ восхищеніи и сказали: «малень-

кая твоя дѣвка хорошо играетъ, а большая дѣвка лучше». Кажется, это принадлежитъ къ воспоминаніямъ изъ другой поѣздки, — семи лѣтъ я еще не училась музыкѣ. Такъ путаются воспоминанія двухъ вояжей. Отъ горячихъ ваннъ тогда (не знаю, какъ теперь) ѣздили пользоваться для подкрѣпленія силъ въ Кисловодскъ и пили воды изъ источника Нарзана. Вездѣ была опасность отъ нападенія Черкесовъ. По всѣмъ городамъ стояли пикеты.

Теперь буду говорить о второмъ нашемъ путешествіи въ 1814 году. Вотъ сколько было насъ въ этомъ поѣздѣ: родители наши и всѣ мы, Пелагея Алексѣевна Путинцева, другъ нашего семейства, жившая съ матушкой еще до ея замужства; дѣвица Трескина, взятая изъ института; гувернантка, Нѣмка-няня, докторъ Мухау, весьма посредственный врачъ съ забавными дистракціями. Мы ѣхали съ меньшими почестями и удобствами: блестящая эпоха жизни батюшки при Дворѣ начала блѣднѣть, хотя онъ продолжалъ еще пользоваться добрымъ расположеніемъ царственнаго дома. Въ Землѣ Донскихъ казаковъ не было уже Платова, который носилъ насъ на рукахъ. Онъ выслалъ полотняный домикъ на станцію Гнилой-Ягарлыкъ, потому что тамъ не было другаго жилища, кромѣ землянокъ. При немъ насъ сопровождалъ офицеръ до самой границы Войска Донскаго; онъ везъ фрукты, которыми подчивалъ насъ на всякой станціи. Но за то дорога была намъ знакомѣе, и мы знали, что̀ насъ ожидало. На Кавказѣ все было мало устроено, но колонистовъ мы нашли уже поселенными; они приносили краю большую пользу, снабжая жителей бѣлымъ хлѣбомъ и овощами. Мы остановились въ домѣ коменданта Веревкина, который уступилъ намъ не только домъ, но и садъ—единственное убѣжище, гдѣ было нѣсколько зелени и овощей; кругомъ все сгорѣло отъ сильныхъ жаровъ: шесть недѣль не было ни капли дождя. Теперь уже я могла восхищаться природою. Какъ часто, при захожденіи солнца, мы любовались цѣпью Армянскихъ горъ съ вѣчноснѣговыми вершинами и между ними Эльборусомъ! Онъ виднѣется издали съ раздвоенною вершиною, на которой розовымъ, пурпуровымъ цвѣтомъ отражаются лучи солнца. Смотрѣли съ благоговѣйнымъ восторгомъ на гору Бештау, особенно когда она опоясывалась тучами, изъ которыхъ блистала молнія, слышался громъ, а вершина оставалась спокойною. Гора эта по отлогости имѣетъ семь верстъ вышины. Нѣкоторые путешественники, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ верхомъ, взбирались на самую вершину, на которой видѣли много змѣй. Между этою горой и горою Мичугою, изъ которой вытекаетъ цѣлебный источникъ, образовался провалъ. Мы часто подходили къ нему и бросали камни, при чемъ никогда не слыхали, какъ они падали. Послѣ открыли внизу озеро съ голубою, прозрачною и тоже цѣлебною водою и прорыли къ нему тоннель. Видъ разнообразился Калмыцкими кибитками, Черкесскими арбами, пасущимися верблюдами и стадами буйволовъ. Между Черкесами мы нашли своего кунака. Кунакъ означаетъ другъ; онъ рѣшится умереть за своихъ друзей, если нужно; подъ его кровомъ друзья всегда находятъ безопасное убѣжище. Мы посѣтили, по просьбѣ жителей, ближайшій аулъ мирныхъ Черкесовъ; впрочемъ это не Черкесы, а просто Татары,—Черкесы живутъ гораздо дальше въ горахъ. Ѣхавши къ нимъ, мы запаслись кренделями и лакомствами; насъ провели въ обиталище княгини. Это длинная ма-

занка съ малыми окнами. Княгиня сидѣла на возвышенномъ мѣстѣ, а придворныя около нея на полу, всѣ въ однѣхъ рубашкахъ, съ отвратительными физіономіями и формами. До замужества дѣвицъ зашиваютъ въ что-то въ родѣ кожаннаго корсета, и онѣ въ такомъ видѣ остаются до тѣхъ поръ, пока мужъ не разрѣжетъ кожаннаго ремня, которымъ стянутъ корсетъ. Формы тѣла, долго сжатыя, расползаются до безобразія. Мы не успѣли развязать нашъ узелъ, какъ онѣ накинулись на насъ, вырвали изъ рукъ привезенные гостинцы и тотчасъ растерзали ихъ. А княгиня, одѣтая въ парчевое платье, сидѣла неподвижно, какъ кукла, на своемъ возвышеніи. Ей подарили мы шелковый платокъ. Въ жилище княгини мущины не впускаются. Потомъ пошли мы къ другой княгинѣ, премилой и прелюбезной, и сожалѣли, что не запаслись другими гостинцами, такъ какъ не ожидали видѣть двухъ княгинь въ одномъ аулѣ.

Черкесы занимали насъ танцами своихъ дѣвицъ, которыя, зашитыя въ корсеты, толкались на одномъ мѣстѣ, а мущины, съ прелестными маленькими ножками, обутыми въ кожанные башмачки безъ швовъ, выдѣлывали трудныя па. Всѣ они просили насъ переночевать у нихъ, обѣщая заколоть для ужина лучшаго барана, но мы не согласились остаться въ ихъ неприглядныхъ жилищахъ. Они провожали насъ изъ своего аула верхами и джигитовали для нашего удовольствія. Были мы и у колонистовъ, нашихъ давнишнихъ друзей. Они развели садики и улья пчелъ, подчивали насъ медомъ и были вообще довольны нашимъ посѣщеніемъ.

Наконецъ пришло время ѣхать въ Кисловодскъ. Тамъ мы остановились въ домѣ коменданта маленькой крѣпостцы, единственномъ убѣжищѣ съ крышкою. Тамъ была только одна комната съ поломъ, а прочія набиты землею. Всѣ другіе путешественники жили въ Калмыцкихъ кибиткахъ. Разъ батюшка, не дождавшись насъ, пошелъ на источникъ. Былъ небольшой дождь, и онъ промочилъ себѣ ноги и захватилъ Кавказскую лихорадку. Болѣзнь была ужасная. Приходило по три пароксизма въ день. Потомъ съ нимъ произошелъ летаргическій сонъ на нѣсколько дней. Наконецъ, по милости Божіей, болѣзнь начала уступать. Но сезонъ кончился, и путешественники и маркитанты стали разъѣзжаться. Комендантъ съ войскомъ также хотѣлъ удалиться и захватить съ собою походную церковь. Это очень разстроило моего отца, и онъ, призвавъ коменданта, сказалъ ему, что если тутъ есть полковая церковь, то только потому, что онъ выпросилъ ее у Государя. Комендантъ остался, и палатки съ церковію были разбиты подъ окнами спальни. Между тѣмъ едва начинавшему выздоравливать больному захотѣлось кушать дичь. Но гдѣ взять ее? Придумали готовить воробьевъ, обѣщали платить по 5 копѣекъ за воробья. Ихъ стали носить мѣшками, и должно было убавить цѣну. Въ одно утро комендантъ прислалъ объявить, что въ восьми верстахъ отъ Кисловодска, въ Моздокѣ, открылась чума. Не столько испугала насъ сама болѣзнь, сколько мысль, что придется шесть недѣль жить подъ карантиномъ, если успѣютъ сдѣлать распоряженіе; потому что въ карантинѣ тогда, кромѣ землянокъ, не могло быть другаго помѣщенія. Итакъ, надо было ѣхать немедленно. Между Кисловодскомъ и теплыми водами есть одно мѣсто очень опасное. Съ одной стороны крутая гора, а съ другой — бездонная пропасть. Дорога идетъ между горой и пропастью. Путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Батюшка лежалъ

въ экипажѣ и не могъ шевельнуться. Къ счастію, съ нами былъ довольно многочисленный казацкій конвой. Казаки привязали веревки къ колесамъ и все время держали экипажъ. Переѣздъ этотъ былъ счастливѣе, нежели мы думали. Батюшка нѣсколько оправился, и мы, отдохнувъ немного, отправились въ дальнѣйшій путь. Въ карантинѣ насъ продержали только сутки, вмѣсто четырехъ. Несмотря на это, въ землянкѣ у батюшки появился страшный пароксизмъ прежней лихорадки. Онъ написалъ полковнику Абрамову въ Москву, завѣдывавшему его дѣлами, чтобъ онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Новочеркаскъ, потому что, чувствуя себя слабымъ, онъ даже и не надѣялся доѣхать до Новочеркаска и хотѣлъ поручить ему свое семейство. Но съ продолженіемъ путешествія его здоровье начало поправляться. Сначала онъ думалъ зимовать въ Воронежѣ, но потомъ, чувствуя себя крѣпче, доѣхалъ съ нами до Тулы, далѣе до Москвы и наконецъ пріѣхалъ совсѣмъ благополучно въ Петербургъ.

Родословная Мухановыхъ.

(Изъ приготовляемой къ изданію третьей части „Русской Родословной Книги“).

I.

1. Иванъ Мухановъ, † убитъ въ 1597 г. . . . . .

II.

2. Степанъ Ивановичъ, р. около 1580, взятъ въ плѣнъ Ногаями въ 1628. Ж. Меланія N. N., † въ 1658 1

III.

3. Алферій Степановичъ † убитъ въ исходѣ 1678. 2

IV.

4. Давыдъ Алферьевичъ 3
5. Калинъ Алферьевичъ † убитъ 1689.. 3
6. Алексѣй Алферьевичъ. 3
7. Никита Алферьевичъ. Ж. Лукерія N. N. 3
8. Иванъ Алферьевичъ большой. Ж. Агаѳія Ѳеодоровна N. N . . . 3
9. Иванъ Алферьевичъ меньшой 3

V.

10. Степанъ Давыдовичъ 4
11. Леонтій Калиновичъ 5
12. Ипатъ Калиновичъ, флота капитанъ-командоръ, р. 31 Марта 1677 † 22 Мая 1729. Первая его супруга Ирина Васил. Нестерова † 1713 (въ 1-мъ бракѣ была за стольникомъ Никитою Алексѣев. Полянскимъ † 1708). Вторая супруга Ипата Калиновича съ 1714 княжна Марія Ив. Шаховская, р. 1 Апр. 1698 † 6 Апр. 1727. . . . 5
13. Михаилъ Калиновичъ. 5
14. Василій Никитичъ, капитанъ † 1747, бездѣтенъ. Ж. Матрена Гавр. Ларіонова (въ 1-мъ бр. была за Сумароковымъ) 7
Наталія Никитична 7
15. Филиппъ Ивановичъ 8
Татьяна Ивановна. 8
16. Осипъ Ивановичъ. 9

VI.

17. Игнатій Степановичъ. 10
18. Александръ Леонтьевичъ 11

19. Никита Леонтьевичъ 11
20. Иванъ Ипатовичъ, р. 1714 † бездѣтенъ 12
21. Илья Ипатовичъ, отст. полковникъ конной гвардіи (съ 1 Янв. 1764 г.), ст. с. (съ 22 Мая 1790), р. 11 Іюля 1724 † 22 Марта 1799. Ж. Прасковія Ѳеодоровна Сафонова, † до 1778 12
Анна Ипатовна р. 1716, съ 1736 за Ѳедор. Васил. Ртищевымъ. 12
22. Иванъ Филипповичъ 15

VII.

23. Иванъ Александровичъ 18
24. Вавила Александровичъ 18
25. Данило Никитичъ, ст. сов. (съ 30 Окт. 1798), совѣтникъ правленія Ассигнаціоннаго Банка (1801. 1802) 19
26. Алексѣй Ильичъ, д. т. с. (съ 22 Іюля1822) † 1836. Ж. княжна Варвара Николаевна Трубецкая. 21
27. Иванъ Ильичъ, д. с. с. Ж. Марія Аполлоновна Веригина. . . 21
28. Дмитрій Ильичъ, колл. сов. Ж. Анна Акимовна Мальцова. . . 21
29. Александръ Ильичъ, д. с. с. Рязанскій губернаторъ, шталмейстеръ, † 1851. Ж. съ 14 Января 1797. Наталья Александр. Саблукова. 21
30. Михаилъ Ильичъ, ст. сов., † бездѣтенъ. Ж. гр. Екатерина Андреевна Гендрикова, р. 11 Ноября 1774 † 26 Декабря 1844. . . 21
31. Николай Ильичъ, отст. бригадиръ, Богородскій предвод. дворянства (1802—1803), † 1841. Ж.: 1) Анна Сергѣевна Кологривова; 2) Наталія Владиміровна Полуектова. Дѣти отъ 1-го брака . . 21
32. Сергѣй Ильичъ, оберъ-шталмейстеръ (съ 26 Апр. 1808), р. въ 1762 † 20 Марта 1842. Ж. Варвара Дмитріевна Тургенева, ст. дама, † 13 Іюня 1845.
Марія Ильинична за Алексѣемъ Степановичемъ Колычевымъ. . 21
33. Матвѣй Ивановичъ, капитанъ 1-го ранга и кригсъ-коммиссаръ (1812). 22
34. Алексѣй Ивановичъ. 22

VIII.

35. Александръ Алексѣевичъ, полков. и адъютантъ графа Закревскаго въ Финляндіи, р. 1802 † 1834. (Былъ женихомъ Авроры Карловны Шерваль, вышедшей въ послѣдствіи: 1) за П. Н. Демидова, и 2) за А. Н. Карамзина. 26
36. Николай Алексѣевичъ, оберъ-форшнейдеръ, членъ Госуд. Совѣта (съ 22 Окт. 1866), р. 1804 † 21 Апрѣля 1871, холостъ. 26
37. Владиміръ Алексѣевичъ, р. 1807 † 1876, холостъ 26
Татьяна Алексѣевна, фрейл., † 1859 дѣвицею 26
Екатерина Алексѣевна, † 1856 дѣвицею 26
Елисавета Алексѣевна, фрейлина 26
Прасковья Алексѣевна 26
38. Алексѣй Ивановичъ, ст. сов. (1812). Ж. Анна Васильевна Мещерская † 1844 (во 2-мъ бр. была за Григоріемъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, р. 1790 † 1835). 27
39. Павелъ Ивановичъ, подпор. л. гв. егерскаго полка и адъютантъ кн. П. И. Багратіона † 1812. Ж. Екатерина Дмитріевна Олсуфьева. . 27

40. ..... Ивановичъ, † бездѣтенъ. 27
41. Иванъ Ивановичъ † бездѣтенъ. 27
Александра Ивановна *). 27
Прасковья Ивановна, † дѣвицей 27
Марья Ивановна, † дѣвицей. 27
Екатерина Ивановна, † дѣвицей 27
42. Илья Дмитріевичъ, ген.-лейт. (съ 30 Авг. 1867), р. 1815. Ж. Елисавета Степановна Валуева. 28
Марія Дмитріевна, р. 21 Авг. 1813 † 28 Марта 1844, за Владиміромъ Васильевичемъ Головинымъ. 28
43. Михаилъ Александровичъ † млад. 29
44. Николай Александровичъ † млад. 29
45. Петръ Александровичъ, капитанъ Измайловскаго полка (декабристъ 4-й категоріи), † 1836. 29
46. Павелъ Александровичъ, д. т. с., членъ Госуд. Совѣта (1 Янв. 1867), р. 6 Янв. 1798 † 16 Дек. 1871. Ж.: 1) графиня Жозефина Осиповна Мостовская (въ 1-мъ бр. была за барономъ Моренгеймомъ); 2) Марія Казиміровна N. N. (въ 1-мъ бракѣ была за сенаторомъ Лубенскимъ). 29
Елисавета Александровна, р. 8 Янв. 1803 † 23 Окт. 1836, за кн. Валентиномъ Михайловичемъ Шаховскимъ (его 1-я жена).
Екатерина Александровна, за Аркадіемъ Алексѣевичемъ Альфонскимъ, ректоромъ Москов. Университета, р. 1794 † 1869. . . . 29
47. Сергѣй Николаевичъ, Моск. оберъ-полицейм., потомъ Харьковскій, наконецъ Орловскій губернаторъ, т. с., р. 1796 † 19 Ноября 1858. Ж. гр. Минодора Карловна Сиверсъ 31
Прасковья Николаевна, за Араповымъ. 31
Екатерина Николаевна, за Михайломъ Сергѣевичемъ Кушниковымъ. 31
Софія Николаевна, за Семеномъ Павловичемъ Бакунинымъ . . 31
Марія Сергѣевна, фрейльна. 32
Анна Сергѣевна, фрейльна, † дѣвицей. 32
Елисавета Сергѣевна, фрейльна, † дѣвицей. 32
Екатерина Сергѣевна, фрейльна, † дѣвицей. 32

IX.

48. Иванъ Алексѣевичъ † 1827. 38
Варвара Алексѣевна за Степ. Ив. Кологривовымъ. 38
Марія Алексѣевна 38
Екатерина Алексѣевна, † 1858. 38
Прасковья Алексѣевна, † 1860. 38
49. Дмитрій Ильичъ. 42
50. Сергѣй Ильичъ 42
Марія Павловна (отъ 1 брака), за княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ 46

*) Она приняла къ себѣ и воспитала дѣвушку Вѣру Ѳедоровну, которая была первою супругою д. с. с. Антона Александровича Скалона.

51. Павелъ Павловичъ, р. 1862 † 1871. 46
Наталія Павловна 46
52. Николай Сергѣевичъ, р. 1831 † 1852. Ж. Марья Никол. Рюмина. 47
53. Алексѣй Сергѣевичъ, д. с. с., р. 1832, † 1863. Ж. княжна Варвара Сергѣевна Голицына (во 2-мъ бракѣ за княземъ Андреемъ Александровичемъ Ливеномъ). 47
54. Сергѣй Сергѣевичъ, д. с. с., р. 1834. Ж. графиня Марія Ѳеодоровна Нессельроде (въ 1-мъ бракѣ была за Калерджи) 47
55. Александръ Сергѣевичъ, д. с. с., Подольскій губернаторъ, р. 1835 † 1877. Ж. Матильда Фелейзенъ (въ 1-мъ бракѣ была за Миллеромъ). 47
56. Павелъ Сергѣевичъ, р. 1840. Ж. княжна Екатерина Григорьевна Гагарина 47
57. Эммануилъ Сергѣевичъ, р. 1842. 47
58. Яковъ Сергѣевичъ, р. 1852 47
Елена Сергѣевна, † 1841. 47

X.

59. Алексѣй Алексѣевичъ 53
60. . . . . Алексѣевичъ 53
61. Алексѣй Александровичъ 55

*

Не вошли въ эту роспись:

1. *Алексѣй Ивановичъ*, дворянинъ Московскій (1692).
2. *Никифоръ Ильичъ*, дворянинъ Московскій (1692).
3. *Яковъ Мухановъ*, поруч. лейбъ-кампаніи, увол. въ отст. 21 Марта 1762.
4. *Мухановъ*, бригадиръ, правившій должность оберъ-прокурора Сената (1794), оберъ-прокуроръ (1795—1797).
5. *Мухановъ*, Казанскій губернаторъ, отрѣшенный отъ должности съ преданіемъ суду (П. С. З. XXVI, стр. 704).
6. *Евграфъ Терентьевичъ*, секундъ-маіоръ, предвод. дворянства въ Волчанскѣ (1790).
7. *Николай Терентьевичъ*, ген.-маіоръ, шефъ Московскаго мушкатерскаго полка; исключенъ изъ списковъ 20 Ноября 1808, какъ умершій отъ болѣзни.
8. Два *Муханова*, участвовавшіе въ кампаніи Суворова въ Италіи, оба какъ прапорщики мушкатерскаго Милорадовича (Апшеронскаго) полка: старшій убитъ при Нови 4 Августа 1799, а младшій безвѣстно пропалъ при Требіи 8 Іюня 1799.
9. *Василій Сергѣевичъ*, полковникъ. Ж. княжна Софія Васильевна Голицына, † 1844 (*Долгор.* I, стр. 303, дочь № 163).
10. *Павелъ Николаевичъ*, штаб. ротм., помощникъ исправника въ Бѣлгородѣ (1871—1872).
11. *Александръ Осиповичъ*, непремѣнный засѣдатель Бѣжецкаго уѣзднаго полицейскаго управленія (1871—1872).

Изъ воспоминаній принца Евгенія Виртембергскаго [1]).

Поѣздка въ Петербургъ въ 1825 году.

Тётушка моя, императрица Марія Ѳеодоровна, принимая живое участіе въ постигшемъ меня несчастіи [2]), настоятельно приглашала меня пріѣхать въ Петербургъ, чтобы развлечься и разсѣяться. Со стороны императора Александра послѣдовали также самыя лестныя увѣренія; Императрица сообщила мнѣ о нихъ и тѣмъ ускорила мой отъѣздъ. Но, видно, справедливо замѣчаютъ, что самыя пустяшныя мелочи сопровождаются нерѣдко важнѣйшими послѣдствіями. Въ Августѣ 1825 г. я натрудилъ себѣ ногу на охотѣ. Боль была сначала ничтожная, но потомъ усилилась до такой степени, что я нѣсколько недѣль пролежалъ въ постелѣ; а между тѣмъ срокъ отъѣзда моего приближался, мои домашніе заботливо ухаживали за мною, а матушка ни за что не хотѣла отпускать меня. Но я не послушался и съ перваго же дорожнаго ночлега долженъ былъ возвратиться назадъ: до такой степени у меня распухла нога. Лишь 19 Ноября получилъ я возможность (хотя боль въ ногѣ еще не совсѣмъ прошла), отправиться снова въ путь. Меня сопровождалъ полковникъ Молоствовъ [3]).

Въ Варшавѣ великій князь Константинъ Павловичъ, по обычаю своему, воевалъ съ призраками. Онъ насказалъ мнѣ ужасовъ о мятежномъ настроеніи Русскихъ войскъ и въ особенности гвардіи. Une fusée, jetée dans le régiment de Préobragensky, et tout est en flammes [4]), были подлинныя его слова.

— Своихъ я держу крѣпко (замѣтилъ онъ при этомъ); поэтому въ нихъ я увѣренъ.

Подозрительность Великаго Князя могла основываться на возстаніи Семеновскаго полка 1820 года. Полкъ этотъ былъ раскасированъ и набранъ вновь. За этимъ событіемъ послѣдовали и другіе менѣе

---

[1]) См. выше стр. 43.

[2]) Въ 1825 году скончалась первая супруга принца Евгенія Виртембергскаго, урожденная принцесса Вальдекская.

[3]) Впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебнаго округа. Онъ сохранилъ до конца пріязнь принца Виртембергскаго и скончался у него въ Силезіи.

[4]) Стоитъ кинуть брандеръ въ Преображенскій полкъ, и все воспламенится.

важные случаи въ арміи. Я давалъ нѣкоторую вѣру заявленіямъ Великаго Князя, принимая въ соображеніе перемѣну, которая произошла въ образѣ мыслей императора Александра, ненавистное учрежденіе военныхъ поселеній, возраставшее со времени Испанской революціи недовѣріе Государя къ войскамъ и принятыя вслѣдствіе того строгія взыскательныя мѣры.

Русскіе того времени имѣли основательную причину жаловаться на стѣсненія всякаго рода, которыя легче чувствуются, нежели устраняются. Но независимо отъ того, въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, были безпокойные люди, желавшіе воспользоваться смутою для собственныхъ честолюбивыхъ цѣлей; мнѣ казалось возможнымъ, что войнолюбивая и вообще недовольная армія легко можетъ протянуть руку подобнымъ людямъ, и я вторилъ отзывамъ Великаго Князя, забывая о непоколебимой вѣрности Русскаго солдата, который да проститъ мнѣ мое тогдашнее сомнѣніе, объясняемое долговременнымъ моимъ отсутствіемъ изъ Россіи [4]).

Великій Князь поручалъ мнѣ поговорить объ этомъ предметѣ съ Государемъ, и чтобы я непремѣнно прибавилъ, что въ Полякахъ своихъ онъ вполнѣ увѣренъ. Судьба не дала мнѣ случая исполнить это порученіе, и я бы не могъ его исполнить вполнѣ добросовѣстно, ибо мнѣ отчасти было извѣстно заблужденіе Великаго Князя относительно Поляковъ.

Мы тащились медленно, въ самое дурное время года, и Молоствовъ имѣлъ полную возможность изливать передо мною чувство негодованія, которымъ онъ исполнился въ Варшавѣ. Желчь его была особенно растревожена тѣмъ, что онъ слышалъ о военныхъ поселеніяхъ, о которыхъ онъ, какъ и всѣ Русскіе, говорилъ съ проклятіемъ на устахъ. Я старался умѣрить его злобу, поставляя ему на видъ, что Государь этимъ учрежденіемъ желалъ облегчить тяготу рекрутской повинности. По правдѣ же сказать, трудно въ нынѣшнее просвѣщенное время защищать и хвалить это насильственное подчиненіе мирнаго крестьянскаго быта пожизненной солдатчинѣ со всѣми ея лишеніями и суровостью. Благодаря чудовищному предразсудку, обыкновенно мирятся съ этими темными сторонами военнаго быта, какъ съ необходимымъ зломъ; но и въ большинствѣ высшія власти почти во всѣхъ государствахъ стараются ослабить это зло болѣе человѣколюбивымъ обращеніемъ; въ Россіи же вся эта часть остается еще въ первоначальномъ, ужасномъ видѣ, и мѣры богопротивной жестокости лицемѣрно оправдываются яко бы исполненіемъ долга и вѣрностью насильственной присягѣ [5]). Но какъ же быть государю, который со-

---

[4]) Принцъ Евгеній, герой 1812—1814 годовъ и потомъ командиръ перваго армейскаго корпуса, въ 1821 году отъѣхалъ въ чужіе края, но продолжалъ числиться генераломъ-адъютантомъ Александра Павловича.

[5]) Писано гораздо раньше нынѣшняго благословеннаго царствованія, которымъ человѣколюбіе введено и въ суровую область военнаго быта. Принцъ Евгеній († 1857) не дожилъ до этого великаго преобразованія въ Русскихъ войскахъ.

знаётъ зло, а между тѣмъ не можетъ разомъ его уничтожить, поставленный политическими условіями въ необходимость держать большое войско и обязанный щадить многіе частные интересы. Такой государь, подобно Александру, постарается разложить бремя на бо̀льшее число плечъ, дабы каждому плечу было полегче.

Молоствовъ никакъ не хотѣлъ согласиться съ моими доводами. Онъ не могъ отрицать, что рекрутчина и соединенная съ нею двадцатипятилѣтняя обязательная служба представляютъ собою великое зло; но по словамъ его Россія, въ теченіи ста лѣтъ, успѣла привыкнуть къ этому злу, въ солдаты большею частью отдаются люди, которые по разнымъ причинамъ ненужны землѣ или даже въ тягость ей, и потому судьба ихъ не такъ ужасна, какъ я изображалъ ее. Такого рода люди (говорилъ Молоствовъ), облекаясь солдатскою шинелью и вступая въ совершенно новую для нихъ сферу жизни, скоро привыкаютъ къ ней; полкъ становится для нихъ второю родиною и, благодаря навыку къ рабству, они выносятъ тяготу военнаго быта съ тою же легкостью, съ какою суетная свѣтская молодежь ежедневно лишаетъ себя разныхъ удобствъ, раболѣпно подчиняясь предписаніямъ господствующей моды. Между тѣмъ надо знать всю обстановку военныхъ поселеній, чтобы придти въ ужасъ отъ тамошнихъ жестокостей: цѣлыя сотни мужиковъ прогоняются сквозь строй и засѣкаются на смерть, такъ что человѣколюбивому нѣкогда Александру нечего удивляться, коль скоро подданные произносятъ его имя съ наболѣвшею горечью.

Я конечно не могъ защищать образъ дѣйствій Государя и происшедшую за послѣдніе годы перемѣну въ его умонастроеніи. На мой взглядъ, фанатики-мечтатели, воображавшіе дѣлать угодное Спасителю пролитіемъ крови людей, которые разно съ ними вѣровали въ Него, принадлежатъ къ тому же разряду изверговъ, которые изъ-за политическаго разномыслія казнили гильотиною своихъ собратій. И тѣ и другіе заслужили себѣ проклятіе потомства. Но несвободны отъ упрека и люди, которые, будучи одушевлены въ сущности благими побужденіями, не устояли противъ соблазна безграничнаго произвола.

Такъ разсуждали мы утромъ 19 Ноября 1825 года. Солнце подымалось, окрашивая небо кровавымъ цвѣтомъ. Мнѣ казалось, что это зрѣлище возбудительно дѣйствовало на моего спутника, который изливалъ передо мною свою переполненную страстію душу. Особенно нападалъ онъ на Константина Павловича. Молоствовъ вовсе не принадлежалъ къ людямъ, увлекающимся побочными соображеніями. Онъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы дѣйствовать вопреки своего долга и совѣсти. Я слушалъ его, и невольно овладѣвалъ мною страхъ при мысли о томъ, что̀ если опасности, которыми пугалъ себя Государь и о которыхъ твердилъ мнѣ Великій Князь въ Варшавѣ, принадлежатъ къ дѣйствительности, а не изобрѣтены только подозрительнымъ воображеніемъ.

Ночью 23 Ноября прибыли мы въ Петербургъ и остановились въ гостинницѣ, такъ какъ во дворецъ было въѣзжать уже поздно. Вскорѣ ко мнѣ явился камерлакей съ приглашеніемъ отъ тётушки явить-

ся къ ней на слѣдующее утро. Этотъ дворцовый служитель довольно спокойно сообщилъ мнѣ, что изъ Таганрога получено извѣстіе о легкомъ нездоровьи Государя.

На другой день рано утромъ я поѣхалъ къ Императрицѣ. Я ждалъ трогательной сцены и скорбныхъ изъявленій по поводу понесенной мною страшной утраты; но тётушка лишь слегка коснулась моего горя, не будучи въ состояніи преодолѣвать въ себѣ ощущенія, относившіяся къ тогдашней минутѣ. Она заботливо сказала: «Мнѣ кажется, что обстоятельства важнѣе, нежели думаютъ. Не будь опасности, Вилье не сталъ бы писать: «Мы питаемъ наилучшія надежды». Мнѣ извѣстно, что Государь никогда не бывалъ боленъ опасно».

Тутъ я узналъ, что въ Крыму онъ простудился и схватилъ лихорадку.

Другія лица, которыхъ посѣтилъ я, и именно великій князь Николай Павловичъ, выражались гораздо менѣе тревожно и, судя по офиціальнымъ извѣстіямъ, я считалъ опасенія тётушки преувеличенными.

Спокойствіе въ отзывахъ о болѣзни Государя проистекало вовсе не изъ недостатка участія. Вообще порицали новую его систему управленія, но въ большинствѣ не умалялась личная къ нему приверженность. Передавались разсказы о человѣколюбіи и возвышенныхъ чувствахъ, которыя проявилъ онъ по случаю большаго наводненія 1824 года. Своими дѣйствіями во время этого бѣдствія онъ опять заставилъ всѣхъ полюбить себя.

Событія быстро слѣдовали одно за другимъ, мѣшая отмѣчать въ памяти числовыя данныя; но кажется мнѣ, что на третій день послѣ моего пріѣзда прискакалъ новый курьеръ изъ Таганрога съ извѣстіемъ, что болѣзнь Государя значительно ухудшилась. Лихорадка въ тамошнихъ мѣстахъ и въ дурное время года не могла быть болѣзнью легкою. Привезенныя изъ Таганрога донесенія врачей и письма императрицы Елисаветы содержаніемъ своимъ усилили общую заботу. Я былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго зрѣлища: народъ отовсюду повалилъ въ церкви молиться о здоровьи Государя. Всѣ мысли сосредоточились на одномъ предметѣ, и въ общемъ напряженіи умовъ пропадало всякое личное соображеніе. На Императрицу было тяжело смотрѣть. Постигая все значеніе предстоявшей опасности, она усиливалась сохранять свое обычное достоинство и величіе, но изнемогала подъ бременемъ ощущеній.

Великій князь Николай, сначала повидимому относившійся легко къ приходившимъ извѣстіямъ, теперь, при мысли о возможной кончинѣ Государя, не въ силахъ былъ воздерживаться отъ слезъ. Все кругомъ плакало. Рѣдко случалось мнѣ быть свидѣтелемъ такой тревоги и самому столь живо ощущать ее. Къ моимъ тогдашнимъ чувствамъ примѣшивалось столько яркихъ воспоминаній [6])!

---

[6]) Отношенія принца Евгенія къ императору Александру Павловичу отличались неопредѣлительностью. По отзывамъ и намекамъ принца, встрѣчающимся въ его Воспоминаніяхъ, должно заключать, что Государь имѣлъ какіе-

На слѣдующій день пришли извѣстія нѣсколько успокоительныя. Писали, что Государь былъ очень нездоровъ, но что въ болѣзни наступилъ благопріятный переломъ. Судя по его крѣпкому тѣлосложенію, позволительно было предаваться надеждѣ; въ этомъ смыслѣ писала и императрица Елисавета. По церквамъ пѣли благодарственные молебны, радостью наполнились сердца, и все пришло въ обычный порядокъ.

27 Ноября (9 Декабря), если память мнѣ не измѣняетъ, было опять молебствіе въ церкви зимняго дворца. Императрица-мать, великій князь Николай, его супруга и я стояли одни въ особомъ помѣщеніи, отдѣленномъ отъ остальнаго пространства церкви [7]). Императрица и Великая Княгиня стояли лицами къ алтарю, Великій Князь прислонился спиною къ стеклянной входной двери, я стоялъ противъ него и сквозь дверь глядѣлъ въ коридоръ, которымъ церковь соединяется съ дворцовыми покоями.

Молебенъ кончался, когда я увидѣлъ въ коридорѣ военнаго губернатора гр. Милорадовича, блѣднаго и смущеннаго. Онъ кивалъ мнѣ головою. Я тотчасъ вынулъ носовой платокъ изъ кармана, сдѣлалъ видъ, будто у меня потекла кровь изъ носу и, направляясь къ выходу, тихонько тронулъ Великаго Князя. Онъ быстро повернулся, замѣтилъ графа Милорадовича, опрометью выбѣжалъ изъ церкви и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ [8]).

Чувствуя боль въ ногѣ, я не могъ поспѣть за ними, но когда я дошелъ до третьей комнаты, Великій Князь встрѣтилъ меня восклицаніемъ: Tout est perdu! (все погибло). Онъ плакалъ, держа въ рукѣ письмо. Съ нимъ были гр. Милорадовичъ, генералъ Шульгинъ и фельдъегерь, привезшій извѣстіе о кончинѣ Государя, послѣдовавшей 19 Ноября въ Таганрогѣ. Пораженный скорбью Великій Князь сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ и заклиналъ, чтобъ я взялся передать ужасное извѣстіе тётушкѣ; но я чувствовалъ себя не въ состояніи исполнить это порученіе. Когда я добрался назадъ въ ризницу, въ ней было уже множество людей. Императрица стояла на колѣняхъ и судорожно ломала себѣ руки. Опередившій меня Великій Князь бросился къ ногамъ ея. Она обняла его, и тутъ только потоки слезъ хлынули изъ глазъ ея и облегчили ей сердце.

Всѣ присутствующіе были внѣ себя. Выраженіе ужаса было написано на лицахъ. Дверь въ ризницѣ раскрыли, можно сказать, силою, и императорская моленная переполнилась. Къ Императрицѣ приблизился священникъ и далъ ей поцаловать крестъ. Съ обѣихъ сторонъ

то особенные, личные поводы оставлять въ тѣни его воинскія заслуги, хотя выражалъ ему словесно свою признательность. Не имѣло ли тутъ вѣсу предпочтеніе, которое оказывалъ принцу фельдмаршалъ князь Кутузовъ?

[7]) Это ризница большой церкви Зимняго дворца, соединенная дверью съ алтаремъ съ сѣверной, лѣвой стороны. Изъ нея можно слышать богослуженіе, не показываясь находящимся въ церкви.

[8]) Въ книгѣ барона Корфа излагается, что Великій Князь вышелъ изъ ризницы по знаку, который ему далъ камердинеръ Гриммъ.

цаловали у нея руки и орошали ихъ слезами. Картина была потрясающая. Я самъ находился подъ впечатлѣніемъ ужаса и скорби.

Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ я помогъ тётушкѣ подняться на ноги. Она оперлась на меня, какъ вдругъ Великій Князь повлекъ меня отъ нея прочь, сказавъ: Allons prêter serment (Пойдемъ присягать). Онъ взялъ меня за руку и длиннымъ рядомъ комнатъ привелъ на противоположный конецъ зданія, въ другую дворцовую церковь [9]).

Священникъ прочелъ что-то, и Великій Князь занесъ свое имя въ книгу, гдѣ написана была присяга императору Константину Первому. Я подписался вслѣдъ за Великимъ Княземъ, потомъ стали подходить и подписываться всѣ, кто былъ въ церкви.

До сихъ поръ я сообщалъ что̀ самъ видѣлъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется для полноты разсказа передавать и то, что̀ мною слышано отъ другихъ, и такимъ образомъ я уже не могу поручиться за строгую точность передаваемаго.

Въ то время затруднительность положенія была еще совершенно мнѣ неизвѣстна. Я подозрѣвалъ въ Константинѣ Павловичѣ нежеланіе царствовать, но объ его отреченіи я ничего не вѣдалъ. Въ тотъ же день узналъ я, не отъ тётушки и не отъ Великаго Князя, а отъ нѣкоторыхъ сановниковъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ недовольны поспѣшностью присяги, и что члены онаго заявили Николаю Павловичу о существованіи акта, коимъ великій князь Константинъ отрекается отъ наслѣдія[10]); что кромѣ того есть манифестъ покой-

[9]) Этотъ рѣшительный шагъ Николая Павловича, какъ извѣстно, повлекъ за собою всѣ остальныя событія тѣхъ необыкновенныхъ дней и имѣлъ величайшее значеніе въ Русской исторіи. Не допуская мысли, чтобы престолъ Русскій оставался хотя на нѣсколько часовъ празднымъ, онъ, еще за сутки, говорилъ товарищу своего дѣтства, нынѣ графу В. Ѳ. Адлербергу, что, въ случаѣ кончины Государя, «по первому извѣстію, надобно будетъ тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину» (Корфъ, Восшествіе на престолъ, изд. 3-е, стр. 47). Слѣдовательно, рѣшеніе Великаго Князя было твердо и заранѣе обдумано. Въ волненіи горя, престарѣлая Императрица-мать не успѣла ему передать о существованіи государственныхъ актовъ, которые хранились въ Государственномъ Совѣтѣ за печатью и съ надписью покойнаго Государя: «въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другаго дѣйствія»; а участникъ въ начертаніи этихъ актовъ, князь А. Н. Голицынъ находился въ это время въ Александро - Невской Лаврѣ на молебствіи о здоровьи Александра Павловича и когда пріѣхалъ въ Зимній дворецъ, присяга императору Константину была уже произнесена многими лицами.—Въ изложеніи событія память нѣсколько измѣнила принцу Евгенію: Великій Князь дѣйствительно повелъ его въ малую дворцовую церковь, но узнавъ, что она послѣ передѣлокъ не освящена, возвратился въ большую, гдѣ оставался еще священникъ послѣ молебствія, и тутъ онъ присягнулъ сначала одинъ, а потомъ уже позвалъ къ присягѣ ближайшихъ къ себѣ людей (сл. Сочиненія Жуковскаго, изд. 1868—1869 г. томъ VI, стр. 395).

[10]) О томъ что̀ происходило въ Государственномъ Совѣтѣ 27 Ноября 1825 составилъ особую записку тогдашній государственный секретарь А. Н. Оле-

наго Государя, подписанный 16 Августа 1823 года, и на основаніи Константинова отреченія предоставляющій наслѣдіе великому князю Николаю, и что поэтому принадлежность престола сему послѣднему находится внѣ всякаго сомнѣнія. Великій Князь возражалъ на это, что онъ не приметъ правленія, пока старшій братъ не возобновитъ своего отреченія и въ подтвержденіе словъ своихъ распорядился о немедленномъ продолженіи присяги, которая скоро и была принесена во всѣхъ министерствахъ, войскахъ и другихъ учрежденіяхъ, не смотря на то, что въ Государственномъ Совѣтѣ и, какъ сказывали мнѣ, даже и въ Сенатѣ, было говорено, что Николай Павловичъ, въ качествѣ Великаго Князя, никѣмъ не уполномоченъ къ такому распоряженію. Теченіе дѣлопроизводства по всѣмъ вѣдомствамъ направилось въ Варшаву.

Нѣтъ сомнѣнія, что поспѣшность эта была внушена Великому Князю его благороднымъ сердцемъ. Я самъ въ то время считалъ это распоряженіе вполнѣ естественнымъ и достойнымъ похвалы, такъ какъ можно было предполагать, что въ 1823 году Константинъ Павловичъ подписалъ отреченіе лишь для того, чтобы получить согласіе на свой бракъ. Теперь я конечно не раздѣляю этого предположенія, но оно могло придти на мысль Николаю Павловичу и возвышаетъ нравственную цѣну его тогдашнихъ дѣйствій.

При другихъ обстоятельствахъ, разумѣется, было бы всего лучше немедленно объяснить народу истинное положеніе дѣла и объявить, что будетъ установлено временное правительство, покамѣстъ Константинъ Павловичъ не выскажетъ своего рѣшенія. Говорятъ, что такая мѣра и была предложена; но ее отвергли, потому что Николай Павловичъ не желалъ, чтобы законный по его мнѣнію Государь поставленъ былъ въ необходимость считать себя чѣмъ либо ему обязаннымъ, тогда какъ онъ исполнилъ только свой долгъ.

Несомнѣнно, что вся неясность произошла только отъ того, что отреченіе Константина Павловича не было обнародовано при жизни покойнаго Государя. Тогда опасались такимъ оповѣщеніемъ поставить Константина Павловича въ неловкое положеніе передъ народомъ; но въ виду общаго государственнаго блага слѣдовало пожертвовать этимъ соображеніемъ.

Николай Павловичъ, замѣчая, что дворъ склоненъ въ его пользу, тѣмъ настойчивѣе торопилъ присягою Константину тѣхъ лицъ и тѣ учрежденія, которыя еще не приносили оной. Въ моемъ присутствіи доложили ему, что многіе изъ императорской свиты еще не присягали. Я состоялъ старшимъ свитскимъ генераломъ, и онъ приказалъ, чтобы генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты явились ко мнѣ и подъ моимъ предводительствомъ, въ полномъ составѣ, присягнули

пинъ. Эта записка, къ сожалѣнію сохранившаяся безъ конца, или можетъ быть и не законченная самимъ авторомъ, напечатана въ 20 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. При чтеніи ея невольно вспоминается восшествіе на престолъ императрицы Екатерины I-й и старинная пословица: «меньшой за большаго хоронится».

императору Константину. Еще недостаточно знакомый со всѣми побочными обстоятельствами, я не находилъ ничего особеннаго въ этой мѣрѣ, но она возбудила неблагопріятное толкованіе. Во первыхъ, многимъ пришлось присягать вторично; потомъ другъ мой и бывшій товарищъ по оружію, князь Трубецкой, старшій генералъ-адъютантъ [11]), разъяснилъ мнѣ, что адъютанты Государя не имѣютъ ничего общаго съ генералами свиты и подчинены единственно начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Я конечно отвѣчалъ, что ничего этого не знаю и исполняю только приказанное мнѣ Великимъ Княземъ.

Это незначительное обстоятельство вѣроятно и дало поводъ къ подозрѣнію, будто я домогаюсь какого-то особеннаго вліянія на будущаго Государя, и коль скоро о томъ довели до свѣдѣнія начальника Главнаго Штаба, генералъ-лейтенанта барона Дибича, находившагося тогда въ Таганрогѣ, то мнѣ стало вполнѣ понятно, какъ этотъ слухъ долженъ былъ озаботить его. Честные люди пропустили его мимо ушей; такъ наприм. генералъ Васильчиковъ, самъ членъ Государственнаго Совѣта, вполнѣ откровенно передавалъ мнѣ подробности о состояніи дѣлъ; но были и злостные клеветники, которые воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы вредить мнѣ.

Если и дѣйствительно въ то время питалъ я какія либо честолюбивыя надежды, то достигнуть исполненія ихъ помѣшала бы моя дипломатическая неумѣлость. Ничего подобнаго не было у меня въ мысляхъ; напротивъ, я поѣхалъ въ Петербургъ съ затаеннымъ намѣреніемъ уговорить Императрицу, чтобы она устроила мнѣ полное увольненіе изъ Русской службы. Теперь сталъ я замѣчать нѣкоторыя враждебныя заявленія; мнѣ довелось услышать неблагопріятные отзывы о Великомъ Князѣ и даже о моей тётушкѣ. Во всякомъ случаѣ ихъ обращеніе со мною, ближайшимъ родственникомъ и вѣрнѣйшимъ приверженцемъ, должно было удивлять меня; да и вообще не могъ же я затыкать себѣ уши и не слышать того, что̀ хотя произносилось шепотомъ, однако все-таки было внятно.

Отъ многаго движенія предшествующихъ дней больная нога моя значительно растревожилась. Императрица и Великій Князь навѣщали меня ежедневно, но о событіяхъ хранили самое тщательное молчаніе. Я принималъ также важнѣйшихъ сановниковъ, которые передавали мнѣ городскія новости и разнорѣчивыя ихъ толкованія. Одни считали, что Константинъ одумается и прельстится державною властью; другіе выражали увѣренность, что рѣшеніе его безповоротно и ожидали воцаренія Николая. Немногіе съ таинственною довѣренностью передавали мнѣ, что правленіе можетъ перейти къ Императрицѣ-матери. Меня спрашивали, какъ поступлю я въ такомъ случаѣ, и я съ негодованіемъ отвѣчалъ, что тутъ голосъ мой долженъ оставаться не при чѣмъ. Мнѣ намёкали, что оба сына, въ нерѣшимости своей, предложатъ ей принять бразды правленія.

---

[11]) Князь Василій Сергѣевичъ.

Между тѣмъ курьеры продолжали безпрерывно скакать изъ Петербурга въ Варшаву и обратно. Оттуда пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ и былъ тотчасъ посланъ обратно. Сколько мнѣ извѣстно, на пути своемъ онъ получилъ отъ Константина приказаніе возвратиться въ Петербургъ [12]).

10-го Декабря отреченіе Константина было для меня уже несомнѣнно. Около этого времени, оправившись въ здоровьи, я началъ снова выходить изъ дому и однажды утромъ встрѣтилъ въ пріемной у Императрицы графа Милорадовича. Онъ шепнулъ мнѣ таинственно: «Боюсь за успѣхъ дѣла, гвардія очень привержена къ Константину».

— О какомъ успѣхѣ говорите вы? возразилъ я удивленно. Я ожидаю естественнаго перехода престолонаслѣдія къ великому князю Николаю, коль скоро Константинъ будетъ настаивать на своемъ отреченіи. Гвардія тутъ не при чемъ.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ графъ, ей бы не слѣдовало тутъ вмѣшиваться, но она испоконъ вѣку привыкла къ тому и сроднилась съ такими понятіями.

Эти достопримѣчательныя слова произнесъ самъ военный губернаторъ Петербурга, а потому они имѣли особое значеніе въ моихъ глазахъ [13]). Я упрашивалъ его сообщить, что̀ имъ замѣчено; но онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то положительнаго приказанія. Я тотчасъ же доложилъ объ немъ тётушкѣ. Она приняла его, а я цѣлые два часа продежурилъ въ ея пріемной. Признаюсь, подобныя отношенія только умножали во мнѣ чувство недовольства, и тутъ-то я окончательно далъ себѣ слово покинуть эту сцену, лишь только послѣдуетъ развязка драмы. Для меня понятнѣе былъ образъ дѣйствій великаго князя Николая: онъ не находился въ такой близости ко мнѣ, какъ Императрица, а потому я имѣлъ менѣе правъ на его довѣріе. Однажды я заговорилъ съ нимъ о престолонаслѣдіи, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «Nous avons prêté serment, nous savons à qui obéir» [14]). На мое возраженіе, что отреченіемъ Константина передается престолъ ему, онъ отвѣчалъ: «J'obéirai à ses ordres et à mon devoir; et à ce qui vous regarde, Eugène, je compterai toujours sur votre amitié.—Disposez de moi dès cette heure comme de votre aide-de-camp [15]), сказалъ я на это. Послѣ этихъ словъ онъ горячо меня обнялъ.

---

[12]) Объ этомъ приказаніи ничего не говорится въ книгѣ барона Корфа. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ утромъ 3-го Декабря, изъ Варшавы, гдѣ старшій братъ объявилъ ему о своемъ отреченіи отъ престола, и уѣхалъ обратно въ Варшаву подъ вечеръ 5-го Декабря; но на пути остановился въ Ненналѣ (въ Дерптскомъ уѣздѣ), гдѣ и дожидался, чѣмъ кончится переписка между его державными братьями, а въ Петербургъ прибылъ утромъ 14-го Декабря, когда воцареніе Николая Павловича было рѣшено.

[13]) Въ книгѣ барона Корфа сказано, что графъ Милорадовичъ успокоивалъ великаго князя Николая Павловича на счетъ совершенной тишины въ городѣ.

[14]) «Мы присягнули, мы знаемъ, кому повиноваться».

[15]) «Я буду повиноваться его приказаніямъ и моему долгу; что̀же касается до васъ, Евгеній, то я всегда стану разсчитывать на вашу дружбу».—«Съ этой минуты располагайте мною, какъ вашимъ адъютантомъ».

Вечеромъ 13 Декабря меня неожиданно потребовала къ себѣ Императрица. Какъ она, такъ и дамы, ее окружавшія, были въ бѣлыхъ платьяхъ, и это одно уже заставляло меня предчувствовать наступленіе важныхъ событій. Она подозвала меня къ себѣ, поцаловала и кротко улыбаясь шепнула:

— Мы невластны передавать чужія тайны! Николай — Императоръ! Въ три часа ночи онъ тебѣ самъ разскажетъ, что̀ у него на душѣ.

Я схватилъ ея руку, горячо прижалъ ее къ губамъ и оросилъ слезами. Всѣ сомнѣнія мои разсѣялись, и образъ ея снова занялъ прежнее свое мѣсто въ моемъ сердцѣ.

Въ назначенный часъ я явился къ новому Императору, и онъ, вкратцѣ описавъ всѣ уже извѣстныя обстоятельства, произнесъ слѣдующія слова, которыя передаю въ точномъ переводѣ:

— Милый Евгеній, покойный Императоръ былъ намъ обоимъ повелитель; мы, подъ его властью, были друзьями и братьями и такими останемся. Для тебя я не Императоръ, не называй меня величествомъ; я требую во всѣхъ случаяхъ полнаго твоего довѣрія и сейчасъ же хочу имъ воспользоваться.

Я отвѣчалъ, «что онъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ вполнѣ расчитывать на мою преданность, но что я умѣю соблюдать и формы».

— Что̀ ты мнѣ теперь посовѣтуешь?

— Не дѣлать никакихъ перемѣнъ по министерствамъ, все оставить въ прежнемъ видѣ.

— Совершенно моя мысль! Вотъ тебѣ рука моя!

Затѣмъ онъ прочелъ мнѣ свой манифестъ гвардіи. Онъ жаловалъ ей старые мундиры Александра. Онъ и слышать не хотѣлъ моихъ словъ о наградахъ и повышеніяхъ. «Это будетъ имѣть видъ, какъ будто-бы я хочу снискивать ихъ расположенія», сказалъ онъ и прибавилъ, что манифестъ уже разосланъ.

Съ разсвѣтомъ вся свита новаго Императора собралась къ нему и, послѣ его краткой, но энергической рѣчи, всѣ поспѣшили въ залы Главнаго Штаба, гдѣ должны были принести присягу генералы и офицеры корпусовъ, не квартирующихъ въ Петербургѣ. Войскамъ же Петербургскимъ велѣно присягать въ своихъ казармахъ.

По окончаніи этой церемоніи, я отправился поздравить обѣихъ Императрицъ, встрѣтилъ у нихъ графа Милорадовича, которому дружески пожалъ руку и, въ ожиданіи молебна, назначеннаго въ часъ по полудни, вернулся въ свою комнату, чтобы написать письмо къ матушкѣ.

Было около половины перваго, когда ко мнѣ вошелъ Молоствовъ, и я съ удивленіемъ спросилъ его: «Какъ! Уже пора?»

При этомъ взоръ мой упалъ на дворцовую площадь, по которой проходили отдѣльныя группы солдатъ со знаменами. Вокругъ нихъ тѣснились несмѣтныя толпы народа, изъ среды котораго вылетали оглушительные крики. Я былъ окончательно пораженъ, увидавъ какого-то штабъ-офицера, который соскочилъ съ саней, снялъ киверъ и показывалъ на головѣ кровавыя раны.

Тутъ Молоствовъ сообщилъ мнѣ, что въ Московскомъ гвардейскомъ полку вспыхнулъ бунтъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ поѣхалъ туда, а самъ Императоръ находится на дворцовой площади среди народа.

Немедленно надѣлъ я парадную форму и сбѣжалъ съ лѣстницы. Дорогой повстрѣчался мнѣ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, и мы вмѣстѣ протѣснились къ молодому Императору, который, окруженный густой толпой народа, самъ объяснялъ ему въ чемъ дѣло и показывалъ манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ. Хотя эта масса проявляла восторгъ и преданность, тѣмъ не менѣе присутствіе среди нея Императора казалось небезопаснымъ. Я шепнулъ ему на ухо: Sire, daignez ménager votre personne! Mettez-vous à cheval [16])! Трубецкой также сказалъ ему о необходимости быть осторожну. Императоръ тотчасъ приказалъ привести себѣ коня; въ одну минуту онъ былъ поданъ какъ ему, такъ и дежурному генералъ-адъютанту Левашову. Еще не садясь въ сѣдло, Николай Павловичъ пожалъ мнѣ руку, прижалъ къ своей груди и сказалъ: «Береги мнѣ матушку, жену и дѣтей».

— Куда же вы? спросилъ я съ удивленіемъ.

— На Сенатскую площадь лично переговорить съ бунтовщиками. Они тамъ собрались!

— Сохрани Боже! И ужели я допущу васъ одного подвергаться опасности?

— Меня защититъ Богъ!

— Я не могу васъ оставить одного. Не требуйте этого—это былобы съ моей стороны безчестно. Что мнѣ дѣлать во дворцѣ съ женщинами? Была-бы тамъ опасность—другое дѣло; но я вижу, что вы сами ее вызываете, рѣшаясь на отчаянное предпріятіе.

— Ну! вскричалъ Императоръ съ горячностію и нетерпѣніемъ, такъ пріѣзжай ко мнѣ тогда, когда примешь всѣ мѣры къ охраненію дворца.

Это порученіе меня озадачило. Я тотчасъ же пошелъ большими воротами къ караулу Финляндскаго гвардейскаго полка, который находился внутри двора и выступилъ впередъ. Здѣсь я встрѣтилъ полковаго командира, генералъ-маіора Воропанова, который заявилъ мнѣ, что хотя вполнѣ можно полагаться на преданность Императору его подчиненныхъ, тѣмъ не менѣе, по малочисленности своей, они будутъ не въ состояніи оборонять дворецъ. Между тѣмъ подошелъ Петербургскій комендантъ, генералъ Башуцкій и сообщилъ, что сейчасъ подойдетъ въ подкрѣпленіе дворцовому караулу гвардейскій саперный баталіонъ, котораго Николай Павловичъ до сего времени былъ шефомъ. Тогда я предложилъ заградить маленькіе подъѣзды, которыхъ такъ много въ зимнемъ дворцѣ и поставить у нихъ наблюдательные посты, крѣпко же занять одни главные ворота. Такъ какъ генералъ Башуцкій былъ коротко знакомъ съ мѣстностью, то я возложилъ это порученіе на него, и онъ обѣщалъ исполнить его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Принявъ на всякій случай эти мѣры предосторожности, я

[16]) «Государь, извольте позаботиться о вашей безопасности. Садитесь на лошадь».

тутъ только рѣшился произнести странный съ моей стороны и даже унизительный для меня вопросъ: «Да чтожъ собственно происходитъ?» Многіе изъ окружавшихъ меня офицеровъ знали столько же, какъ и я; другіе выражались въ общихъ словахъ, что-де въ Московскомъ полку солдаты не вѣрятъ отреченію Константина Павловича и отказываются присягнуть Николаю. Генералъ Воропановъ, однакожъ, зналъ больше, чѣмъ его офицеры. Онъ сообщилъ, что большинство людей означеннаго полка, открыто возмутившись, заняли Сенатскую площадь и явно возбуждаютъ народъ противъ Николая. Мнѣ передали также, что въ казармахъ уже ранены генералы Фридрихсъ и Шеншинъ, а на площади военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, раненъ смертельно. «Господи Боже мой!» воскликнулъ я, «Императоръ тамъ, а я еще здѣсь! Гдѣ моя лошадь?» Я попросилъ Молоствова позаботиться, чтобъ мнѣ какъ можно скорѣе привели ее. Въ суматохѣ это не такъ-то легко было сдѣлать, и я успѣлъ еще навѣстить караулы кавалергардскаго и конногвардейскаго полковъ, находившіеся въ верхнихъ покояхъ дворца. Въ передней Императрицы-матери караульнымъ начальникомъ былъ какъ нарочно поручикъ князь Долгорукій, котораго я лично зналъ и который завѣрилъ меня, что ему неизвѣстно что̀ происходитъ, но что онъ ручается за безопасность императорской фамиліи до тѣхъ поръ, пока въ жилахъ его и его кирасировъ будетъ оставаться капля крови.

Затѣмъ я отправился къ Императрицѣ, находившейся вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ и великой княжной Маріей въ комнатѣ у тётушки.

Сія послѣдняя встрѣтила меня вспыльчивымъ упрекомъ: «Что̀ ты здѣсь дѣлаешь? Почему ты не при Императорѣ?»

Я съ трудомъ могъ ее успокоить и объяснить ей, какое на меня возложено порученіе; но потомъ и самъ я прибавилъ тономъ обиженнаго: «Вотъ послѣдствія вашей скрытности по отношенію къ преданному родственнику, на котораго въ настоящую минуту Императоръ и вы всѣ могли-бы болѣе всего положиться, но который самъ бродитъ въ потемкахъ, не знаетъ о чемъ идетъ рѣчь, что̀ ему дѣлать, и готовъ даже думать, что дѣйствуетъ не совсѣмъ добросовѣстно, слѣдуя слѣпо лишь голосу сердца».

Императрица возразила:

— Горсть обманутыхъ людей сомнѣвается въ подлинности манифеста.

— Только-то! замѣтилъ я. Ну, такъ ихъ вразумятъ; но припомните слова графа Милорадовича, павшаго сегодня первой жертвой мятежа! Не вся-ли гвардія заражена мятежнымъ духомъ, и нѣтъ-ли какой-нибудь другой сокровенной причины всему этому?

— Кто смѣетъ думать о чемъ-нибудь подобномъ? вскричала внѣ себя Императрица.

— Вамъ все представляется въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, съ горечью замѣтила молодая Императрица.

И тутъ опять я очутился въ роли неловкаго дипломата.

— Ну, какъ-бы тамъ ни было, отвѣчалъ я, хватаясь за ручку двери, но я поспѣшу къ Императору!

— Благослови тебя Богъ! проговорили мнѣ во слѣдъ.

Я уже рѣшился было отправиться пѣшкомъ, но къ счастію въ это время подоспѣла давно ожидаемая лошадь. Я вскочилъ въ сѣдло и въ нѣсколько минутъ очутился вблизи Императора, стоявшаго между деревянной изгородью, которою было обнесено мѣсто, гдѣ строился Исакіевскій соборъ, и Адмиралтействомъ, т. е. передъ самою Сенатскою площадью, лицомъ къ статуѣ Петра Великаго. Между статуей и зданіемъ Сената стояло фрунтомъ къ Адмиралтейству человѣкъ около 500 солдатъ. Среди нихъ суетливо шныряли какіе-то люди, одни въ военныхъ мундирахъ, другіе въ партикулярномъ платьѣ, но тоже большею частію вооруженные; передъ ними же находилась густая толпа народа изъ всѣхъ сословій, наполнявшая собою всю площадь и ближайшія улицы. Вокругъ Императора находились пѣшкомъ почти весь дипломатическій корпусъ, всѣ его адъютанты и нѣкоторые генералы, не успѣвшіе захватить себѣ лошадей. Верхами были, кромѣ Императора и генерала Левашова, только лица, бывшія адъютантами Николая Павловича, когда онъ былъ Великимъ Княземъ, и въ томъ числѣ Адлербергъ, Кавелинъ, Делингсгаузенъ и Лазаревъ; они усердно переѣзжали съ мѣста на мѣсто и привозили извѣстія. Изъ войскъ непосредственно позади Императора стоялъ 1-й батальонъ Преображенскаго полка; правѣе, вдоль Адмиралтейства, выстроился развернутымъ фронтомъ, лицомъ къ мятежникамъ, конногвардейскій полкъ, подъ командой генерала Алексѣя Орлова. Кромѣ того въ это самое время приближался уже отъ дворцовой площади генералъ Бенкендорфъ съ кавалергардскимъ полкомъ, а за нимъ слѣдовали конные піонеры подъ командой полковника Заса. Вскорѣ потомъ прибылъ и великій князь Михаилъ Павловичъ во главѣ части Павловскаго и большей части Московскаго полковъ. Сей послѣдній былъ только-что возвращенъ къ долгу, благодаря геройскому мужеству и замѣчательному присутствію духа Великаго Князя [17]).

Въ ту минуту, какъ я подъѣхалъ къ Императору, онъ разговаривалъ съ однимъ офицеромъ конно-егерскаго полка, Якубовичемъ, который, держа руку подъ козырекъ, почтительно отвѣчалъ на вопросы Государя; но тѣмъ не менѣе выраженіе на лицѣ его было таково, что вѣрить ему не хотѣлось. Голова его, подъ шляпой съ перомъ, была повязана надвинутымъ на лобъ платкомъ, чернаго цвѣта, почти такого же какъ цвѣтъ его волосъ; черные усы и бакенбарды еще болѣе омрачали и безъ того мрачныя и энергическія черты его смуглаго лица, а острый проницательный взглядъ заставлялъ предполагать въ немъ страстнаго, мстительнаго человѣка, и я готовъ былъ видѣть въ немъ убійцу. Удаляясь онъ произнесъ слова: «я попытаюсь, но они меня убьютъ за это».

Первыя мои слова: «Sire, point de sang! Je vous en conjure!» [18]) оказались въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что я здѣсь услышалъ, а

[17]) Тутъ великій князь Михаилъ Павловичъ, только что пріѣхавшій изъ Лифляндской губерніи, принесъ первую и единственную свою присягу.

[18]) «Государь, безъ кровопролитія! Умоляю васъ»!

именно, съ разсужденіями на счетъ необходимости употребить насильственныя мѣры, къ чему я, однакожъ, не видѣлъ ни средствъ, ни надлежащей рѣшимости. Невольно я протѣснилъ свою лошадь между Императоромъ и однимъ весьма близко стоявшимъ маленькимъ, толстымъ господиномъ, въ фуражкѣ и солдатской шинели съ свѣтло-синими погонами, 6-го егерскаго полка. Я сообщилъ Императору, что онъ покамѣстъ можетъ быть покоенъ на счетъ дворца, но что здѣсь, какъ кажется, опасность еще не миновала.

«Они ничего не хотятъ слушать», возразилъ Государь.

«Почему до сихъ поръ такъ мало войскъ?» спросилъ я. «Гдѣ артиллерія?» Мнѣ отвѣчали, что и въ ней замѣтно безпокойное настроеніе и прибавили шопотомъ: «Ne vous y trompez pas, c'est une conspiration» [19]).

Тутъ только стало мнѣ понятно порученіе Императора касательно дворца. Но зачѣмъ же онъ мнѣ прямо не сказалъ этого? Зачѣмъ скрывать отъ друга то, что̀ давно уже было ему извѣстно о существованіи заговора [20])?

Все еще продолжая соображать и усиливаясь составить себѣ какое нибудь подходящее къ истинѣ понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, я однакоже твердо остановился уже на той мысли, что всякій необдуманный шагъ Императора можетъ подвергнуть опасности его жизнь, отъ сохраненія которой все зависѣло. Я желалъ-бы уговорить его воротиться во дворецъ и предоставить мнѣ дѣйствовать; но я не смѣлъ высказать этого желанія, ибо при извѣстномъ мужествѣ Императора мало было надежды на достиженіе. Покинуть его въ эту минуту было невозможно, ибо я считалъ быструю рѣшимость необходимою и собственно для того, чтобы обезпечить нашъ тылъ, или иначе говоря, дворецъ. Отъ людей, находившихся у зданія Сената, палъ военный генералъ-губернаторъ: это достаточно доказывало ихъ виновность. Въ пѣхотѣ чувствовался недостатокъ, но кавалеріи было довольно. Мнѣ пришло на мысль, что, не смотря на гололедицу, внезапная атака кавалеріи на народную толпу приведетъ въ разстройство стоящихъ за нею мятежниковъ и заставитъ ихъ разсѣяться. Императоръ тотчасъ-же согласился на кавалерійскую атаку, но онъ понялъ ее не въ томъ смыслѣ, какъ я предлагалъ, что̀ и неудивительно, коль скоро всѣ говорили разомъ, а я не пользовался такимъ значеніемъ, чтобъ заслуживать предпочтенія моему мнѣнію.

Прежде всего, по порученію Императора, я отправился къ генералу Бенкендорфу и приказалъ ему отойти въ Галерную улицу, чтобы преградить мятежникамъ отступленіе. Великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ съ приведенной имъ пѣхотой слѣдовать туда же, что̀ онъ и исполнилъ. Я самъ съ 1-й ротой Преображен-

---

[19]) «Не сомнѣвайтесь, это заговоръ».

[20]) О существованіи настоящаго заговора Николай Павловичъ узналъ только 12 Декабря. Въ суматохѣ приготовленій, заботъ и распоряженій, онъ естественно могъ и не найти минуты, чтобъ поговорить объ этомъ съ принцемъ Евгеніемъ.

скаго полка занялъ Невскій [21]) т. е. Исакіевскій мостъ, противъ Васильевскаго острова. По дорогѣ я сообщилъ генералу Орлову о намѣреніи Императора и сказалъ ему, чтобъ онъ готовился къ атакѣ, сигналъ къ которой будетъ поданъ трубою. Находившимся со мною гренадерамъ я напомнилъ о вѣрности, доказанной ими при Кульмѣ и нашелъ ихъ вполнѣ надежными, въ чемъ завѣрилъ меня и храбрый капитанъ ихъ Игнатьевъ [22]). Къ сожалѣнію на эти распоряженія ушло много времени, и притомъ разговоры были слишкомъ громки. Предвидя опасность, народная толпа разбѣжалась, прежде чѣмъ послѣдовалъ сигналъ къ атакѣ, и внезапно опустѣвшая площадь представила глазамъ мятежную колонну, готовую принять бой.

Когда наконецъ сигналъ былъ поданъ, и кавалерійскіе эскадроны со всѣхъ сторонъ понеслись въ атаку, то ихъ встрѣтили изъ колонны мятежниковъ нѣсколькими отдѣльными выстрѣлами, а подъ конецъ даже и залпами. По большей части они были направлены въ воздухъ, но все-таки нѣсколько всадниковъ было убито и ранено. Наиболѣе потерпѣли конные піонеры, состоявшіе до сихъ поръ подъ особеннымъ покровительствомъ Николая Павловича. У конногвардейцевъ, которыхъ Орловъ такъ близко подвелъ къ бунтовщикамъ, что обѣ стороны могли переметнуться между собою нѣсколькими словами, пуля пробила на вылетъ кирасу и грудь одному человѣку, а полковнику Веліо раздробило руку. Когда я съ Преображенскою ротою занялъ свою позицію, то капитанъ Игнатьевъ спросилъ меня, не нужно-ли зарядить ружья. Меня удивило, что этого до сихъ поръ не было сдѣлано; но настоящая минута, въ такой близи отъ бунтовщиковъ, казалась мнѣ неудобною. Соображая, какой дать отвѣтъ, я замѣтилъ, что въ то время, какъ мятежная толпа стрѣляла по кавалеріи, нѣкоторые ряды ея повернулись фронтомъ къ намъ и стрѣляли по насъ. На разстояніи какихъ-нибудь 50—60 шаговъ прицѣливаться было нетрудно, напримѣръ хоть бы въ меня въ моей полной парадной формѣ съ орденскою лентою, и залпъ, еслибы они рѣшились угостить имъ насъ, былъ бы смертеленъ; но какъ я не слыхалъ свиста пуль, то и своимъ приказалъ держать ружья у ноги. Напротивъ того, шедшему со стороны Васильевскаго острова съ 2-мя баталіонами Финляндскаго полка генералу Головину я далъ приказаніе, при самомъ вступленіи на мостъ, принять оборонительное положеніе и потомъ присоединиться къ капитану Игнатьеву. Такимъ образомъ на этомъ пунктѣ мы представляли силу внушительную; но я долженъ замѣтить, что генералъ Головинъ и его подчиненные обратились ко мнѣ съ вопросомъ: «Да чтожъ такое происходитъ? Да какого мы ожидаемъ непріятеля?»

---

[21]) Въ книгѣ барона Корфа сказано (стр. 150), что Государь приказалъ принцу Евгенію Виртембергскому поставить Преображенскую роту у Исакіевскаго моста. «Принцъ Евгеній поднялъ свою лошадь на дыбы и, повернувъ ее, сказалъ съ досадою: «Cela ne servira à rien» (пользы никакой не будетъ).

[22]) Нынѣ графъ Павелъ Николаевичъ.—Принцъ былъ однимъ изъ героевъ Кульмскаго боя.

Воротясь къ Императору, я нашелъ, что кавалерія занимала туже самую позицію, какъ и до атаки; но теперь яснѣе замѣчалось хлопотливое перебѣгиваніе подстрекателей среди толпы возмутившихся солдатъ. Личности эти имѣли видъ какихъ-то бандитовъ, а пьяные по большой части солдаты кидали вверхъ свои кивера и кричали «Ура! Константинъ!» Но иной разъ раздавался также крикъ: «Ура! Конституція!»

Такимъ образомъ мало по малу передъ нами все болѣе и болѣе уяснялись настоящія обстоятельства, и мы, истинные приверженцы Императора, пришли всѣ къ убѣжденію, что тутъ дѣйствительно дѣло идетъ о заговорѣ, а не о какомъ-нибудь недоразумѣніи. Послышались предложенія самыхъ строгихъ мѣръ, и я помню, что генералы Васильчиковъ, Левашовъ, князь Трубецкой и многіе другіе были на сторонѣ этихъ мѣръ. Однакожъ средствъ не доставало, войска и артилерія все еще не являлись, а между тѣмъ роты лейбъ-гренадерскаго полка и гардемарины въ безпорядкѣ направлялись мимо насъ. Нѣкоторые офицеры пытались образумить ихъ, но понапрасну. Самъ Императоръ, не взирая на опасность и просьбы приближенныхъ, въѣхалъ въ толпу этихъ большею частью пьяныхъ солдатъ и увѣщевалъ ихъ не принимать участія въ бунтѣ, но они встрѣтили его неприличнымъ кривляньемъ (mit unanständigen Grimassen). Вся эта толпа выстроилась потомъ у зданія Сената на обоихъ флангахъ Московскаго полка. Въ это время послышалось еще нѣсколько выстрѣловъ, и вскорѣ показался тяжело раненный командиръ лейбъ-гренадерскаго полка, полковникъ Стюрлеръ; два офицера его поддерживали. Тутъ вновь возникли опасенія за участь обитателей дворца, и я поспѣшно отправился туда, доложившись Императору. Я узналъ, что небольшой отрядъ лейбъ-гренадеръ пытался ворваться въ средніе ворота. Генералъ Башуцкій, говорятъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу и спросилъ: «Что вамъ угодно?» Не отвѣчая ни слова, мятежники проникли было до половины проходнаго свода, но увидавъ на дворцовомъ дворѣ баталіонъ гвардейскихъ піонеровъ, заблагоразсудили не доводить предпріятія до конца и, повернувъ кругомъ, поспѣшили на Сенатскую площадь.

И такъ во дворцѣ, когда я туда прибылъ, не произошло пока никакого безпорядка. Чтобы увидѣться съ Императрицами, я долженъ былъ пройти мимо всѣхъ карауловъ и всего собранія придворныхъ. Всѣ они ожидали молебна въ залахъ Зимняго дворца, но и самая неизвѣстность ближайшаго будущаго вынуждала ихъ оставаться тутъ и ждать исхода.

Какое противоположное зрѣлище съ тѣмъ, которое за минуту было передъ моими глазами! Какое разнообразіе ощущеній на этихъ лицахъ! Ощущеніе страха было всего ярче, но къ нему примѣшивалось и любопытство. Вальтеръ-Скоту была бы тутъ немалая пожива.

Меня осыпали вопросами, на которые я мимоходомъ давалъ самые краткіе отвѣты. Только при выходѣ изъ залы вниманіе мое слегка остановилось на мрачной и понурой физіономіи графа Аракчеева, сердце и совѣсть котораго подвергались одновременной пыткѣ.

Шталмейстеру Самарину [23]) я съ глазу на глазъ посовѣтовалъ держать на всякій случай на готовѣ кареты императорскаго семейства, а о причинѣ этого немедленно сообщилъ обѣимъ Императрицамъ, которыя, и въ особенности императрица Александра, осыпали меня жестокими упреками. Онѣ сказали мнѣ, «что рѣшились раздѣлить участь Императора». Я удивился и порадовался ихъ мужеству и спокойствію; но мои опасенія и мѣры предосторожности тѣмъ не менѣе казались мнѣ основательными [24]).

Возвратясь къ Императору и вкратцѣ доложивъ ему обо всемъ, что̀ видѣлъ и слышалъ, я почувствовалъ, что мои опасенія относительно злаго духа въ гвардіи разсѣеваются. Во время моего короткаго отсутствія, положеніе дѣлъ на дворцовой и сенатской площадяхъ совершенно измѣнилось. Правда, число бунтовщиковъ возросло уже до 2000, но всѣ прочія гвардейскія войска пребыли вѣрны долгу и находились на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Дѣло объяснилось весьма просто: имъ не успѣли своевременно сообщить приказъ о выступленіи. Артилерійскіе снаряды, напримѣръ, пришлось доставлять изъ мѣста, находящагося въ пятиверстномъ разстояніи.

Всѣ полки, которые я объѣзжалъ, обращались ко мнѣ съ тѣмъ же самымъ вопросомъ, который былъ мнѣ предложенъ въ Финляндскомъ полку.

Генералъ Бистромъ, начальникъ всей гвардейской пѣхоты, на вопросъ мой: полагается-ли онъ на своихъ подчиненныхъ? отвѣчалъ: «Какъ на самого себя! Но» (прибавилъ онъ съ усмѣшкой), «этимъ еще немного сказано; будь я проклятъ, если знаю, о чемъ идетъ споръ». Графъ Остерманъ только что воротился изъ-за границы и у заставы освѣдомился объ императорѣ Константинѣ. «Подожди, ворона! Хорошо, что попался», сказали ему въ отвѣтъ, и онъ чуть было не былъ арестованъ. Генералъ Толь, начальникъ штаба 1-й арміи, прибывшій изъ Могилева, проѣзжая мимо меня, спросилъ: «правда-ли, что Константина не хотятъ признавать Императоромъ?» Многіе другіе были въ такомъ же невѣдѣніи; мы же, окружавшіе Императора, хотя и слышали о какомъ-то заговорѣ, но насъ приводили въ недоумѣніе безпрерывные на противной сторонѣ возгласы: «да здравствуетъ Константинъ!» что̀ и свидѣтельствовало, что все дѣло въ недоразумѣніи. Однакожъ вновь собравшаяся чернь стала также принимать участіе въ безпорядкѣ. Начальника гвардейскаго корпуса, генерала Воинова, чуть было не стащили съ лошади; мимо адъютантовъ Императора летали камни, въ меня попало нѣсколько комковъ снѣга. Наскакавъ на виновнаго и опрокинувъ его конемъ, я закричалъ: «Ты что дѣлаешь?»—«Сами не знаемъ! Шутимъ-съ мы, баринъ!» [25]), отвѣчалъ опрокинутый, еще не поднявшись съ земли.

---

[23]) Ѳедору Васильевичу Самарину, отцу извѣстнаго писателя.

[24]) Обѣ Императрицы уже были, по приказанію Государя, предупреждены о возможной опасности черезъ графа В. Ѳ. Адлерберга, который далъ знать конюшенному вѣдомству и о приготовленіи экипажей.

[25]) Эти слова напечатаны въ Нѣмецкомъ подлинникѣ «Воспоминаній» порусски.

Начинало смеркаться, и возродилось справедливое опасеніе, что ночью явятся новыя затрудненія, если не покончить съ этимъ дѣломъ до ея наступленія. Въ это время прибыли, подъ командой поручика Бакунина, четыре орудія гвардейской артилеріи и расположились на лѣвомъ флангѣ Семеновскаго полка, стоявшаго противъ Адмиралтейства. Между тѣмъ Императоръ объѣзжалъ ряды пѣхоты и, обращаясь къ солдатамъ съ немногими энергическими словами, воспламенялъ ихъ рвеніе. Онъ выказалъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ мужество и присутствіе духа, и тѣмъ изумилъ всѣхъ его окружающихъ, такъ какъ то, что̀ довелось ему до сихъ поръ испытывать въ жизни, еще ни разу не представляло случая проявить такія высокія качества героя и Государя. На похвалы, которыя отовсюду ему расточались, онъ отвѣчалъ прекрасными словами: «Я почерпаю твердость въ чистой совѣсти!»

Неоднократныя обращенія къ мятежникамъ съ требованіемъ разойтись оставались безъ успѣха. По приказанію Императора имъ было объявлено, что они «вынуждаютъ къ принятію крайнихъ мѣръ». Къ нимъ посланъ былъ генералъ Сухозанетъ. Они встрѣтили его единодушнымъ возгласомъ: «да здравствуетъ Константинъ!»—«Такъ узнайте же что̀ такое Николай», отвѣчалъ онъ имъ. И дѣйствительно, Императоръ рѣшился самъ подать сигналъ къ началу смертоноснаго артилерійскаго грома обычною командою: «Разъ! Два! Пли!»

Дѣйствіе этого вынужденнаго необходимостію кроваваго приказанія было удивительно. Въ одну минуту вся площадь очистилась отъ бунтовщиковъ. Пѣхота и кавалерія бросились въ преслѣдованіе; но нелегко было догнать бѣглецовъ: они небольшими кучками бѣжали частію по замерзшей Невѣ на Васильевскій островъ, частію въ разные дома, гдѣ и барикадировались.

На мѣстѣ осталось много мертвыхъ солдатъ. Въ сосѣднихъ домахъ было тоже много пораненыхъ картечью, и въ томъ числѣ даже женщинъ. Дано было всего четыре выстрѣла, и тѣмъ не менѣе, какъ говорятъ, нѣсколько сотенъ невинныхъ пало жертвою чужаго преступленія.

Все время этихъ послѣднихъ происшествій я находился рядомъ съ Императоромъ по лѣвую его сторону. Я же сопровождалъ его къ малому подъѣзду Зимняго дворца, у котораго онъ слѣзъ съ коня и прошелъ по боковой лѣстницѣ въ покои императрицы Александры Ѳеодоровны. Кромѣ меня его сопровождали генералы Толь, Васильчиковъ, Левашовъ и Нейдгардтъ. На серединѣ лѣстницы онъ остановился, обнялъ меня и объявилъ, что «никогда не забудетъ сегодняшнихъ доказательствъ моей преданности». Потомъ онъ отдалъ приказаніе генералу Васильчикову на нынѣшнюю ночь расположить свою квартиру въ зданіи Сената и принять начальство надъ городомъ по сю сторону Невы. Генералу Бенкендорфу поручено было начальствованіе на другомъ берегу Невы; ко мнѣ же Императоръ обратился буквально съ этими словами: «Et vous, Eugène, vous resterez auprès de moi en qualité de chef d'état-major pour m'aider de vos conseils» [26]).

---

[26]) «А вы, Евгеній, оставайтесь при мнѣ въ качествѣ начальника штаба, чтобы помогать мнѣ вашими совѣтами».

Я хорошо замѣтилъ, лишь только Императоръ повернулся къ намъ спиною, впечатлѣніе, произведенное этими словами на присутствующихъ и, помня его вчерашнее обѣщаніе, сказалъ имъ: «Само собой разумѣется, что это только временно, ибо наилучшій начальникъ штаба для Императора тотъ, кто занималъ эту должность при его покойномъ братѣ».

Вскорѣ послѣ того послѣдовалъ молебенъ, и Николай Павловичъ, идя подъ руку съ своей матерью въ церковь, приказалъ мнѣ остаться у двери для пріема поступающихъ донесеній, которыя я послѣ долженъ былъ доложить ему. Тѣмъ временемъ успѣли задержать почти всѣхъ возмутившихся солдатъ и многихъ заговорщиковъ. Солдаты, какъ тотчасъ же обнаружилось, дѣйствовали въ полномъ убѣжденіи, что защищаютъ права Константина. Я былъ немало удивленъ, что въ это самое время одинъ отставной генералъ заблагоразсудилъ шепнуть мнѣ: «Comme toujours, bravant les périls, votre coeur aussi ne s'est pas démenti. Vos mains, monseigneur, ne se sont point souillées du sang russe» [27]).

Я сердито взглянулъ на этого господина, ибо въ его словахъ послышалось мнѣ неправое обвиненіе противъ Императора. Впослѣдствіи, однакожъ, часто раздумывая объ этомъ происшествіи, я приходилъ къ заключенію, что лучше было-бы, еслибы принятіемъ болѣе соотвѣтственныхъ мѣръ до совершенія преступленія былъ предупрежденъ его трагическій исходъ.

Что̀ за безпокойная ночь послѣдовала за страшнымъ днемъ!

Дворцовая и Сенатская площади превратились въ бивуаки, на которыхъ расположилось нѣсколько тысячъ вооруженныхъ солдатъ. Среди огней возвышалась величественная статуя великаго виновника Русскаго могущества. Еслибы онъ могъ взглянуть съ того свѣта на событія этого дня, то былъ-бы свидѣтелемъ преступленія, угрожавшаго гибелью его созданію, и полюбовался-бы величіемъ души одного изъ своихъ правнуковъ, геройскому поведенію котораго имперія была обязана спасеніемъ отъ неисчислимыхъ бѣдствій. Таково было убѣжденіе мое и всѣхъ, кто въ этотъ день имѣлъ случай близко видѣть Николая Павловича.

Замѣчательно, что въ первыя минуты, когда, по окончаніи богослуженія, генералитетъ и адъютанты собрались въ пріемныхъ покояхъ Императора, подозрительность изображалась почти на всѣхъ лицахъ. Никто съ достовѣрностію не зналъ, какое развѣтвленіе имѣетъ заговоръ и кто его зачинщики. Даже побудительная причина его еще не была выяснена, а между приводимыми одинъ за другимъ арестантами узнавалось много старыхъ знакомыхъ.

Первымъ былъ приведенъ со связанными сзади руками молодой офицеръ Московскаго гвардейскаго полка, князь Щепинъ-Ростовскій, въ парадномъ мундирѣ, но съ оторванными эполетами. Его мрачная, но рѣшительная физіономія, казалось, изобличала въ немъ закоренѣлаго злодѣя. Его рукою, говорили, ранены генералы Шен-

---

[27]) «Какъ и всегда, вы рветесь на встрѣчу опасностямъ. Сердце ваше тоже не измѣнило себѣ. Руки вашей свѣтлости не обагрены Русскою кровью».

шинъ и Фридрихсъ. Вторымъ былъ нѣкто Горскій, Полякъ въ партикулярномъ платьѣ, съ пистолетами за поясомъ—внѣшность дерзкая, но пошлая [28]).

Затѣмъ ввели поручика лейбъ-гренадерскаго полка Шторха, сына одного изъ бывшихъ наставниковъ Императора. Подобно Цезарю вскричалъ Императоръ: «И ты, сынъ мой!»—«Виноватъ!» было его отвѣтомъ. Повидимому, онъ сдѣлался жертвою недоразумѣнія, а потомъ заговорщики насильственно задерживали его въ средѣ своей. Впослѣдствіи я встрѣтилъ этого офицера въ Турціи при обстоятельствахъ необыкновенныхъ, но дѣлающихъ большую ему честь.

Потомъ былъ приведенъ полковникъ князь Трубецкой, дежурный штабъ-офицеръ 4-го корпуса. На него указывали, какъ на одного изъ главныхъ заговорщиковъ. Дѣло его получало особую важность потому, что онъ былъ задержанъ въ домѣ свояка своего, Австрійскаго посланника барона Лебцельтерна, у котораго онъ нашелъ себѣ убѣжище.

Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими зачинщиками заговора, много арестованныхъ солдатъ почти всю ночь толпились вокругъ допроснаго стола, за которымъ генералъ Левашовъ записывалъ ихъ показанія. Неизмѣнными вопросами его было: «Присягалъ ты?»—Отвѣтъ: «Да!»—Вопросъ: «Кому?» Отвѣтъ: «Императору Константину».

Степень вины вполнѣ уяснялась этимъ единодушнымъ признаніемъ. Но изъ числа этихъ мнимыхъ благодѣтелей государства нѣкоторые кричали: «ура конституція!» Они и не отрицали этого, но когда ихъ спросили, понимаютъ-ли они что̀ это слово означаетъ. «Какъ не понимать!» былъ отвѣтъ: «Да здравствуетъ Ея Величество, супруга императора Константина!»

Въ полночь, по приказанію Императора, я предпринялъ обозрѣніе постовъ на Исакіевской площади и нашелъ тамъ все въ надлежащемъ порядкѣ, вслѣдствіе неутомимой дѣятельности генерала Васильчикова. Когда я воротился во дворецъ, то допросъ все еще продолжался.

За тѣмъ судьба привела меня къ умирающему товарищу по оружію, къ графу Милорадовичу. Я привезъ ему письмо Императора. Образъ этого человѣка въ его предсмертныя минуты всегда будетъ внушать мнѣ грустныя воспоминанія. Онъ оказался столь же достойнымъ удивленія на своемъ смертномъ одрѣ, какъ и на поляхъ битвъ. Теперь Милорадовичъ уже никому не могъ показаться фанфарономъ, какимъ его иногда считали; это былъ герой въ полномъ смыслѣ слова и конечно всегда былъ таковымъ, ибо иначе не могъ-бы такъ умирать. Когда я передалъ ему, со слезами на глазахъ, письмо Государя, онъ сказалъ: «Мнѣ особенно чувствительно получить это письмо изъ вашихъ рукъ; мы съ вами дѣйствовали вмѣстѣ и въ дни великіе и славные!» Я изъявилъ мое сердечное сожалѣніе о положеніи, въ которомъ его нахожу и выразилъ надежду на его выздоровленіе. «Нечего обольщаться», отвѣчалъ онъ. «У меня воспаленіе ки-

---

[28]) Это былъ князь Грабе-Горскій, коего Записки объ этомъ днѣ напечатаны въ изданной нами первой книгѣ сборника: «Девятнадцатый Вѣкъ».

шокъ. Смерть—непріятная необходимость; но знаете-ли что?—я умру, какъ жилъ и прежде всего съ чистою совѣстью».

По прочтеніи письма онъ сказалъ: «Я съ удовольствіемъ пожертвовалъ собою за императора Николая. Меня утѣшаетъ то, что въ меня выстрѣлилъ не старый солдатъ». Тутъ онъ прервалъ разговоръ. «Прощайте, ваша свѣтлость. На мнѣ лежатъ еще важныя обязанности. До свиданія въ лучшемъ мірѣ!» То были его послѣднія слова. Когда я уходилъ, его меркнувшіе глаза бросили на меня еще послѣдній дружескій взглядъ.

Врачи отказались отъ него. Онъ умеръ, спустя нѣсколько минутъ, но успѣлъ распорядиться сравнительно-небольшимъ своимъ состояніемъ преимущественно въ пользу своихъ вольноотпущенныхъ крестьянъ.

Передъ послѣднимъ издыханіемъ онъ еще разъ сказалъ, что умираетъ не отъ руки солдата, и дѣйствительно въ него стрѣлялъ одинъ изъ заговорщиковъ, по имени Каховскій. Какъ генералъ-губернаторъ, Милорадовичъ былъ въ нѣкоторой степени виновенъ въ глазахъ публики за неоткрытіе заговора; но теперь не найдется человѣка съ высокою душою, кто бы не заплатилъ ему дани сочувствія.

На разсвѣтѣ я повторилъ, по приказанію Императора, обзоръ постовъ на Петербургской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ и отовсюду привезъ самыя удовлетворительныя извѣстія. Изъ окрестностей Петербурга также подошли войска, и вскорѣ всѣ убѣдились, что въ нихъ господствовалъ наилучшій духъ и что вообще они вовсе не участвовали къ заговорѣ. Въ послѣдующіе дни было арестовано много заговорщиковъ. По большой части это были офицеры, какъ наприм., Пановъ (лейбъ-гренадерскаго полка), князь Оболенскій (адъютантъ генерала Бистрома), два брата Бестужевыхъ, изъ которыхъ одинъ служилъ адъютантомъ у моего дяди Александра; но было много и статскихъ, наприм. поэтъ Рылѣевъ и Каховскій, убійца графа Милорадовича и полковника Стюрлера. Иные изъ нихъ находились 14-го Декабря въ рядахъ вѣрныхъ войскъ и были захвачены по указанію арестованныхъ съ самаго начала. Другихъ привозили изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ и заключали въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ вскорѣ водворилась и Слѣдственная Коммиссія. Вскорѣ волненіе умовъ успокоилось, и обитателямъ дворца, который оберегался въ теченіи нѣсколькихъ недѣль съ особенною строгостью, уже не приходилось проводить безъ сна цѣлыя ночи на пролетъ. Наступилъ обычный старый порядокъ. Я долго еще не покидалъ пріемной Императора и имѣлъ потому возможность хорошо знать обо всемъ происходившемъ. Всего болѣе былъ я пораженъ появленіемъ маленькаго человѣка въ сѣрой шинели, бросившагося мнѣ въ глаза еще на Сенатской площади, который теперь пришелъ сознаться въ намѣреніи убить Императора и былъ имъ прощенъ. Это былъ Булатовъ, штабъ-офицеръ 12-го егерскаго полка. Онъ объяснялъ причину своего раскаянія угрызеніями совѣсти и подтвердилъ это показаніе дѣломъ, такъ какъ умеръ нѣсколько дней спустя отъ нервной горячки.

Въ этомъ случаѣ, также какъ и во время разговора съ Якубовичемъ, судьба явно благопріятствовала Императору. Якубовичъ за-

мышлялъ также убить Государя и завелъ разговоръ съ нимъ только для того, чтобы развѣдать намѣренія правительства. Онъ воротился къ своимъ соумышленникамъ съ убѣжденіемъ, что съ нашей стороны и въ мысляхъ не имѣется никакихъ насильственныхъ мѣръ. Самъ Государь однажды, въ разговорѣ со мной объ этихъ происшествіяхъ, выразился: «Ce qu'il y a d'inconcevable dans tout cela, Eugène, c'est qu'on n'ait pas tiré à la tête à nous deux» [29]). Въ великаго князя Михаила одинъ изъ заговорщиковъ выстрѣлилъ изъ пистолета; но, къ счастію, пистолетъ осѣкся.

Пришли также успокоительныя вѣсти изъ отдаленныхъ мѣстъ, куда проникли вѣтви заговора, погасшаго въ послѣдней безумной попыткѣ подполковника Муравьева-Апостола, которымъ соблазненъ былъ баталіонъ Черниговскаго полка. Муравьевъ-Апостолъ былъ разбитъ и захваченъ генералъ-маіоромъ барономъ Гейсмаромъ.

Легко можно понять, почему заговоръ не имѣлъ успѣха.

1. Хотя и были нѣкоторые поводы къ неудовольствію на императора Александра, но вообще онъ былъ любимъ.

2. Хотя многіе въ Русскомъ государственномъ мірѣ и во внутреннемъ управленіи страною и заслуживали порицанія, но это нисколько не ослабляло приверженности къ царскому дому.

3. Цѣль всего предпріятія была столь постыдна, нелѣпа и безсодержательна, что всякій благомыслящій человѣкъ, способный къ хладнокровному обсужденію дѣла, долженъ былъ съ ужасомъ отъ него отвратиться.

4. Заговорщики въ средѣ своей не имѣли ни одного человѣка, который пользовался бы рѣшительнымъ вліяніемъ на войска и

5. Они не имѣли главы, которому высокое положеніе въ государствѣ (какъ наприм. графъ Паленъ въ качествѣ военнаго губернатора въ 1801 г.) давало-бы право руководить предпріятіемъ, предписывать способы его исполненія и, въ случаѣ надобности, оказывать защиту.

И все-таки мы должны сознаться, что возможность полнаго ниспроверженія существующаго порядка, при данныхъ, совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, зависѣла отъ счастливой случайности. Какъ легко пистолетъ Кюхельберга могъ-бы исполнить свое назначеніе, какъ легко могъ-бы Булатовъ оказаться менѣе чувствительнымъ, и кто-бы тогда изъ насъ всѣхъ съумѣлъ найтись среди хаоса по истинѣ туманныхъ обстоятельствъ, кто-бы могъ немедленно принять надлежащія мѣры для защиты Императорской фамиліи отъ неизвѣстныхъ убійцъ, отъ скрытой враждебной силы?

Началось безконечное производство въ генералъ и флигель-адъютанты, и при этомъ случаѣ я воспользовался правомъ, которое предоставилъ мнѣ Императоръ свободно высказывать ему свое мнѣніе. Дѣло въ томъ, что генералъ Бистромъ, его бывшій командиръ, по тому только не былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты, что его

---

[29]) «Что всего непонятнѣе во всемъ этомъ, Евгеній, такъ это то, почему они въ насъ обоихъ не стрѣляли!»

адъютантъ оказался принадлежащимъ къ числу заговорщиковъ. Я высказался, что это болѣе, чѣмъ несправедливо. Императоръ хотѣлъ наградить его орденомъ Александра Невскаго.

«Нѣтъ!» воскликнулъ я, «онъ не этого заслужилъ. Что̀ вы давали другимъ произвольно, то ему о б я з а н ы дать!»

На первомъ послѣ того парадѣ Николай обнялъ меня и сказалъ: «Твои приказанія исполнены».

Пытался я также склонить Императора къ упраздненію военныхъ поселеній. Но онъ былъ того мнѣнія, что это могутъ приписать какой-либо опасливости съ его стороны и потому считалъ этотъ шагъ несвоевременнымъ.

Наконецъ рѣшился я довѣрить моей тетушкѣ сокровеннѣйшія желанія моего сердца и просилъ ее поддержать ихъ какъ-бы ея собственныя. Здѣсь въ первый разъ я былъ въ отношеніи къ ней смѣлъ и неделикатенъ. Я сказалъ:

«Указывая на гробъ Александра, Николай говорилъ заговорщикамъ: вотъ кого вы хотѣли умертвить! Я дѣлаю то, что̀ бы сдѣлалъ онъ: я прощаю васъ! Вы недостойны Россіи! Вы не останетесь въ ея предѣлахъ!»

Императрица хотѣла возражать; но я прервалъ ее и продолжалъ: «Положивъ руку на сердце, сознаемся, что вполнѣ невиноватаго нѣтъ ни одного смертнаго, и Русская имперія небезупречна, въ особенности въ своей исторіи. Лучше миловать, чѣмъ карать, и при всякомъ восшествіи на престолъ милость гораздо благоразумнѣе строгости».

Тетушка поняла меня и обѣщала употребить все возможное для достиженія этой цѣли; но ея старанія или мои ожиданія оказались повидимому безплодны.

*

Изъ лицъ, прибывшихъ въ Россію по случаю восшествія на престолъ Николая Павловича, въ особенности выдавались принцъ Вильгельмъ Прусскій, принцъ Оранскій, наслѣдные герцоги Баденскій и Мекленбургскій, эрцъ-герцогъ Фердинандъ, герцогъ Веллингтонъ и князь Вреде.

Сіи послѣдніе служили мнѣ указателями политическаго горизонта.

Эрцъ-герцогъ Фердинандъ Австрійскій, небольшаго роста, худощавый господинъ, не особенно красивый, но умной наружности, съ тонкими и полными достоинства пріемами, тотъ самый, который въ 1805 году пробился отъ Ульма, а въ 1809 былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ и Галиціи, снискалъ себѣ всеобщее расположеніе. Не знаю, ошибаюсь-ли я; но мнѣ казалось, что какъ онъ, такъ и его свита обращались со мною сдержанно и холодно, что̀ я приписывалъ тому, что они ошибочно считали меня однимъ изъ виновниковъ предстоявшей Турецкой войны, которая была неугодна Австріи.

Про Веллингтона Императоръ, говорятъ, выразился, что ему доставитъ большое удовольствіе провести старую лисицу; однакожъ появленіе его произвело на Государя благопріятное впечатлѣніе.

Маленькая, тощая фигурка Веллингтона, въ Русскомъ мундирѣ, его Англійскія странности, коими оскорблялся иногда здѣшній изящный придворный тонъ, противорѣчили тому высокому понятію, которое заранѣе было составлено объ этомъ героѣ, понятію до того высокому, что отъ его перваго появленія засуетился весь городъ. Нельзя было не видѣть въ немъ умнаго, заслуженнаго полководца и государственнаго человѣка. Глухой и съ лицемъ поблекшимъ, онъ, въ глазахъ большинства, казался человѣкомъ отжившимъ или, правильнѣе, пережившимъ свое время; но я утверждалъ, что это мнѣніе ошибочно, и его послѣдующіе твердые, энергическіе поступки, когда онъ былъ президентомъ совѣта Британскаго министерства, доказали, что я правъ.

Мнѣ поручили сопровождать его иногда по дворцу, такъ какъ ему трудно было опознаться въ этомъ лабиринтѣ. Онъ не оказывалъ мнѣ ни вѣжливости, ни расположенія, и я нерѣдко долженъ былъ проглатывать горькія пилюли, замѣчая, что онъ и не подозрѣвалъ о моемъ существованіи, между тѣмъ какъ расхваливалъ многихъ полковниковъ, выведенныхъ въ люди, благодаря моей рекомендаціи.

Напротивъ того старый князь Вреде, не будучи столь великой военною знаменитостью, былъ гораздо любезнѣе и казался тонкимъ, ловкимъ царедворцемъ.

Съ принцемъ Оранскимъ соединяли Императора близкое родство и личная дружба. Этотъ принцъ стяжалъ себѣ военную славу при Катрбра у Бель-Альянса. Кромѣ того его наружность производила благопріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, на меня.

Добродушный и скромный наслѣдный великій герцогъ Баденскій, знакомый мнѣ съ того времени, когда онъ, будучи еще графомъ Гохбергомъ, состоялъ въ свитѣ графа Витгенштейна, нравился всѣмъ привлекательнымъ и любезнымъ обхожденіемъ. Мнѣ было поручено сопутствовать ему иногда въ его прогулкахъ по Петербургу.

Принца Вильгельма Прусскаго, брата Императрицы, я зналъ уже давно и съ самой лучшей стороны. Въ самой ранней молодости, онъ уже сопровождалъ своего отца въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть о тогдашнемъ моемъ новомъ знакомствѣ, именно съ великой княгиней Еленой Павловной, супругой великаго князя Михаила, дочерью моего двоюроднаго брата Павла Виртембергскаго и той самой Шарлотты, съ которой мы въ 1805 году проводили столько веселыхъ часовъ въ Людвигсбургѣ, Штутгардтѣ и Гейдельбергѣ. Великая Княгиня, 19-ти лѣтъ отъ роду, была чрезвычайно красива, умна, какъ ея отецъ, добра и сочувственна, какъ ея мать, и не уступала никакимъ королевамъ въ свѣтѣ въ достоинствѣ, прелести и образованіи. Я часто думалъ про себя: «Богъ былъ слишкомъ щедръ къ ней въ ея положеніи; ей вовсе не понадобится многое, что Онъ ей далъ».

*

Въ Январѣ 1826 года, Дибичъ, за которымъ оставили, не смотря на нѣкоторыя противъ него интриги, прежнюю его должность, возвратился

съ юга Россіи въ Петербургъ, и я сдѣлался цѣлью новыхъ нападокъ, нарушившихъ только-что возстановившееся мое спокойствіе.

Этотъ Дибичъ былъ тотъ самый Иванъ, младшій сынъ моего гувернера, о которомъ я говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ 1801 года. Отецъ вызывалъ его въ Россію, когда онъ былъ еще Прусскимъ кадетомъ; но король отказалъ ему въ увольненіи на томъ основаніи, что юноши, воспитывающіеся на счетъ государства, должны и служить этому государству. Кромѣ того, Дибичъ по своему прилежанію и поведенію принадлежалъ къ числу воспитанниковъ, подававшихъ наилучшія надежды. Король отпустилъ его только во вниманіе къ просьбѣ императора Павла. Шестнадцатилѣтній кадетъ прибылъ въ Петербургъ, когда Государь его покровитель уже умеръ. Дибичъ былъ зачисленъ императоромъ Александромъ, съ чиномъ прапорщика, въ Семеновскій полкъ. Въ этомъ полку онъ сражался при Аустерлицѣ и отличился какъ стрѣлковый офицеръ. Въ 1807 году, во время похода въ Восточную Пруссію, онъ находился, въ чинѣ капитана, въ свитѣ великаго князя Константина и, воротившись обратно въ полкъ, говорятъ, вновь отличился при Фридландѣ. Впослѣдствіи, по собственному его желанію, онъ былъ переведенъ въ Главный Штабъ, и однимъ изъ поводовъ этого перемѣщенія приводилъ онъ то, что, по своему малому росту, при маршировкѣ въ строю, не можетъ поспѣвать за великанами-гренадерами. Въ юности онъ получилъ отличное образованіе, обладалъ большими свѣдѣніями въ механикѣ и качествами своего отца, который, какъ мы уже знаемъ, не смотря на смѣшныя стороны свои, былъ одаренъ острымъ умомъ и необыкновенною способностію къ проискамъ. Молодой Дибичъ имѣлъ впрочемъ передъ отцомъ своимъ преимущество универсальнаго образованія и выказалъ себя въ теченіи кампаніи человѣкомъ предпріимчивымъ, храбрымъ, часто излишне горячимъ, но всегда ревностнымъ къ службѣ. Въ началѣ 1812 года, Дибичъ былъ подполковникомъ въ штабѣ графа Витгенштейна. Многія предпріятія на Двинѣ приписывались его вліянію. Въ чинѣ полковника, онъ командовалъ небольшими отрядцами, получилъ въ концѣ кампаніи чинъ генералъ-маіора и заключилъ извѣстную конвенцію съ Прусскимъ генераломъ Іоркомъ. Подъ Люценомъ онъ составилъ умную и смѣлую диспозицію; только слѣдовало заранѣе предвидѣть, что она будетъ дурно выполнена, а это-то и не вошло въ его разсчетъ. Съ того времени я самъ возымѣлъ объ немъ высокое мнѣніе, котораго крѣпко держался до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ назначенъ генералъ-квартермистромъ при Барклаѣ-де-Толли, когда я по неволѣ долженъ былъ осудить въ немъ явно обнаружившіяся зависть и склонность къ проискамъ. Тѣмъ не менѣе меня до такой степени примирили съ нимъ его дѣйствія при Кульмѣ, гдѣ я поручилъ ему произвести атаку на непріятельскую гвардейскую кавалерію и онъ лично бросился въ самый развалъ боя, что при первомъ свиданіи съ Императоромъ я отзывался о немъ въ наилучшемъ смыслѣ. Александръ никогда не забывалъ этого обстоятельства и сказалъ мнѣ въ

1821 году, когда Дибичъ уже очень возвысился и былъ приглашенъ на Лайбахскія конференціи: «Je connais l'estime que vous lui portez; c'est un titre de plus pour lui à mes yeux» [30]). Императрица Марія Ѳеодоровна въ то время заговаривала, что стоитъ только произнести имена Дибича и Канкрина, чтобы вызвать во мнѣ пріятную улыбку. Въ 1822 году, первый былъ уже начальникомъ Главнаго Штаба Его Величества, а послѣдній министромъ финансовъ. Въ 1823 году, когда я въ послѣдній разъ видѣлся съ Александромъ на смотру войскъ въ Брестъ-Литовскѣ, меня удивило его холодное обращеніе со мною. Многіе уже тогда приписывали это вліянію новаго генералъ-маіора, который будто бы считалъ репутацію, которою я пользовался въ арміи, препятствіемъ къ его собственному повышенію. Дѣйствительно, меня навели на слѣдъ очень грязной интриги; однакожъ я не обратилъ на это вниманія, а наоборотъ, постарался примирить его съ великимъ княземъ Константиномъ, который на него за что-то гнѣвался. Въ началѣ 1825 года, я случайно вовлеченъ былъ съ нимъ въ переписку по военнымъ дѣламъ, изъ которой совершенно естественнымъ путемъ обнаружилось, что онъ былъ въ числѣ виновниковъ постигшей меня въ Августѣ 1813 года непріятности; а вышло такъ, что я въ этой кореспонденціи, самъ того не зная, давалъ на себя оружіе своему противнику. Но и это убѣжденіе не воспрепятствовало мнѣ дѣйствовать добросовѣстно при восшествіи на престолъ Николая. Признаюсь, что причиною такого образа дѣйствій было, можетъ быть, преувеличенное самомнѣніе и ложное убѣжденіе, будто я нахожусь въ такомъ положеніи, которое ставитъ меня выше нападокъ мелкихъ каверзниковъ. Разочарованіе послѣдовало еще до возвращенія Дибича; но тогда, вопервыхъ, было уже поздно измѣнять свой образъ дѣйствій, а вовторыхъ, я принялъ твердое намѣреніе уйти совсѣмъ въ частную жизнь, и увлекаться какою либо еще дѣятельностью значило бы дѣйствовать наперекоръ этому намѣренію. Другой на мѣстѣ Дибича былъ бы мнѣ благодаренъ; но онъ, напротивъ того, такъ испугался еще мысли, будто я могъ бы имѣть вліяніе на новаго Императора, что даже не въ состояніи былъ скрывать этого отъ меня. Какъ обстоятъ дѣла при дворѣ, онъ все это оцѣнилъ сразу, взоромъ знатока, и тѣ самыя обстоятельства, которыя наложили на меня обязанность скромности, побудили его крѣпко схватить въ свои руки добровольно предоставленныя ему бразды и устранить всѣ препятствія. Эта энергія, въ соединеніи съ его несомнѣнною заслугою передъ государствомъ въ томъ, что всѣ мѣры, принятыя незадолго до смерти императора Александра противъ заговорщиковъ 2-й арміи, исходили исключительно отъ него, укрѣпляли всегдашнюю мою увѣренность въ его способностяхъ, не смотря на всѣ коварства его противъ меня лично. Черезъ это мои собственные интересы отодвинулись на задній планъ, и я принужденъ былъ сознаться, что долженъ уступить мѣсто тому, высокія

[30]) «Мнѣ извѣстно уваженіе, которое вы къ нему питаете, и это тѣмъ болѣе возвышаетъ его въ моихъ глазахъ».

способности котораго и знакомство съ служебными мелочами внушаютъ больше довѣрія Императору.

Пусть, однакожъ, читатель не слишкомъ превозноситъ мое самоотверженіе и кротость, ибо мое поведеніе было естественнымъ результатомъ настроенія моего ума. Между тѣмъ какъ я размышлялъ о средствахъ скромно и безъ огласки удалиться въ свое сельское уединеніе, Императоръ внезапно удивилъ меня важнымъ порученіемъ составить, на основаніи разныхъ указаній и предположеній, операціонный планъ для войны противъ Турокъ. Въ особенности удивило меня положительное требованіе Императора держать въ тайнѣ это порученіе отъ Дибича, при чемъ онъ завѣрялъ меня, что если дойдетъ дѣло до войны, то главнѣйшая роль въ ней будетъ принадлежать мнѣ. En tout cas ce sera à vous de porter le coup décisif [31]). Тутъ я опять былъ вынужденъ поступить такъ, какъ повелѣвали мнѣ долгъ и совѣсть, и сталъ заявлять Императору, что полудовѣріе вредно для дѣла и что онъ долженъ вполнѣ довѣрять начальнику своего Главнаго Штаба, чтобы имѣть право расчитывать на его услуги. Но Императоръ рѣшительно настаивалъ на своемъ желаніи; я въ теченіи четырехъ недѣль соблюдалъ строжайшую тайну и, по прошествіи этого срока, представилъ ему свой трудъ.

Какъ же удивился я, когда вскорѣ потомъ по городу разнеслась вѣсть обо всемъ, что̀ Императоръ мнѣ довѣрилъ подъ печатью тайны. Я былъ такъ встревоженъ этимъ, что сейчасъ же принесъ жалобу Императору и этимъ путемъ узналъ, что обстоятельства перемѣнились и прежнія рѣшенія уже не имѣютъ никакого вѣса. Съ своей стороны генералъ Дибичъ встрѣтилъ меня также извѣстіемъ о назначеніи, которое я долженъ былъ получить въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. Оно заключалось въ лестной роли командира резервной арміи, меньше небольшаго корпуса; мнѣ предстояло наблюдать за крѣпостями на Дунаѣ. Vous déblayerez les derrières de l'armée [32]), было подлинное выраженіе Императора.

Тутъ уже не хватило моего терпѣнія, и я высказался въ довольно обидчивомъ тонѣ. Послѣдствіемъ было новое обѣщаніе дать мнѣ первоначальное назначеніе и приказаніе генералу Дибичу и мнѣ взаимно сообщать другъ другу наши воззрѣнія на предметъ. Поэтому начальникъ Главнаго Штаба явился ко мнѣ съ своимъ портфелемъ и выложилъ передо мной якобы еще въ 1821 году представленный имъ императору Александру планъ Турецкой кампаніи, который, однакожъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался во всѣхъ пунктахъ схожимъ съ запискою, которую я подалъ Императору Николаю, и расходился съ нею только въ двухъ статьяхъ [33]), да и тѣ

---

[31]) «Во всякомъ случаѣ вамъ будетъ предоставлено нанести окончательный ударъ».

[32]) «Вы будете очищать отъ непріятеля тылъ арміи».

[33]) Морская экспедиція противъ одной изъ гаваней по ту сторону Балканъ и тѣ пункты перехода черезъ эти горы, которыми самъ Дибичъ воспользовался въ 1829 году.

Дибичъ въ послѣдствіи принужденъ былъ признать существенно необходимыми.

Хотя со стороны Императора я былъ вполнѣ удовлетворенъ, однакожъ до меня все еще доходили извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ генерала Дибича относительно моей особы. Въ доказательство приведу слова Молоствова: «Посмотрите на этого уродливаго гнома», говаривалъ онъ, «на эту толстую, безобразную голову, съ багровымъ лицомъ, выпученными блестящими глазами; каждая черта его обличаетъ характеръ рыси. Подобно тому какъ его короткое, толстое туловище едва держится на кривыхъ ножкахъ ящерицы, неспособныхъ выдерживать его тяжесть, такъ и душа, которую Богъ во гнѣвѣ Своемъ осудилъ пребывать въ этомъ выродкѣ, навѣрное носится съ исполинскими планами, слишкомъ тяжелыми для его плечъ. Но что̀ ему на вѣрняка удается (ибо это лежитъ въ природѣ гномовъ, какъ учитъ насъ басня), такъ это козни и подвохи, которыми домогается онъ вредить честнымъ людямъ. Это настоящій дьяволъ и вдобавокъ вашъ смертельный врагъ; повѣрьте мнѣ и вспомните меня, когда, можетъ быть слишкомъ поздно, въ этомъ убѣдитесь».

Генералъ Вольфъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и достойныхъ моихъ боевыхъ товарищей, къ несчастію, подкрѣпилъ это мнѣніе фактами: Дибичъ будто бы однажды, въ одномъ многолюдномъ собраніи, позволилъ себѣ громко и публично клеветать на меня и даже позорить меня, но былъ уличенъ во лжи. «Подобныя вещи», прибавилъ Вольфъ, «не забываются; похвала, которую воздало вамъ въ то время одно изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ, въ отвѣтъ на его поношенія, озлобила его противъ васъ больше, чѣмъ могло-бы это сдѣлать самое обидное презрѣніе».

Еслибы я могъ еще сомнѣваться, то меня убѣдили-бы обнаружившіяся вскорѣ его каверзы. Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы помѣшать обѣщанному мнѣ Императоромъ назначенію генераловъ Войнова, Паскевича и Вахтена въ составъ отряда, которымъ я долженъ былъ командовать. Но въ то время расположеніе ко мнѣ Императора еще защищало меня отъ его нападокъ. Мои мелкія неудовольствія отошли совершенно на задній планъ, когда у гроба Александра Николай снова подалъ мнѣ братскую руку. Я сердечно любилъ молодаго Императора, и мое довѣріе къ нему, равно какъ и обожаніе его нравственныхъ качествъ, ежедневно возрастали.

Приближалось время ожидаемаго отвѣта изъ Константинополя на Русскій ультиматумъ. Еслибы онъ оказался отрицательнымъ, то я долженъ былъ тотчасъ же ѣхать къ своему назначенію. Я выпросилъ себѣ кратковременный отпускъ, чтобы заняться устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Незадолго до моего отъѣзда Императоръ предлагалъ мнѣ командованіе 2-ю арміей. Я просилъ его принять въ соображеніе, что мнѣ непріятно было-бы стать во враждебное отношеніе къ моему прежнему командиру, графу Витгенштейну. Это распоряженіе Николая основывалось на предвидѣніи скорой смерти графа Сакена, который въ то время былъ очень боленъ, и въ такомъ случаѣ графъ Витгенштейнъ долженъ былъ замѣнить его въ

командованіи 1-ою арміей. Но мнѣ удалось убѣдить Императора въ необходимости стать ему самому во главѣ войскъ, я же не имѣлъ другаго честолюбія, какъ быть однимъ изъ его адъютантовъ. Ежели-бы мнѣ, при теперешнемъ разставаніи съ Государемъ, могло придти на мысль, что генералъ Дибичъ воспользуется моимъ отсутствіемъ для новыхъ интригъ, если-бы я могъ подумать вмѣстѣ съ Вилларомъ: «Sire, je vais combattre vos ennemis, et je vous laisse au milieu des miens» [34]), то подобныя мысли были-бы разсѣяны заявленіемъ Императора: Soyez persuadé que rien ne changera mes intentions. Тогда же генералъ Дибичъ получилъ приказаніе тотчасъ извѣстить меня объ отвѣтѣ, который имѣетъ прибыть изъ Константинополя.

При такихъ обстоятельствахъ совершенно успокоенный, я уѣхалъ въ Маѣ 1826 года въ Карльсруэ. Это было совершенно естественно. Насчетъ мѣропріятій установилось соглашеніе, всѣ предполагаемые участники будущей войны, въ томъ числѣ я, недавно сходились на военный совѣтъ въ покояхъ Императора, и мои собственныя скромныя желанія далеко не равнялись видамъ Императора относительно меня. Что касается Дибича, то, убѣждая Императора принять личное начальство надъ войскомъ, я самъ содѣйствовалъ осуществленію самыхъ смѣлыхъ его ожиданій отъ этой войны: ибо, въ качествѣ начальника Главнаго Штаба, онъ становился тогда наиболѣе вліятельнымъ лицомъ. Этимъ я подчинялъ самого себя Дибичу и, какъ корпусный командиръ, никоимъ образомъ не могъ оттѣснить его на задній планъ. Но мнѣ и въ голову не могло придти, чтобъ онъ уже тогда могъ поставлять своему честолюбію гораздо высшую цѣль. Дибичъ, какъ было упомянуто, выказалъ способности въ должности офицера генеральнаго штаба, онъ оказалъ также нѣсколько важныхъ услугъ, и утверждаютъ, будто въ 1814 году его мнѣніе совпало съ мнѣніемъ императора Александра на счетъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Парижа; но противъ непріятеля онъ не водилъ даже бригады и, какъ одинъ изъ младшихъ генералъ-лейтенантовъ, далеко не могъ равняться со мною ни по опытности, ни по заслугамъ, ни по чину. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже даже многихъ другихъ лицъ, между которыми пришлось бы выбирать Императору, чтобы замѣстить меня.

И однакоже я обманулся! Меня упрекали впослѣдствіи, что я не во время уѣхалъ изъ Петербурга и, дѣйствительно, этотъ упрекъ былъ-бы справедливъ, если бы я лелѣялъ въ душѣ своей честолюбивые планы. Но такъ какъ у меня таковыхъ не было, и я подчинялся только желаніямъ и приказаніямъ Императора, то и этому обвиненію не подлежу...

Россія обязана сама передъ собою, сколько возможно энергичнѣе, возставать противъ мелкихъ интригъ другихъ державъ. Она не нуж-

---

[34]) «Государь! Я отправляюсь сражаться съ вашими врагами и оставляю васъ посреди своихъ».—«Будьте увѣрены, ничто не измѣнитъ моихъ намѣреній».

дается въ завоеваніяхъ на Западѣ, такъ какъ ей нечего бояться Запада; но она нуждается въ Дарданеллахъ, такъ какъ этотъ проливъ стѣсняетъ ея торговлю и ограничиваетъ дѣйствія ея флотовъ.

Въ политикѣ надо твердо знать, чего хотѣть и если не имѣешь подъ собою твердой почвы, то всегда будешь шататься.

О принятіи Портою Русскаго ультиматума узналъ я черезъ газеты тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Силезію, отъ генерала же Дибича я не получалъ никакихъ извѣстій. Я отправился въ Карльсбадъ и возвратился въ Августѣ въ Карльсруэ. Въ Сентябрѣ дошло до меня, чрезъ посредство великаго князя Константина, письмо генерала Дибича, съ извиненіями за его запоздалость. Вскорѣ послѣ того я получилъ извѣстіе, что Императоръ отмѣнилъ свою предполагаемую поѣздку въ Варшаву, гдѣ, на случай, если не состоится война, было условлено мое свиданіе съ Его Величествомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ предоставлялось на волю оставаться въ Германіи, пока обстоятельства не потребуютъ моего возвращенія.

Вскорѣ послѣ коронаціи въ Грузію вторгнулись Персіяне, и при дворѣ возникли жалобы на Ермолова; туда посланъ Паскевичъ, который, какъ младшій офицеръ, долженъ былъ командовать его авангардомъ, а въ сущности ему было поручено наблюденіе за нимъ. Въ тоже время послали въ Тифлисъ и Дибича. Онъ распорядился операціями такъ, что Паскевичъ долженъ былъ съ горстью людей произвести нападеніе, а Ермоловъ оставаться въ резервѣ. Собственно, полагаю я, онъ хотѣлъ устроить западню обоимъ; но это удалось ему только по отношенію къ послѣднему, который, въ негодованіи, потребовалъ отставки и получилъ ее. Предпріимчивый Паскевичъ мгновенно одолѣлъ жалкихъ Персіянъ. Дибичъ самъ положилъ основаніе славѣ своего могущественнаго соперника, тогда какъ въ намѣреніяхъ его было парализовать его. Впрочемъ, событіе это имѣло благопріятное вліяніе и на его собственную карьеру. Онъ произведенъ въ графское достоинство и положительно вошелъ въ милость къ Императору. Еще въ коронацію произведенъ онъ въ генералы отъ инфантеріи.

Паскевичъ и многіе другіе, служившіе подъ начальствомъ Дибича (такъ напр. Константинъ Бенкендорфъ), разсказывали мнѣ, какъ маленькій человѣчекъ старался удалить съ глазъ Государя опаснаго любимца. Но счастливая звѣзда Паскевича и его несомнѣнныя способности, рядъ изумительныхъ побѣдъ его, наконецъ, личное достоинство разрушили всѣ козни и, что̀ дѣлаетъ особую честь герою, онъ шелъ путемъ прямымъ и безъ всякихъ искательствъ возвысился надъ своимъ соперникомъ. Сего же послѣдняго покарала судьба и его собственная совѣсть.

Графъ Остерманъ-Толстой.

(Записано въ Женевѣ въ 1868 году со словъ людей близко знавшихъ графа Остермана-Толстаго).

14 Февраля 1857 года, въ то время какъ на церковной башнѣ Малаго Саконнѣ (Saconnex) колоколъ билъ два часа пополудни, въ ворота скромнаго мѣстнаго кладбища въѣхала траурная колесница съ гробомъ, украшеннымъ двумя лавровыми вѣнками. Гробу предшествовали священникъ Русской церкви съ двумя церковно-служителями; раздавалось тихое надгробное пѣніе, и курился кадильный ѳиміамъ. За гробомъ шли всѣ Русскіе высшаго круга, проживавшіе въ Женевѣ, нѣсколько друзей покойнаго и его семья, а также почти всѣ жители мѣстечка, привлеченные необыкновеннымъ для нихъ зрѣлищемъ. Присутствующіе были проникнуты чувствомъ глубокаго благоговѣнія и какой-то таинственности. Это были похороны одного изъ воинственныхъ людей нашей эпохи, храбраго человѣка, который проливалъ кровь, защищая Отечество и которому пришлось окончить жизнь далеко отъ родины и семейнаго очага.

Александръ Ивановичъ Толстой родился въ Петербургѣ въ 1770 г. Отецъ его Ив. Матв. Толстой, потомокъ древняго Русскаго рода, былъ дворянинъ безъ состоянія, начальствовалъ надъ артилеріею при Екатеринѣ II-й въ войскахъ Суворова и умеръ въ Петербургѣ директоромъ Кадетскаго корпуса. Мать, Аграѳена Ильинична Бибикова, сестра извѣстнаго генерала, древняго Татарскаго происхожденія. Престарѣлый отецъ, при концѣ жизни разбогатѣвшій, былъ человѣкъ суровый, угрюмый, недовольный правительствомъ и вымещавшій часто на семьѣ свою желчь. Онъ разсказывалъ свои подвиги, лишенія и страданія въ кампанію на Дунаѣ, когда 13 лѣтъ отъ роду выпало ему на долю чуть не умирать съ голоду и, сравнивая то время съ настоящимъ, онъ все-таки находилъ послѣднее невыносимымъ. Александру Толстому самому въ молодости довелось пройти черезъ жесткую школу военной жизни и видѣть примѣры ужаснѣйшихъ злополучій, порождаемыхъ войною. Первымъ шагомъ его на этомъ поприщѣ была знаменитая осада Измаила, во время которой погибло до 30.000 Турокъ; тѣла ихъ были брошены въ Дунай, вслѣдствіе чего солдаты не рѣшались, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, ѣсть рыбу ловленную въ Дунаѣ.

Поручикъ Толстой скоро былъ замѣченъ Екатериною и, по заключеніи мира, воротился въ Петербургъ, гдѣ былъ взысканъ милостями Государыни. Онъ былъ произведенъ въ капитаны гвардіи и въ столицѣ сошелся съ двумя братьями родной своей бабки по отцу (Анны Андреевны Толстой), гр. Ѳедоромъ и Иваномъ Андреевичами Остерманами, сыновьями извѣстнаго графа Андрея Остермана, родоначальника этого дома, людьми преклонныхъ лѣтъ безъ потомства.

Передъ смертію они назначили внука сестры своей Александра Толстаго преемникомъ ихъ имени и наслѣдникомъ всего ихъ имущества. Молодой человѣкъ получилъ фамилію Остермана-Толстаго съ графскимъ титуломъ.

Имѣніе Остермановъ состояло изъ трехъ обширныхъ маіоратовъ въ Петербургской, Московской и Могилевской губерніяхъ. Поручикъ, Измаильскій герой, недавно еще такъ мало разсчитывавшій на будущность, благодаря этому богатому наслѣдству и браку съ княжною Голицыной, 27 лѣтъ отъ роду оказался однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Россіи. Судьба ему не съ этой только стороны улыбалась; скоро мы видимъ его однимъ изъ блестящихъ офицеровъ арміи, въ почести у войска и въ милости царской.

Прошли года. Во время Аустерлицкаго сраженія графъ Остерманъ-Толстой командовалъ небольшимъ отрядомъ, занимавшимъ Ніенбургъ на Везерѣ. Въ 1807 году, уже блистательный генералъ, служилъ онъ въ авангардѣ арміи, которая подъ начальствомъ Бенингсена сначала на Наревѣ и подъ Пултускомъ, а потомъ въ Эйлау и Фридландѣ, съ такимъ мужествомъ разбивалась о полчища новаго Кесаря.

Храбрость и необыкновенная вѣрность взгляда графа Александра Остермана-Толстаго были извѣстны въ Русской арміи, и дарованія его оцѣнены военной исторіей. Командуемые имъ полки не дешево платили за свое полное довѣріе къ начальнику и за честь бросаться въ огонь подъ его предводительствомъ: подъ исходъ отчаянной борьбы, выдержанной Россіею противъ великана, такъ самовластно распоряжавшагося судьбами Европы, въ корпусѣ Остермана, въ началѣ кампаніи состоявшемъ изъ 25 т., послѣ сраженій при Смоленскѣ, Бородинѣ и отступленія къ Мало-Ярославцу, насчитывалось съ небольшимъ 20 т. солдатъ способныхъ носить оружіе. Самъ Остерманъ какимъ-то особеннымъ чудомъ вышелъ невредимъ изо всѣхъ опасностей и, вскорѣ послѣ сказанныхъ кровавыхъ битвъ, мы встрѣчаемъ его въ военныхъ совѣтахъ князя Кутузова, приготовившихъ смертельный ударъ могуществу Наполеона.

Мы не имѣемъ намѣренія представить біографію графа Остермана-Толстаго; у насъ для этого недостаетъ матеріяловъ, и мы прямо перейдемъ къ знаменитому кануну Кульмскаго сраженія, въ которомъ онъ блистательно завершилъ рядъ подвиговъ и оставилъ по себѣ неувядаемую славу героя и примѣрнаго полководца. Союзная армія въ разстройствѣ отступала къ тѣмъ самымъ горамъ, черезъ которыя она прорвалась съ самоувѣренностію несомнѣнной побѣды. Будущее рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: если Наполеону удастся настигнуть отступающихъ, не давъ имъ стянуться въ одну массу, погибель ихъ неминуема. Вотъ отъ чего тогда зависѣла судьба современной Европы. Вандамъ шелъ во главѣ сильной арміи, чтобы заградить союзникамъ проходъ черезъ Богемскія горы. Минута была рѣшительная, все бѣжало и спасалось, не помышляя даже о защитѣ.

Графъ Остерманъ-Толстой, едва только поправлявшійся послѣ тяжкой раны, полученной при Бауценѣ, совершенно случайно и безо всякаго постояннаго начальствованія, находился въ императорской главной квартирѣ. Общая опасность становится для него очевидна, и въ головѣ его родится мысль принять командованіе разстроенною арміею въ такую минуту, когда ни зависть, ни старшинство, ни милость царская не стали бы поперечить такому замыслу: положеніе дѣлъ было слишкомъ отчаянное. Преодолѣвъ множество гибельныхъ преградъ и страшное утомленіе войска, графъ Остерманъ съ вѣрностью взгля-

да, прославившею его имя, успѣваетъ рядомъ хитростей, быстрыхъ передвиженій и безпрестанно вступая въ бой, оставить позади себя Дрезденъ и укрѣпиться въ ущельяхъ Богемскихъ горъ. Здѣсь онъ, въ продолженіи цѣлаго дня и цѣлой ночи, подставляя собственную грудь выстрѣламъ, выдерживаетъ натискъ побѣдоноснаго врага. Тщетно Французы яростно возобновляютъ атаки, и тщетно картечь ихъ коситъ ряды Русскихъ войскъ; взятая позиція удерживается твердостію и неустрашимостію Остермана, до той минуты, когда остатки Германской арміи, вновь сомкнувшись, быстрымъ движеніемъ поспѣшили на помощь храбрецамъ и взяли въ плѣнъ Вандама. Таково было значеніе битвы при Кульмѣ, изъ которой Остерманъ вышелъ съ увѣчьемъ, но въ тоже время однимъ изъ главныхъ виновниковъ успѣха. Во время самаго сильнаго огня, у него ядромъ оторвало руку; онъ не хотѣлъ было слѣзать съ лошади, но силы его оставили, и его вынесли съ поля сраженія. Пока ему отнимали руку, онъ велѣлъ бить барабанамъ наступленіе и музыкѣ играть какъ можно громче, чтобы до солдатъ какъ нибудь не долетѣли его стоны.

По заключеніи мира, графъ Остерманъ-Толстой воротился въ Россію и поселился въ Петербургѣ, гдѣ, занимаясь сперва формированіемъ гренадерскаго корпуса, а потомъ гвардейскаго полка, выстроилъ себѣ пышный домъ, въ которомъ и проживалъ до конца царствованія Александра I. Это была для него блестящая эпоха, какъ по той милости, которою онъ пользовался при Государѣ, такъ и по вліятельному и высокому положенію въ обществѣ и при дворѣ. Онъ самъ говорилъ, вспоминая это время, что имъ прожиты были свѣтлые дни.

По смерти государя Александра Павловича, Остерманъ не умѣлъ снискать благорасположенія его преемника, и конечно не безъ нѣкотораго неудовольствія, будучи только 57 лѣтъ отъ роду, рѣшился оставить Россію. Исторія еще не произнесла суда надъ этимъ страннымъ и неожиданнымъ поворотомъ въ его судьбѣ.

Въ царствованіе императора Николая, графъ Остерманъ два раза возвращался, на короткое время, въ Россію. Въ 1831 году онъ отправился изъ Мюнхена въ путешествіе по Востоку, продолжавшееся три года [1]). Онъ взялъ съ собою Фалмерайера, по разсказамъ котораго, при необыкновенной любознательности, обширной учености и начитанности Остермана, онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ причудливыхъ привычекъ. Такимъ образомъ посѣтилъ онъ Грецію, Европейскую и Азіатскую Турцію. Этого именитаго путешественника и богомольца видѣли на водахъ Нила въ нанятой имъ исключительно для себя баркѣ, на которой съ нимъ была библіотека изъ 500 томовъ, бюстъ императора Александра I-го и небольшая молельня, гдѣ передъ иконами день и ночь теплились неугасимыя свѣчи и курился ѳміамъ, что̀ заставляло поклонниковъ ислама считать его чуть-ли не идолослужителемъ. Нѣкоторые изъ прибрежныхъ жителей указывали на него какъ на Московъ-имама (святаго) и называли его безрукимъ угодникомъ Божіимъ. Іерусалимъ былъ главною цѣлью его путешествія, и здѣсь трогательно было видѣть Бородинскаго и Кульмскаго героя набожно простертаго передъ гробомъ Господнимъ.

Въ Константинополѣ путешественники представлялись султану Махмуду, и къ тому времени относится анекдотъ, записанный со словъ приближенныхъ Остермана. Съ тѣхъ поръ какъ у него была отнята рука, онъ не могъ ходить безъ опоры: такъ сильно можетъ подѣйствовать на общій организмъ ли-

[1]) Въ этомъ путешествіи сопровождалъ его Ѳ. И. Тютчевъ, бабка котораго была племянницею графа Ѳ. А. Остермана. П. Б.

шеніе одного члена, хотя бы и не служащаго непосредственно для передвиженія. Поэтому его никогда не оставляла толстая, тяжелая трость, которой набалдашникъ представлялъ голову скелета очень искусно выточенную. Предавшій смерти Янычаръ полюбопытствовалъ узнать, почему Остерманъ носитъ при себѣ такую мрачную эмблему. Графъ отвѣчалъ ему Латинскимъ изрѣченіемъ: Hodie mihi, cras tibi (Сегодня тебѣ, завтра мнѣ). Прибавьте, просилъ онъ переводчика: хотя много головъ отсѣчено по приказанію султана, но и его собственная голова неминуемо будетъ подобна изображенію на моей трости, и можетъ быть гораздо скорѣе, чѣмъ мы оба думаемъ. Не знаемъ, осмѣлился ли переводчикъ въ точности передать эти слова. Едва ли; но какъ бы то ни было, восточный фатализмъ не былъ непріятно затронутъ прямодушнымъ отвѣтомъ стараго солдата; по крайней мѣрѣ, во все время пребыванія Остермана въ Константинополѣ, онъ, по приказанію султана, былъ окруженъ предупредительностью и самымъ дружелюбнымъ обращеніемъ.

По возвращеніи изъ путешествія по Востоку, графъ Остерманъ-Толстой отправился во Флоренцію, поселился тамъ въ своемъ прекрасномъ дворцѣ и прожилъ тамъ три года. Въ одинъ прекрасный день неожиданно получилъ онъ нижеприводимое письмо. Оно найдено въ его семейныхъ бумагахъ, въ числѣ которыхъ несомнѣнно должно находиться множество драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ. Письмо это доказывало, что и въ отдаленіи онъ не былъ преданъ забвенію, а это не всегда въ жизни бываетъ даже съ самыми замѣчательными людьми.

Вотъ это письмо въ подлинникѣ:

Toepliz, Octobre 1835.

Mon cher comte Ostermann-Tolstoï. L'Empereur mon père avait résolu de consacrer un monument à la mémoire des gardes russes dont l'héroique resistance arrêta la marche du corps d'armée français du général Vandamme, le 29 Août 1813. Il m'a été reservé d'exécuter ce projet de feu mon père, et vous n'apprenderez sûrement pas sans émotion que, le 29 Septembre dernier, l'Empereur, votre auguste Maître, sa majesté le roi de Prusse et moi, nous avons posé la première pierre de ce monument.

Nous avons regretté, dans ce moment solennel, l'absence de celui qui, lors du glorieux combat, commandait les braves troupes russes et dont le nom est désormais inséparable de la journée que nous venons de célebrer. Pour y suppléer en quelque manière, je vous envoie la médaille que j'ai fait frapper pour cette occasion. Vous éprouverez quelque jouissance, en recévant ce souvenir d'une journée si glorieuse pour vous, pour vos braves frères d'armes, pour le Souverain que vous avez servi au prix de votre sang. Je désire que vous le gardiez aussi comme un témoignage des sentiments de haute estime que feu mon père avait pour vous et que je vous conserve également.

Ferdinand, empereur [1]).

Въ 1837 году графъ Остерманъ-Толстой оставилъ Флоренцію и переѣхалъ жить въ Женеву, гдѣ и провелъ въ самомъ глубокомъ уединеніи послѣдніе годы жизни своей.

---

1) Теплицъ, Октября 1835. Любезный графъ Остерманъ-Толстой. Императоръ отецъ мой возымѣлъ намѣреніе соорудить памятникъ въ честь Русскихъ гвардейцевъ, геройское сопротивленіе которыхъ, 29 Августа 1813 года, преградило путь корпусу Французскихъ войскъ,

Въ 1857 году, въ началѣ Февраля, онъ очень тяжело заболѣлъ. Надѣялись, что сильное сложеніе его перенесетъ болѣзнь, но скоро оказались признаки угрожающаго свойства. Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ пожелалъ посѣтить больнаго, но онъ уже былъ въ безсознательномъ состояніи и не имѣлъ утѣшенія узнать передъ кончиной о сочувственномъ вниманіи, оказанномъ ему племянникомъ Государя, его благодѣтеля. Скоро послѣ этого онъ скончался на рукахъ дочери и зятя, окруженный внуками. Почившій могъ припомнить стихъ Латинскаго поэта:

Nec mihi mors est posituro morte dolores.

Графъ Остерманъ-Толстой, какъ онъ самъ говорилъ, въ началѣ получилъ очень недостаточное образованіе; но природа его такъ щедро надѣлила, что онъ этотъ недостатокъ скоро восполнилъ живостью ума, тонкою общительностью и пылкимъ воображеніемъ. Жизнеописаніе его принадлежитъ исторіи этого замѣчательнаго человѣка. То, что здѣсь сказано, слышано въ Женевѣ, гдѣ его любили, уважали и гдѣ считаютъ за честь вспоминать, что Женевцы отдали у себя послѣдній долгъ одному изъ знаменитѣйшихъ мужей эпохи Александра Благословеннаго.

Письмо Московскаго митрополита Филарета къ Россійскому посланнику въ Аѳинахъ, А. П. Озерову.

(по случаю полученія Греческаго ордена Спасителя).

Милостивый государь,
Александръ Петровичъ!

И званіе, которому принадлежу, не поощряетъ меня радоваться почести, и мое время внушаетъ мнѣ заботу о томъ, чтобы съ миромъ оставить все, что вскорѣ оставить должно; однако съ пріятнымъ чувствомъ благодарности встрѣтилъ я вашъ добрый привѣтъ, по случаю благоволенія ко мнѣ его величества царя Греціи.

Наслѣдственное духовное родство нашей церкви и народности съ Греческою дѣлаетъ для меня занимательною мысль, что нѣкоторымъ образомъ принадлежу и къ Греціи.

находившемуся подъ начальствомъ генерала Вандама. Мнѣ досталось исполнить эту мысль покойнаго моего отца, и конечно для васъ будетъ трогательно узнать, что 29 числа минувшаго Сентября, Императоръ, вашъ августѣйшій Монархъ, его величество король Прусскій и я, положили первый камень для этого памятника.

Въ сію торжественную минуту сожалѣли мы, что съ нами нѣтъ того, кто, во время славнаго боя, начальствовалъ надъ храбрыми Русскими войсками и коего имя остается нераздѣльно съ днемъ, память котораго мы чествовали. Въ нѣкое возмѣщеніе сему, препровождаю къ вамъ медаль, выбитую по моему приказанію ради этого случая. Глядя на нее, вамъ пріятно будетъ вспомнить о событіи, столь славномъ для васъ, для вашихъ храбрыхъ товарищей по оружію и для Государя, которому вы служили, проливая кровь свою. Мнѣ желательно, чтобы медаль эта свидѣтельствовала вамъ также о глубокомъ уваженіи, которое питалъ къ вамъ покойный мой отецъ и которое равнымъ образомъ остается и во мнѣ.

Фердинандъ императоръ.

Благодать Божія сохраняетъ Греческую и Россійскую церковь въ единствѣ Православія и союза іерархическаго. Прекрасно разсудила церковь Греческаго королевства, когда, устроя свою самостоятельность, нашла не только должнымъ сдѣлать сіе съ благословеніемъ вселенскаго патріарха, но также приличнымъ и съ согласіемъ Россійской церкви. Но это былъ рѣдкій случай сношеній. Вообще же молчаніе между церквами такъ сдѣлалось обыкновеннымъ, что трудно рѣшиться сказать слово.

Въ сіи послѣдніе годы съ скорбію взираетъ Россійская церковь на затрудненія великой церкви Константинопольской. Открылось было отношеніе къ Россійскому Святѣйшему Синоду со стороны митрополитовъ - геронтовъ; но неудобно было взяться за сію нить сношеній, потому что это было одностороннее представленіе жалобы на вселенскаго патріарха; ясная же обязанность Святѣйшаго Синода была сохранять себя въ мирѣ съ его святѣйшествомъ.

До крайности неправильно церковное или, лучше сказать, противу-церковное движеніе Болгаръ, и чрезмѣрны требованія ихъ; но былъ бы не безполезенъ (если бы могъ быть данъ и принятъ) благовременный совѣтъ, чтобы въ самомъ началѣ утишить движеніе нѣкоторыми удовлетвореніями благословныхъ требованій, напримѣръ понятнаго богослуженія и Болгарскихъ училищъ. Святѣйшій патріархъ, наконецъ, увидѣлъ нужду сдѣлать и сдѣлалъ уступки; но не достигъ цѣли, потому что уже поздно. Ранняя уступка начинавшемуся движенію была бы принята какъ снисхожденіе и могла имѣть успѣхъ; поздняя, очевидно невольная, уступка усилившемуся движенію естественно принимается за признакъ слабости и не укрощаетъ, если не поощряетъ, непокорныхъ. Святѣйшій Синодъ Россійскій только однажды, отвѣчая на грамоту нынѣшняго вселенскаго патріарха при вступленіи его на патріаршій престолъ, имѣлъ случай намекнуть ему о снисхожденіи къ Болгарамъ, но не могъ сказать болѣе. Непризванный миротворецъ долженъ остерегаться, чтобы вмѣсто умиротворенія другихъ не вредить своему миру.

Господь даетъ еще знаменія Своего храненія церкви Константинопольской. Простый, обманутый Іосифъ обманулъ непогрѣшительность папы. Папа, рукополагая Іосифа въ свои викаріи для Болгарской уніи, не догадался, что у него подъ рукою только призракъ. Однако западная пропаганда не унываетъ. Господь да вразумитъ и укрѣпитъ и умиротворитъ православныхъ!

Но мысль и слово мое увлечены. Остановимся въ искреннемъ желаніи, чтобы соединеніе святыхъ православныхъ Божіихъ церквей благодатію Божіею сохраняемо было въ совершенствѣ и чтобы общеніе ихъ было дѣятельно ко взаимному утѣшенію и укрѣпленію.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
Филаретъ митрополитъ Московскій.

27 Сентября 1861 г.

Его превосходительству г. чрезвычайному посланнику и полномочному министру въ Аѳинахъ, въ званіи камергера, дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Петровичу Озерову.

Россія и Сербія въ концѣ Николаевскаго царствованія.

ПИСЬМО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Парижъ, 12 Мая 1853.

Ваше письмо, полное негодованія на насъ, но весьма справедливаго, и дышущее братской любовію, до того меня тронуло, что я нѣсколько времени не могъ рѣшиться его перечитать еще разъ. Нынче прочиталъ снова и отъ души благодарю. Да, повѣрьте, мы всегда умѣемъ быть благодарны за искренность Русскихъ на счетъ Сербіи.

Сколь было-бъ счастливѣе для насъ, если-бъ съ самаго начала нашлися люди, которые умѣли бы увѣрить наше правительство въ искренности доброжелательства Россіи къ намъ; а съ другой стороны увѣрить Россію въ нашей братской любви и нелицемѣрной преданности! Тогда подобныя нынѣшнимъ непріятныя сношенія никогда-бъ не могли быть межъ нами. Гарашанинъ, какъ вы знаете, по настоятельному требованію Туманскаго [1]), долженъ былъ подать въ отставку и теперь удаленъ отъ всякой должности. Признаюсь вамъ искренно, что это требованіе произвело всеобщее негодованіе. Больно было всѣмъ и каждому, что Русскіе, которыхъ мы считаемъ истинными братьями, терпѣть не могутъ и выгоняютъ именно тѣхъ чиновниковъ нашихъ, которые всѣхъ нужнѣе и полезнѣе въ настоящее время своему народу. Мы бы никакъ не сердились, если-бъ могли быть увѣрены, что требованія, даже и рѣзкія, были для нашей пользы. Если-бъ, напримѣръ Россія поступила съ Вучичемъ (нашимъ Лафайетомъ) какъ съ Гарашаниномъ, не только-бъ мы не сердились, но даже благодарили бы всѣ за благое дѣло; но къ несчастію этотъ вредный человѣкъ не только не преслѣдуемъ съ вашей стороны, а всегда ласкаемъ и подъ покровительствомъ вашего консула. Нападать же на Гарашанина и погубить его, особенно въ нынѣшнее трудное и смутное время, значитъ за живо задѣть Сербовъ и (правду сказать) принудить ихъ искать противъ собственной воли и склонности сочувствія въ другихъ правительствахъ. Скажите-же, мы ли виноваты, что вы сами принуждаете насъ отъ васъ удаляться и противъ воли, противъ желанія своего, искать союза съ тѣми, которыхъ ненавидимъ? Необходимость не есть добрая воля. Съ этимъ Западомъ, которымъ насъ часто несправедливо упрекаютъ, мы не имѣемъ ничего общаго, ничего роднаго ни по духу, ни по сердцу. Мы ни въ чемъ не сочувствуемъ съ западными народами, а напротивъ во всемъ различаемся: и по происхожденію, и по характеру, и по языку, по

[1]) Ѳедора Антоновича, Русскаго консула въ Бѣлградѣ (нѣкогда литератора и сочинителя извѣстнаго стихотворенія: «Вчера я растворилъ темницу»). П. Б.

нравамъ, по обычаямъ и по вѣрѣ, да и по самому направленію сильно различаемся; а съ вами, напротивъ, у насъ сродство во всемъ, и желаніемъ желаемъ сблизиться съ вами, какъ съ центромъ Славянства, съ священной скиніей Православія и съ источникомъ истиннаго для насъ просвѣщенія. Можетъ быть, политическія выгоды кое въ чемъ отдѣляютъ насъ отъ вашихъ, и принадлежать Россіи какъ провинція мы не хотимъ; но если вы не домогаетесь этого, стоитъ лишь одинъ разъ откровенно сказать, что не имѣете намѣренія завладѣть нашимъ краемъ, и такая братская откровенность положила бы навсегда конецъ нашей недовѣрчивости.

Мы не можемъ, кромѣ васъ, ни къ какому народу имѣть ни довѣренности, ни прямой любви. Съ кѣмъ имѣть искренній союзъ? Не съ Турками, на которыхъ каждый Сербъ смотритъ какъ на заклятаго врага, день и ночь думая лишь о мщеніи за Косово поле, Лазаря и Обилича. Не съ Нѣмцами, которые искони враги всего Славянства; не съ Французами, этимъ падшимъ народомъ, для котораго нѣтъ ничего святаго: ни закона, который они топчатъ ногами, ни престола царскаго, который они въ изступленіи своемъ облили кровью, ни самой религіи, этого священнѣйшаго дара небесъ, врученнаго человѣку въ утѣшеніе печалей его на трудномъ пути земномъ и въ залогъ спасенія въ будущей жизни; а своей цивилизаціей не только другіе народы развращаютъ, но и самихъ себя. Наконецъ, не можемъ имѣть союза искреннаго и съ Англичанами, погруженными въ матеріальный эгоизмъ, которыхъ вы справедливо называете вампиромъ. При такихъ моральныхъ отношеніяхъ Сербовъ къ другимъ народамъ, спрашиваю: имѣла-ли Россія право подозрѣвать насъ въ сближеніи съ Западомъ и лишить наше правительство своей довѣренности, сомнѣваться въ его привязанности къ Россіи и перемѣнить прежнія сношенія, полныя братской любви, безкорыстія и откровенности? Если бъ Русскіе насъ лучше знали, они бъ никогда не сомнѣвались въ нашей приверженности; но къ несчастію и до сихъ поръ мы мало другъ друга знаемъ, мы еще чуждаемся другъ друга и другъ другу не довѣряемъ. Пора бы, наконецъ, узнать другъ друга лучше и бросить эту гнусную недовѣрчивость съ обѣихъ сторонъ. Вся бѣда въ томъ, что мы узнаёмъ одни другихъ не непосредственно, а черезъ иностранцевъ. Мы знаемъ о васъ то, что̀ Нѣмцы и Французы о васъ пишутъ, а они вамъ враги и всегда дурное находятъ даже и въ томъ, что̀ заслуживаетъ похвалу. Но пора приходитъ не вѣрить имъ, ибо есть такіе Сербы очевидцы, которые лучше знаютъ братьевъ Русскихъ, нежели наши непріятели. Вы насъ знаете или отъ тѣхъ же Нѣмцевъ и Французовъ, которые насъ представляютъ тѣмъ, чѣмъ бы имъ хотѣлось насъ сдѣлать (революціонерами), или отъ вашихъ консуловъ, которые къ несчастію не стараются хорошо узнать Сербовъ, а только по личнымъ своимъ отношеніямъ съ тѣми или другими лицами въ Бѣлградѣ даютъ весьма неблагопріятныя о насъ извѣстія. Или судите насъ, наконецъ, по какимъ нибудь фантастическимъ сочиненіямъ, какъ та брошюрка, которую я вамъ послалъ и въ которой не общее мнѣніе Сербовъ показано, а однѣ только фантазіи сочинителей [1]).

Я ее именно потому вамъ послалъ, что хотѣлъ съ вами пожалѣть горько о неумѣстности такой выходки и ослѣпленіи авторовъ на

[1]) Les Slaves du Midi, par Grouitch et Jankovitch.

счетъ истинной пользы Сербіи. Я имъ точно тоже говорилъ, когда прочелъ ихъ книгу и тоже писалъ въ Бѣлградъ, гдѣ общее мнѣніе Сербовъ совершенно согласно съ вашимъ. Авторы возбудили общее негодованіе; правительство, на счетъ котораго учились, отняло у нихъ пособіе для ученія и потребовало назадъ изъ Парижа, а книгу, какъ вредную, запретило въ Сербіи. Вотъ доказательство, какъ правительство Сербское не поощряетъ западнаго направленія мыслей, и какъ мало оно сочувствуетъ ему. Еслибъ ваше правительство знало, какъ мыслитъ Гарашанинъ на этотъ счетъ, вы бы не думали такъ дурно о немъ и ему бы не приписывали революціонныя мысли, недостойныя и обидныя для Гарашанина. Я самъ видѣлъ письмо его по случаю этой книги и его мнѣніе, когда еще онъ былъ министромъ. Ваша критика въ сравненіи съ критикой Гарашанина еще очень снисходительна. Онъ безпощадно осуждаетъ несбыточныя бредни авторовъ и называетъ ихъ врагами Сербіи и измѣнниками отечеству.

Я былъ глубоко тронутъ вашими словами о прямодушіи Россіи и ея искренности въ отношеніи къ Сербіи, и о томъ, что Русскіе всегда вѣрою и правою поддерживали то, на что единожды согласились. Эти слова справедливы и дороги для насъ; но къ несчастію поступки вашихъ консуловъ въ Бѣлградѣ не всегда убѣждаютъ въ такомъ расположеніи правительства Русскаго, и кажется, что они имѣютъ инструкціи совершенно противныя, или во зло употребляютъ довѣренность правительства. Короче, ваши консулы часто такъ себя ведутъ, что нельзя не думать, что они желаютъ произвести бунтъ въ Сербіи и покровительствуютъ всѣмъ революціонерамъ, а если ваше правительство, которое всюду поддерживаетъ порядокъ законный, желаетъ и намъ, Сербамъ, добра, то не должно-ли оно помогать намъ отдѣлаться отъ вредныхъ людей? А ваши консулы ихъ защищаютъ, какъ напримѣръ Вучича. Этотъ Вучичъ признанъ всѣми за врага не только нынѣшнему правительству, но всякому порядку и всему полезному для земли нашей; а онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ вашихъ консуловъ! Доказано, что Вучичъ замышляетъ бунтъ, а вашъ консулъ не позволяетъ его даже подъ судъ отдать. Не похоже ли это на то, что наше правительство желаетъ миръ и законный порядокъ сохранить, а консулъ вашъ желаетъ бунта? Вучичъ прямой демагогъ, человѣкъ весьма честолюбивый, безъ искренняго патріотизма и у котораго одна страсть дѣлать бунты, свергать князей, перемѣнять правительства; словомъ, онъ человѣкъ, для котораго безпорядокъ и смуты настоящій его элементъ. Сербія испытала всѣ бѣдствія внутреннихъ раздоровъ, она хочетъ жить спокойно; ибо миръ ей нуженъ, чтобъ укрѣпиться и идти впередъ въ развитіи своемъ, и никакой истинный Сербъ-патріотъ не желаетъ никакой перемѣны въ правительствѣ и смотритъ на всякаго человѣка, который бы старался произвести бунтъ, какъ на личнаго непріятеля. Секретарь консульства П*** есть тоже для насъ человѣкъ вредный, ибо составилъ какую-то оппозицію противъ князя и самъ начальникъ этой оппозиціи и мелкихъ интригъ.

Вы знаете, что я давно выѣхалъ изъ Сербіи и не могъ быть вмѣшанъ ни въ какія интриги; но все, что̀ пишу къ вамъ, почерпнуто изъ источниковъ вѣрныхъ. Вы знаете, что я не вѣтренъ и не горячусь по пустому, а имѣю средства хорошо знать наши дѣла. Узнайте насъ лишь хорошо, братья Русскіе! Узнайте нашъ характеръ и

наше стремленіе, и, право мы всегда будемъ въ мирѣ и любви съ вами. Мы люди, которые только не позволяемъ, чтобъ на насъ верхомъ садились, а дружбою и ласковымъ обращеніемъ всегда можно вести насъ куда захочешь. Вы старшіе въ родѣ въ отношеніи ко всѣмъ Славянамъ; мы добровольно и охотно, какъ младшіе братья, будемъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ; только докажите намъ искренность и дайте слово, что по прежнему будете безкорыстны съ нами и не хотите завоевать насъ и сдѣлать своею провинціею. Много на Западѣ говорятъ о томъ, какъ одна или нѣсколько державъ югославянскихъ могутъ быть опорою Запада противъ Россіи; но этимъ господамъ еще не приходило въ голову, что такая или такія державы могутъ и должны бы быть естественною сильною опорою Россіи противъ духа Запада, авангардомъ Россіи противъ западнаго всѣмъ намъ враждебнаго элемента. Къ несчастію, кажется, и въ Россіи никому это не приходитъ на умъ. Въ искренности и безкорыстіи Государя я самъ ни мало не сомнѣваюсь; но я одинъ не составляю всего сербства [2]); а нужно-бы и всѣхъ въ томъ увѣрить. Не только наше княжество Сербское, но и все сербство знаетъ, какими безпредѣльными благодѣяніями осыпала насъ Россія и что мы одолжены вашимъ Государямъ за все, чѣмъ нынѣ пользуемся. Еслибъ мы могли быть неблагодарными, вы имѣли бъ право укорять насъ; но можетъ-ли Сербъ не любить братьевъ Русскихъ, когда еще въ колыбели онъ слышалъ отъ матери разсказы о томъ, какіе у него братья Русскіе, какой у нихъ царь могучій и добрый, и какъ они намъ помогли освободиться отъ Турка? Право, съ Сербами легко ужиться,—нужно только хорошо знать нашъ характеръ, ибо мы черезъ чуръ горячи и иногда своенравны. Пришлите намъ консула, который бы любилъ насъ Русскимъ сердцемъ и принималъ бы въ насъ искреннее участіе, и вы увидите, будетъ-ли между вами и нами согласіе и любовь, и тогда докажемъ мы Европѣ, что значитъ 80 милліоновъ Славянъ! Что касается до Черной Горы, мы всѣ отъ души рады, что она спасена отъ меча невѣрныхъ и что Россія ходатайствуетъ, какъ говорятъ, о признаніи ея независимости. Надо и Нѣмцевъ похвалить, что они помогли Христіанамъ, хотя они умѣли свои собственныя выгоды и изъ того извлечь и хотя я увѣренъ, что не обратили бы вниманія на требованія Австріи, еслибъ султану не видѣлся за плечами Франца Іосифа царь Николай; но все-таки во сто разъ было бы лучше и счастливѣе, еслибъ Русскіе, а не Нѣмцы все сдѣлали! Боюсь я вліянія Австрійцевъ въ Босніи несчастной и Герцеговинѣ: они совратятъ несчастныхъ въ католицизмъ, какъ древле Турки совратили ихъ вельможъ въ магометанство. «Мечь и лесть, обманъ и пламя ихъ похители у насъ» [3]). Мы не имѣемъ средства бороться съ силами пропаганды, но Самъ Богъ назначилъ Россіи въ братскую и христіанскую обязанность защитить насъ отъ вліянія Нѣмцевъ и католиковъ. Вы глава всего Славянства; теперь, въ критическое время, не давайте гибнуть Православію! Повѣрьте, что пишу вамъ есть общее мнѣніе и чувство всѣхъ Сербовъ, всѣхъ южныхъ Славянъ.

(Сообщено А. П. Озеровымъ).

---

[2]) Т. е. всѣ Сербы, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Старой Сербіи и части Албаніи. [3]) Изъ стихотворенія Хомякова «Кіевъ». П. Б.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Это было въ Маѣ 1870 года, въ ясную весеннюю погоду. Направляясь изъ Кракова въ Познань, раннимъ утромъ я переѣхалъ Австрійскую границу и очутился въ Прусской Силезіи. Переѣздъ этотъ былъ мнѣ особенно памятенъ по слѣдующему обстоятельству. Я находился тогда подъ впечатлѣніемъ всего Польскаго, преимущественно Польскаго языка, а также подъ впечатлѣніемъ тѣхъ сѣтованій, которыя слышалъ въ небольшомъ кружкѣ Русскихъ дѣятелей, продолжавшихъ бороться съ ополяченьемъ Галицкой Руси. Австрійская внутренняя политика, вѣчно лавирующая между своими народностями, вступила на ту пору въ періодъ самыхъ любезныхъ отношеній къ Полякамъ, и отдала въ ихъ руки почти все управленіе края. Поляки, конечно, высоко подняли голову и принялись за обычную свою пропаганду возстановленія Рѣчи Посполитой. Бѣднымъ Русскимъ, разумѣется, приходилось плохо. Мнѣ случилось даже отъ самихъ Галицкихъ Нѣмцевъ слышать жалобы на высокомѣрное съ ними обращеніе мѣстныхъ чиновниковъ изъ Поляковъ.

Еще полчаса назадъ въ ушахъ у меня звучала Польская носовая рѣчь, и между прочимъ слышались наивныя восклицанія какой-то дамы изъ Кіевской губерніи. Эта дама выражала восторгъ по поводу того, что она свободно можетъ теперь наслаждаться звуками своего роднаго языка, который по ея словамъ подвергался несносному гоненію на ея родинѣ. Но съ перемѣной вагоновъ на границѣ перемѣнилась и публика. Кругомъ по большей части серьезныя лица, съ неизбѣжными сигарами въ зубахъ; изрѣдка пассажиры перекидывались Нѣмецкими фразами. Уже ни единаго Польскаго звука, хотя мы ѣхали по Силезіи, т. е. по землѣ, двѣ трети населенія которой сохраняютъ еще свою народность (если вѣрить показаніямъ Поляковъ).

Ближайшимъ моимъ сосѣдомъ былъ пожилой господинъ, который своею живостію и разговорчивостію замѣтно выдѣлялся изъ окружающей публики; но на вопросы и замѣчанія свои онъ получалъ короткіе, отрывистые отвѣты. Заговоривъ о чемъ-то со мною, онъ видимо оживился, когда узналъ, что я не Нѣмецъ, а Русскій. Самъ онъ оказался единственнымъ Полякомъ въ нашемъ вагонѣ. Онъ тотчасъ съ удовольствіемъ перешелъ на родную рѣчь; я же, проведя нѣсколько недѣль въ Варшавѣ, Львовѣ и Краковѣ, могъ отъ литературнаго Польскаго языка сдѣлать переходъ и къ разговорному. Словоохотливый старикъ не замедлилъ сообщить мнѣ, что онъ родомъ изъ нашего Привислянскаго края, гдѣ у него было помѣстье. Послѣ мятежа онъ

поспѣшилъ продать это помѣстье и купить имѣніе въ Австріи, около Кракова, гдѣ и поселился. «Я хотя и съ убыткомъ продалъ прежнее имѣніе, замѣтилъ онъ; но по крайней мѣрѣ теперь я спокойно владѣю тѣмъ, что̀ мнѣ принадлежитъ».

При всемъ своемъ хозяйственномъ направленіи, сосѣдъ мой очевидно принадлежалъ къ Польскимъ патріотамъ и не скрывалъ своей антипатіи къ Нѣмцамъ. Эта антипатія однако не мѣшала ему воспитывать своего старшаго сына не въ Краковѣ, а въ Оппельнѣ (какъ называется понѣмецки Ополе, главный городъ Верхней Силезіи). Старикъ слѣдовательно былъ человѣкъ практичный и понималъ превосходство Прусскихъ гимназій передъ Австрійскими. Впрочемъ, по его замѣчанію, Ополе вѣдь собственно Польскій городъ. Сынъ его въ это самое время оканчивалъ гимназическій курсъ, и старикъ именно ѣхалъ за нимъ въ Ополе.

Между тѣмъ поѣздъ подвигался довольно медленно по причинѣ слишкомъ короткихъ станцій и безпрерывныхъ остановокъ. Сіи послѣднія производились потому, что нельзя было миновать многочисленные промышленные пункты, мимо которыхъ пролегалъ желѣзный путь. Мы проѣзжали по весьма замѣчательной мѣстности. Почва Верхней Силезіи славится изобиліемъ каменнаго угля и разныхъ металлическихъ рудъ, особенно желѣзныхъ. Разработка этихъ естественныхъ богатствъ идетъ чрезвычайно дѣятельно. По обѣимъ сторонамъ дороги разсѣяны дымящіеся фабрики, заводы и плавильные горны. Дымъ отъ каменнаго угля застилалъ собою солнечный свѣтъ, и ясный день превратился въ сѣрый. Повсюду виднѣлся рабочій людъ въ синихъ и темныхъ блузахъ. Большая часть пассажировъ на каждой станціи подкрѣпляла себя неизбѣжною кружкою пива. Вотъ напитокъ (думалъ я), по истинѣ благодѣтельный для Нѣмецкой націи! Онъ представляетъ одно изъ ея важныхъ преимуществъ передъ другими народами, въ особенности передъ Русскимъ простонародьемъ. Между тѣмъ какъ нашъ народный напитокъ часто омрачаетъ разсудокъ Русскаго человѣка, заставляетъ его пропивать послѣднее достояніе и ослабляетъ его рабочую способность, Нѣмецъ въ своемъ питательномъ напиткѣ почерпаетъ новую бодрость и новыя силы къ работѣ. По своему качеству пиво веселитъ его, а не одуряетъ; а по дешевизнѣ оно не угрожаетъ ему разореніемъ, не смотря на огромное потребленіе.

Но вотъ мы наконецъ пріѣхали въ Ополе. Едва поѣздъ остановился, и мой сосѣдъ вышелъ изъ вагона, какъ его встрѣтилъ молодой человѣкъ словами: Du Kommst, lieber Vater!

Старикъ весело обнялъ сына и, повидимому, не замѣтилъ, что привѣтствіе было произнесено не на родномъ языкѣ.

На этомъ и остановились мои воспоминанія. По возвращеніи домой я вздумалъ записать впечатлѣнія поѣздки; но послѣ приведеннаго начала что-то отвлекло меня отъ нихъ. Въ настоящее время подробности уже трудно возстановить съ памяти. Я именно полагалъ свои воспоминанія сосредоточить на впечатлѣніяхъ поѣздки по Прусской части бывшихъ Польскихъ земель, потому что меня особенно занимала та машинообразная система, посредствомъ которой эта часть

подвергается постепенному, неотразимому онѣмеченію. Очевидно тутъ нѣтъ мѣста никакимъ колебательнымъ движеніямъ со стороны Нѣмецкаго правительства и Нѣмецкаго общества. То и другое дѣйствуютъ за одно безъ дальнѣйшихъ разсужденій, послабленій, уступокъ и т. п. Политическая зрѣлость достигла той степени, на которой ясно сознанныя цѣли и средства вѣрнымъ и твердымъ шагомъ ведутъ къ конечнымъ результатамъ. Замѣчательна въ особенности Нѣмецкая исключительность въ отношеніи къ языку. Помнится, въ сумерки того же дня поѣздъ проѣзжалъ по Познанской провинціи, гдѣ-то около Русской границы. Тутъ въ одинъ со мною вагонъ помѣстилась Польская дама изъ Калиша, которая отправлялась къ роднымъ въ Познань. У этой дамы вышло какое-то недоразумѣніе относительно билета; на бѣду она не говорила по-нѣмецки, а кондукторъ не понималъ ея Польскихъ объясненій. Мало того, въ цѣломъ вагонѣ никто не отозвался по-польски и не помогъ ей выдти изъ затрудненія, такъ что нижеподписавшемуся пришлось пустить въ ходъ свой небольшой запасъ Польскаго разговорнаго языка. Какой контрастъ съ восторгомъ Кіевской дамы, которую я встрѣтилъ поутру!

Познань съ ея прекрасною крѣпостью, въ которой порядокъ и чистота соблюдаются до мелкихъ подробностей, произвела на меня впечатлѣніе Нѣмецкаго города. Польское населеніе, хотя и представляетъ еще значительную цифру, но говоритъ на родномъ языкѣ по преимуществу въ своей семьѣ; а на улицѣ, въ канцеляріяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ слышится языкъ Нѣмецкій [1]). Помню, что на другой день моего пріѣзда въ городѣ происходилъ парадъ и смотръ войскамъ. И вообще, проѣзжая по Прусскимъ землямъ, я видѣлъ въ разныхъ пунктахъ какое-то движеніе войскъ; мнѣ сказали, что происходилъ обычный сборъ, не помню какого призыва. Однако по дорогѣ въ Россію, когда поѣздъ двигался по Западно-Прусской (бывшей Польской) провинціи, сосѣдъ мой Нѣмецъ былъ на столько откровененъ, что высказалъ ожиданіе большихъ событій: «въ воздухѣ пахнетъ войною, замѣтилъ онъ; но съ кѣмъ именно будетъ война, съ Франціей или съ Россіей, я не знаю». Помню, около вечера мы ѣхали по зеленой низменной равнинѣ, и тотъ же сосѣдъ указалъ мнѣ вдали мѣстность, гдѣ находится Варцинъ, извѣстное помѣстье Бисмарка.

Дѣйствительно, не прошло послѣ того и полутора мѣсяцевъ, какъ разразилась страшная борьба Германіи съ Наполеоновой Франціей.

Д. Иловайскій.

---

[1]) Пользуюсь случаемъ съ благодарностью вспомнить о радушномъ пріемѣ, который я нашелъ въ Познанскомъ Обществѣ Любителей Наукъ (Towarzystwo Przyjaciol Nauk), именно у секретаря его г. Фельдмановскаго. Онъ сообщилъ мнѣ и всѣ изданія своего Общества.

Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

Одинъ изъ достопамятныхъ дѣятелей Николаевскаго царствованія, графъ В. А. Перовскій по воспитанію и образованію своему принадлежалъ къ Александровскому времени. Это былъ человѣкъ высокихъ идеаловъ, сильныхъ страстей и великодушныхъ побужденій; но вмѣстѣ съ общими свойствами лучшихъ Александровскихъ людей было въ немъ много своеобразнаго и ему только принадлежавшаго: при необыкновенныхъ дарованіяхъ, при художественномъ складѣ сильнаго ума, графъ Перовскій отличался цѣльнымъ, самостоятельнымъ характеромъ, какихъ мало, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою людей прошлаго столѣтія. Его біографія должна быть предметомъ общеноучительнаго историческаго сочиненія. Но покамѣстъ, мы можемъ сообщить читателямъ Русскаго Архива лишь немногія свѣдѣнія объ его жизни.

Графъ Перовскій родился около 1795 г. (9 Февр.). Онъ получилъ воспитаніе въ Москвѣ, въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Квартирмейстерскимъ прапорщикомъ при казацкихъ полкахъ, въ аріергардѣ второй Багратіоновской арміи, участвовалъ онъ въ Бородинскомъ бою. Французы задержали его 2 Сентября 1812 года на выѣздѣ изъ Москвы. Его записка о бѣдствіяхъ, которыя пришлось ему выпести, напечатана въ Р. Архивѣ 1865 года. Онъ видѣлъ страшный пожаръ Москвы и потомъ заточенъ былъ въ церкви Спаса на Бору. 17 Сентября его повели во Францію; въ Февралѣ 1814 года онъ очутился въ Орлеанѣ и бѣжалъ изъ плѣна (вмѣстѣ съ товарищемъ заключенія Петромъ Николаевичемъ Семеновымъ). Такимъ образомъ будущій государственный дѣятель прошелъ необыкновенную школу всяческихъ лишеній. По возвращеніи въ Россію, Перовскій причислился къ лейбъ-егерскому полку и, будучи въ тоже время офицеромъ Генеральнаго Штаба, состоялъ адъютантомъ при графѣ П. В. Кутузовѣ, вмѣстѣ съ которымъ сопровождалъ великаго князя Николая Павловича въ его образовательныхъ путешествіяхъ по Россіи и Европѣ. Тутъ началось сближеніе Перовскаго съ будущимъ Государемъ. Перовскій имѣлъ помѣщеніе въ Аничковскомъ дворцѣ. Въ началѣ 1818 года, онъ назначенъ директоромъ канцеляріи генералъ-инспектора инженеровъ, т. е. Николая Павловича и переѣхалъ жить въ Инженерный или Михайловскій замокъ (гдѣ занялъ бывшіе покои княгини А. П. Гагариной, на углу Садовой и Царицына луга). Около этого же времени, при дворѣ молодаго великаго князя появляется Жуковскій, пріятельски знакомый еще по Москвѣ съ старшимъ братомъ Перовскаго, Алексѣемъ Алексѣевичемъ (извѣстнымъ подъ псевдо-

нимомъ Погорѣльскаго). Тѣсная дружба соединила навсегда Жуковскаго и В. А. Перовскаго. Заболѣвъ въ 1822 году, Перовскій долго лѣчился въ Италіи, вернулся въ 1824 году и, будучи адъютантомъ Николая Павловича, исполнялъ его порученія во время междуцарствія и въ день 14 Декабря. Въ это роковое время онъ является однимъ изъ преданнѣйшихъ новому Государю лицъ. Извѣстно (по книгѣ барона Корфа), что была минута, когда народная толпа на Исакіевской площади, подучаемая мятежниками, вела себя неспокойно. За одно съ нѣкоторыми другими лицами, окружавшими Государя, Перовскій былъ предметомъ дерзкихъ выходокъ: ему нанесли ударъ въ спину полѣномъ. Въ 1828 г. Государь послалъ его изслѣдовать безпорядки въ Черноморіи; тутъ ему пришлось участвовать во взятіи Анапы, которую князь Меншиковъ громилъ со стороны моря. Затѣмъ Перовскій отправился къ Государю подъ Варну, гдѣ былъ раненъ въ лѣвую сторону груди, такъ что ему вырѣзывали пулю. Только что вылѣчившись, уѣхалъ онъ въ Италію къ умирающей племянницѣ Жуковскаго, А. А. Воейковой, съ которою соединяла его возвышенная дружба. Около 1830 г. Перовскій поступилъ въ директоры канцеляріи начальника Морскаго Штаба, т. е. князя Меншикова. Года черезъ три потомъ послѣдовало его назначеніе Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ на мѣсто графа Сухтелена. Тамошнему краю посвящена большая часть его дѣятельной службы. Послѣ Хивинскаго похода (1839), онъ на нѣкоторое время оставлялъ это губернаторство и, назначенный туда вторично, предпринялъ новый степной Ахмечетскій походъ, памятникомъ котораго остался такъ называемый фортъ Перовскій. Походъ этотъ продолжался съ Мая по Сентябрь 1853 года. Перовскій проложилъ для Россіи пути въ Среднюю Азію. Въ нынѣшнее царствованіе Перовскій пожалованъ въ графы. Тяжкая болѣзнь заставила его покинуть службу. Онъ скончался въ Крыму, въ Алупкѣ, 8 Декабря 1857 года и похороненъ въ приморской скалѣ Георгіевскаго монастыря.

Нѣкоторое понятіе объ его личныхъ качествахъ могутъ дать нижеслѣдующія посланіе къ нему въ стихахъ и письмо Жуковскаго, относящіяся къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ въ жизни Перовскаго, и собственное письмо его къ Ю. Ѳ. Самарину. *П. Б.*

I.

ПОСЛАНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ В. А. ПЕРОВСКОМУ.

(Писано послѣ 1818 года).

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сказался!
Къ любви душа была близка;
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала,
Опять о счастьи мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины!...

* * *

Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ игравшимъ въ колыбели
Въ виду родительскихъ гробовъ.
Онъ небо узнаётъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой
Неизъяснимымъ упованьемъ,
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ,
Невыразимою тоской.
Живымъ утраченное мнится,
Онъ снова гость минувшихъ дней,
И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей....

*
* *

Таковъ былъ я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня незапно навѣстило,
Меня незапно уманило
На первобытный жизни лугъ:
Любовь мелькнула предо мною.
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой *)
Бывалый звукъ раздался въ ней!
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся какъ поэтъ!....

*
* *

Но удались, мой посѣтитель:
Не у меня тебѣ гостить!
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!

---

*) Вспомнимъ въ Посланіи А. С. Пушкина къ Жуковскому:
Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой....

Товарищъ, мной ты не забытъ;
Любовь друзей не раздружитъ.
Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу-ль передъ тобой?
Сравню-ль его съ твоимъ страданьемъ?

*
* *

Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ.
Давно веселости ужъ нѣтъ!
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Товарищъ грустный—молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой.
Ты, молча, радостныхъ дичишься
И, къ жизни холоденъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ....

*
* *

Мой другъ, съ участіемъ глубокимъ
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья:
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ.
Сіе смятеніе во взорѣ,
Склоненномъ робко передъ *ней*;
Несвязность смутная рѣчей,
Въ желанномъ сердцу разговорѣ
Перерывающійся гласъ;
Къ тому что̀ окружаетъ насъ
Задумчивое невниманье;
Присутствія очарованье
И непрнсутствія тоска;
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека;
И это *все* что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно!

*
* *

На то мой жребій далъ мнѣ право!....
Но то, въ чемъ слабость бытія,
Должно-ли быть ему отравой?
Нѣтъ, милый, ободрись! Она

Столь восхитительна не даромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена.
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ!
Не прелестью ума одной,
Онъ чувства прелестью приманчивъ.
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло-сладостное слито
Съ сей оживленной красотой.
Въ ней что-то искреннее дышетъ,
И въ миломъ голосѣ *ея*
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
Всему, въ ней лучшему, родной,
Въ нее участіе ліющій
И безъ усилія дающій
Ей убѣжденье и покой.

*
* *

О ввѣрься жъ, другъ, *душѣ* прекрасной.
Уже-ль природою напрасно
Ей столько милаго дано?
Люби—любовь и жизнь одно!
Предайся *ей*, забывъ сомнѣнье
И жребій жизни соверши:
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души!

23-го Іюля.

II.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФУ В. А. ПЕРОВСКОМУ, ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ ВЪ РОССІЮ.

Мой милый Перовскій! Все что̀ гр. Т. разсказывала о послѣднемъ времени твоей жизни, наполнило благоговѣніемъ мое сердце. Нѣсколько мгновеній перемѣнили направленіе твоей жизни. Понимаю вполнѣ что̀ съ тобою было, и если бы можно было въ подобныхъ случаяхъ завидовать, сказалъ бы, что я тебѣ завидую. Кто провелъ нѣсколько ночей какъ ты, въ чтеніи Евангелія, передъ само̀ю присутствующею смертью, въ переборѣ прошедшаго, и кто дружился такъ какъ ты въ эти минуты со смертію, тотъ получилъ самое желанное, то что̀ мы никакими усиліями воли своей получить не можемъ,—получилъ *опытъ сердца*. Вѣра не иное что̀ какъ опытъ надъ нашимъ собственнымъ сердцемъ. Съ тобою случилось великое, которое дается немногимъ и, судя по словамъ ***, я нахожу, что ты, своимъ здравымъ умомъ, выбралъ именно тотъ путь, по которому ты наилучшимъ, наиболѣе свойственнымъ тебѣ образомъ, дойдешь къ той цѣли, которая такъ чудно была тебѣ указана самою смертью,

которая въ этомъ случаѣ была только временный посланникъ - изъяснитель Божіей воли. Это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствія, съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на земное, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанина и стремленіе исполнять волю Спасителя тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе—лучшей дороги ты выбрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что̀ тебѣ сказали тѣ святыя ночи ожиданія смерти, въ которыхъ изъ Своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель. Ты человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собою своего Спасителя въ земную дѣятельность; пусть будетъ Онъ съ тобою на Оренбургскомъ губернаторствѣ. Будь вездѣ и во всемъ Онъ съ тобою: изъ этого выдетъ наконецъ миръ сердца, и въ свое время возобновятся для тебя тѣ святыя ночи, которыя такъ благостно были Самимъ Богомъ тебѣ ниспосланы, но въ которыя уже смерть тебя не обманетъ, а возметъ на свои руки, къ утѣшенію всѣхъ, кто поймет̀ъ подобное таинство.

Я ѣду скоро, то есть черезъ недѣлю, въ Россію. Пишу къ тебѣ съ закрытыми глазами, которые у меня разболѣлись. Въ Отечествѣ, можеть быть увидимся, хотя трудно мнѣ сообразиться, чтобы ты могъ оставить то мѣсто, которое теперь самъ себѣ выбралъ, и нельзя желать, чтобы ты его оставилъ. Наша жизнь давно развела насъ. Теперь, на старости, разными путями попали мы на одну дорогу. Заведемъ въ Россіи переписку, разъ въ мѣсяцъ, страницу или двѣ; кажется, дѣло сбыточное! Правда? А увидишь, что не сбудется! Прощай!

Жуковскій.

P. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе сказанному. Ты не созданъ для контемплятивной жизни, хотя все подобное весьма доступно уму твоему. Если ты, вслѣдствіе того что̀ было съ тобою, захочешь насильственно предаться внутренней жизни, ты только надорвешь душу и ни къ чему не достигнешь. Твоя душа созрѣла на боевомъ полѣ жизни. Туда перенеси и внутреннюю жизнь ея. Какъ возвысится теперь все то, что̀ прежде дѣлалось въ смыслѣ одного долга и что̀ теперь будетъ дѣлаться въ смыслѣ того же долга, но уже не сухаго, земнаго, а превращеннаго въ смиренную покорность Спасителю! Къ этому можно присоединить правило St. François de Sales: Sentez, mais ne consentez pas *). Мало ли что осаждаетъ нашу душу! Мы не можемъ не чувствовать того, что̀ само собою входитъ въ наше сердце; но мы всегда можемъ съ нимъ не соглашаться. Въ такомъ случаѣ всякое дурное чувство становится намъ чуждымъ, становится только испытаніемъ души, полезнымъ ей какъ гимнастика тѣлу.

Не вздумай, чтобы я принималъ роль твоего наставника. Хорошъ гусь! Нѣтъ, а говорить о такомъ предметѣ именно съ тобой будетъ мнѣ къ добру: самого себя лучше узнаешь; а знать самого себя значитъ бить себя по щекамъ ежеминутно.

Баденъ.
Іюль 1851.

*) Чувствуйте, но не увлекайтесь чувствомъ.

III.

Письмо В. А. Перовскаго къ Ю. Ѳ. Самарину.

29 Марта 1849.

Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie. Afin que vous ne soyez pas choqué de la familiarité de la mienne, je dois vous expliquer par écrit ce que je vous aurais dit de vive voix, si vous m'aviez trouvé le jour où vous m'avez fait l'amitié de venir me voir *). Je vous aurais dit que pour moi, sans que vous vous en soyez douté, vous n'avez jamais été que Юша, l'enfant de parents que je connais et que j'aime depuis trente ans, et qui, j'en étais sûr, ont gardé de moi un souvenir amical. Vous ne m'avez jamais été чужой; j'ai souvent pensé à vous, et c'est avec intérêt et plaisir que j'apprenais d'abord la manière distinguée avec laquelle vous aviez achevé vos études, et plus tard, l'usage que vous faisiez des connaissances acquises, ainsi que vos efforts pour en acquérir de nouvelles. Ajoutez à cela, qu'à votre réussite (toujours sans que vous vous en doutiez le moins du monde) j'attachais une espèce d'amour-propre: comme enfant vous m'étiez sympathique, et alors déjà moi, partisan de Lavater, je m'étais promis pour vous tout le bon que vous avez tenu depuis. Après cela vous comprendrez, cher ami, что меня благодарить не за что; съ моей стороны ларчикъ просто открывался. J'espère que votre modestie n'ira pas jusqu'à la désobligeance; vous ne supposerez pas que je vous flatte. Malgré mon incapacité à faire des phrases, j'en aurais trouvé de mieux tournées. Vous m'avez donné trente ans pour les préparer. Adieu, mon cher Georges; veuillez me mettre aux pieds de madame votre mère et en même temps dire à votre père que mon amitié une fois donnée, je n'y fais plus de soustraction; votre lettre me confirme dans la persuasion que de sa part il en est de même.

Votre dévoué B. Peroffsky.

Переводъ. 27 Марта 1849. Я получилъ письмо ваше и благодарю васъ за него. Чтобы не удивила васъ фамиліарность нижеслѣдующихъ строкъ, нужно мнѣ объяснить вамъ письменно то, что̀ я передалъ бы вамъ словесно, если бы вы застали меня дома въ тотъ день, когда оказали мнѣ дружбу навѣстивъ меня. Я сказалъ бы вамъ, что безъ вашего вѣдома вы для меня всегда были Юшею, сыномъ людей, которыхъ я знаю и люблю уже тридцать лѣтъ, и которые, я былъ увѣренъ, сохранили обо мнѣ дружеское воспоминаніе. Вы никогда не были мнѣ чужой. Я часто думалъ о васъ, съ участіемъ и удовольствіемъ узнавалъ сначала о томъ, какъ отлично кончили вы ученіе, потомъ, какое употребленіе сдѣлали вы изъ пріобрѣтенныхъ познаній и какъ

*) В. А. Перовскій выразилъ самое искреннее участіе Самарину во время заключенія его въ Петропавловской крѣпости (по поводу Рижскихъ писемъ). Самаринъ, узнавъ объ этомъ, немедленно по освобожденіи, поѣхалъ къ Перовскому, но не засталъ его дома и написалъ ему письмо, въ отвѣтъ на которое и получилъ вышенапечатанное.

стараетесь пріобрѣсти новыя. Прибавьте къ этому, что (опять таки безъ малѣйшаго вашего вѣдома) слухъ о вашихъ успѣхахъ нѣкоторымъ образомъ льстилъ моему самолюбію: я питалъ къ вамъ сочувствіе, когда вы были еще ребенкомъ и, будучи приверженцемъ Лафатера, я тогда уже ласкалъ себя мыслію о всемъ добромъ, что потомъ сдѣлалось вашимъ достояніемъ. Послѣ этого, любезный другъ, вы поймете, что меня благодарить не за что; съ моей стороны ларчикъ просто открывался. Надѣюсь, что скромность ваша не доведетъ васъ до неучтивости: вы не подумаете, что я вамъ льщу. Не смотря на то, что я неспособенъ говорить то чего не думаю, я все таки съумѣлъ бы лучше придумать фразы: вы мнѣ дали тридцать лѣтъ сроку, чтобы приготовить ихъ. Прощайте, мой любезный Юрій. Передайте мое почтеніе вашей матушкѣ и скажите отцу вашему, что разъ я съ кѣмъ подружился, то сохраняю дружбу безповоротно. Письмо ваше меня удостовѣряетъ, что и съ его стороны тоже самое.

Преданный вамъ **Перовскій.**

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

На оберткѣ первой тетради Русскаго Архива вмѣсто: «княгинею Е. Э. Бѣлосельскою-Бѣлозерскою» слѣдуетъ: «княгинею Е. Э. Трубецкою, урожденною Бѣлосельскою-Бѣлозерскою».

Къ стр. 159-й. Домомъ, нынѣ принадлежащимъ К Т. Солдатенкову (на Мясницкой), владѣла не «пріятельница (какъ сказано) графа Ѳ. Г. Орлова, а Екатерина Александровна Ярославова, рожд. Павлова, родная сестра княгини М. А. Львовой (у Долгор. ч. I, стр. 188. № 121). Мужъ Екатерины Александровны былъ Тихонъ Александровичъ Ярославовъ, вступившій въ службу въ 1761., бригадиръ (1 Янв. 1786), поручикъ правителя Саратовскаго намѣстничества (какъ показано въ мѣсяцесловѣ на 1789 годъ), и умершій въ чинѣ д. с. с. до 1807 года. Покойница была женщина набожная, добродѣтельная, дѣлала много добра и своимъ и чужимъ.

На стр. 327-й при имени В. А. Муханова (№ 37-й) слѣдуетъ добавить: «умеръ 27 Ноября 1876».

На стр. 329-й при имени Николая Сергѣевича Муханова, вмѣсто 1852 года надо поставить годомъ его кончины 1862.

Первый стихъ въ вышенапечатанномъ Посланіи С. Т. Аксакова къ А. И. Казначееву, долженъ читаться такъ:

«Ахъ сколь ошиблись мы съ тобой, любезный другъ!»

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ ШКОЛА

въ 1878 г. (годъ десятый).

Журналъ одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1878 г. ежемѣсячными книжками, отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ убористаго шрифта, при ближайшемъ и постоянномъ сотрудничествѣ *В. А. Евтушевскаго* и *А. П. Пятковскаго*, по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какъ издавалась она въ теченіи 9 лѣтъ. Журналъ занимается спеціально разработкою вопросовъ, относящихся къ народной школѣ, а равно и къ начальному обученію и воспитанію вообще. Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ журналѣ многихъ другихъ литераторовъ и педагоговъ, а также и земскихъ дѣятелей, практически знакомыхъ съ условіями и потребностями народного образованія.

Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями (куда входятъ политическія извѣстія для народныхъ учителей, чтенія для народа и пр.), четыре рубля пятьдесятъ коп., съ пересылкою и доставкою. Подписка принимается: для иногородныхъ *исключительно* въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, 6 линія, № 25; для городскихъ же подписчиковъ, сверхъ означеннаго адреса, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Содержаніе перваго (январскаго) нумера «Народной школы» за 1878 г. слѣдующее:

1) Нашимъ читателямъ, отъ редакціи. 2) Законодательство и Высочайшіе рескрипты. 3) Вліяніе антигигіеническоѣ школьной обстановки на здоровье дѣтей, статья *И. Фленко*. 4) Къ вопросу объ обязательности первоначальнаго обученія (сводъ мнѣній народныхъ учителей). 5) Инородческія школы въ Россіи, *Н. Домоховскаго*. 6) Библіографія (разборъ двухъ книгъ) *В. Ф. Б.* 7) Новости и смѣсь (педагогическая хроника и разныя извѣстія). 8) Политическія извѣстія для народныхъ учителей (Взятіе Плевны и пр.). Къ книжкѣ приложенъ портретъ покойнаго редактора—издателя «Народной школы», Ѳ. Н. Мѣдникова.

Редакторы—издатели: *В. Евтушевскій. А. Пятковскій.*

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОНОГРАФІИ и КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

„ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ".

въ двухъ томахъ.

Второй томъ посвященъ весь исторіи русской журналистики (1703—1838 г.).

Благопріятные отзывы: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Пб.» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», и «Педагогическомъ Музеѣ». Цѣна за два тома, объемомъ ококо 50 печат. листовъ. 3 р. 50 коп., вѣс. 4 ф. Книга рекомендована для гимназическихъ библіотекъ особымъ циркуляромъ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа. Складъ по Банковской линіи, № 25.

Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изданіе 3-е, подъ редакціей **А. П. Пятковскаго**, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Одобрено: учен. комитетомъ мин. нар. пр., учебн. комитетомъ IV-го отд. собств. Е. И. В. канцеляріи и главн. управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ И. И. Глазунова, по Бол. Садовой. Цѣна 1 р. 25 коп., вѣс. 1 ф. Осталось незначительное число экземпляровъ.

СБОРНИКЪ

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ I. Уставъ Русскаго Историческаго Общества.—Рескрипты и письма им. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщ. кн. Н. А. Орловымъ и изд. подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщ. изъ Государственнаго Архива К. К. Злобинымъ.—О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца им. Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ.—Бумаги изъ дѣлъ о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и Сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.—Письма им. Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ. Сообщ. А. Ѳ. Гамбургеромъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи Іезуитскаго новиціата. Ст. Князя М. А. Оболенскаго и пр. Цѣна 2 р.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія им. Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ.—Записка графа Поццо ди Борго о немъ самомъ. Сообщено К. К. Злобинымъ.—Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ѳ. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго.—Выписки о государственныхъ учрежденіяхъ, сдѣланныхъ им. Екатериною II съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ.—Извлеченіе изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи и пр. . . . . Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ. Сообщ. А. Н. Поповымъ.—Записка графа І. Каподистріа о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ Государственнаго Архива въ С.-Петербургѣ.—Отвѣтное письмо графа І. Каподистріа Петро-Бею, вождю Спартанцевъ.—Инструкція, данная им. Екатериною II-ю фонъ-Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ.—Письма им. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Сообщено княземъ А. Н. Волконскимъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи

въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ Э. Германомъ. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ. — Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный им. Екатеринѣ II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ. — Бумаги князя Н. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Куломзинымъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ Э. Германомъ. — Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну гр. Никитѣ Петровичу. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ. — Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ. — Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено кн. Н. В. Репнинымъ. — Записка князя А. А. Чарторыйскаго им. Александру I, 26 іюня 1807 года. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіеся въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400, преимущественно собственноручныхъ, бумагъ Императрицы съ 1744 по 1764 г. включительно). Часть I. Ц. 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II. . . . . Цѣна 3 р.

Томъ IX. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ; документы эти напечатаны съ разрѣшенія его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича. 2) Переписка относительно несостоявшагося брака Гу-

става-Адольфа IV-го съ великою княжною Александрою Павловною. 3) Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ въ 1765 и 1771 гг. 4) Письма кн. А. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцеву. 5) Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова. (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову). Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги императрицы Екатерины II-й, хранящіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ съ 1765—1771 гг. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ, Н. В. Калачевымъ и извлеченные изъ архива Правительствующаго Сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Собраны и изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка Англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ Англійскаго государственнаго архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть I . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги императрицы Екатерины II-й, хранящіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ съ 1771—1774 г., изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, собранныя и изд. Д. В. Полѣновымъ. Часть III . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XV. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. 2) Донесенія барона Мардефельда, Прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3) Бумаги князя Репнина за время Константинопольскаго посольства . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги князя Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка императрицы Екатерины II-й съ Фальконетомъ . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24-е іюля новаго стиля 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка Англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1770 по 1776 г. включительно.

Сообщено изъ Англійскаго государственнаго архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть II . . . . . Цѣна 3 р.

Томъ XX. 1) Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Вели[illegible]ческіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи [illegible]лавіи. 3) Переписка императрицы Екатерины II-й съ [illegible]олемъ Фридрихомъ II-мъ. (Сообщено имперскимъ канцлеромъ [illegible]земъ Бисмаркомъ и государственнымъ канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ). 4) Собственноручныя письма великой княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 5) Письма великаго князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I-го) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 6) Проектъ императрицы Екатерины II-й объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7) Записка государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи государственнаго совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I го. 8) Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго русскаго историческаго общества, происходившемъ 17-го марта 1877 года въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9) Сотрудничество Екатерины II-й въ „Собесѣдникѣ“ княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ. . . . Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія полковника А. И. Чернышева изъ Парижа императору Александру Павловичу (1810 и 1811 гг.). Письма А. И. Чернышева къ канцлеру гр. Н. П. Румянцеву изъ Шенбруна въ 1809 году. Донесенія князя А. Б. Куракина изъ Парижа императору Александру и гр. Румянцеву (1811 и 1812 гг.). Письмо генералъ-адъютанта гр. П. А. Шувалова къ императору Александру изъ Парижа (1811 г.) и письма къ императору Александру барона Сухтелена изъ Стокгольма (1812 г.). Отчетъ въ дѣлахъ 1810 года, представленный императору Александру М. М. Сперанскимъ (1811 г.) . . Цѣна 3 р.

Къ каждому тому Сборника приложенъ азбучный указатель именъ.

Всѣ означенные здѣсь томы продаются вмѣстѣ и порознь. Книгопродавцы могутъ обращаться за ними въ С.-Петербургѣ: 1) по Большой Морской, домъ № 54; 2) въ Министерство иностранныхъ дѣлъ къ А. Ѳ. Гамбургеру и 3) въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія по Троицкому пер., домъ № 13.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 25 Января 1878 г.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. каналъ, между Вознесенск. и Маріинск. мост[illegible]

1877 годъ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записка графа **Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ. Записки **гр. А. И. Рибопьера.** Н. И. Второвъ, статьи **М. Ѳ. Де-Пуле.** Самаринъ-ополченецъ. А. П. Елагина. Разсказы **Толычовой.** Цѣна 3 рубля.

*

1877 годъ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о Французской революціи **князя А. М. Бѣлосельскаго.** Записки **короля Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи. Дневникъ **гр. А. Г. Бобринскаго.** Записки декабриста **П. И. Фаленберга.** Депеши изъ Парижа **кн. А-я Б. Куракина.** Разсказы **гр. М. А. Мамонова.** Записки о войнѣ 1829 г. **И. Г. Поливанова.** Ц. 3 р.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ 1878.

СОДЕРЖАНІЕ:

Правительственныя распоряженія. Восточный вопросъ и Задунайская славянщина. П. Кулиша. Свѣдѣнія о жайнахъ и буддистахъ. И. П. Минаева. Гусско-византійскіе отрывки. В. Г. Васильевскаго. О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ. Т. Барсова. Новости иностранной литературы. О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. А. Баранова. Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія и среднія учебныя заведенія. Возраженіе г. Радлову. В. Смирнова. Ю. В. Толстой. (Некрологъ).

Отдѣлъ классической филологіи. De Tyrtaei patria A. Hoelbe. Библіографія: Андріанка (Andria) П. Теренція А. (P. Terentii A.). Изъ академическихъ чтеній по каѳедрѣ латинской словесности, читанныхъ заслуженнымъ профессоромъ Академіи *Д. Подгурскимъ* Р. Фохта.

Приложеніе: Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Продолженіе). Е. Шмида.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ; критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки 12 руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 руб. 50 к., съ пересылкой въ другіе города 13 р. 75 к. (въ томъ числѣ 55 к. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1868, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ 6 руб., за отдѣльныя книжки журнала—по 50 к. за книжку, съ пересылкою въ другіе

Редакторъ **Е. Ѳеоктистовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: *Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.